Для школьнаго и семейнаго чтенія.

ВСЕЛЕНСКІЕ УЧИТЕЛИ.

III

ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Составилъ А. В. Кругловъ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено (въ 3 изданіи) въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912 г., декабрь.)

Учил. Сов. при Св. Синодѣ одобрено для библіотекъ второклассныхъ и учительскихъ церковно-приходскихъ школъ. (Отнош. отъ 11 іюля 1900 г., за № 4402.)

Москва—1917.
Издатель В. С. СПИРИДОНОВЪ.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., 2.
Телефонъ № 8-84-15.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1917.

„Онъ горѣлъ ревностью апостоловъ".
„Онъ былъ безжалостенъ ко грѣху и
исполненъ милосердія къ грѣшнику".

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Когда св. Григорій Богословъ покидалъ Константинополь, онъ просилъ избрать на свое мѣсто мужа достойнаго, который явился бы крѣпкимъ борцомъ за православіе. Преемникъ Григорія, Нектарій, не былъ, однако, таковымъ. Но желаніе Григорія Богослова исполнилось, когда послѣ Нектарія константинопольскую каѳедру занялъ св. Іоаннъ Златоустъ.

Характерно опредѣленіе его личности: «Онъ совсѣмъ не боялся людей, потому что боялся Бога. Если онъ находилъ что-нибудь справедливымъ, необходимымъ высказать, то никакія постороннія соображенія не могли воспрепятствовать ему въ этомъ». Онъ не зналъ сдѣлки съ совѣстью, не налагалъ молчанія на уста, если нужно было говорить. Въ этомъ отношеніи онъ не только не уступалъ, но, можно сказать, даже превосходилъ нерѣдко Григорія. Поистинѣ онъ является «свѣтильникомъ міра, учителемъ вселенной, столпомъ и утвержденіемъ Церкви». Его величавый образъ, окруженный славой мученичества, ярко выдѣляется на фонѣ IV вѣка. Не даромъ дано ему такое наименованіе: самые блестящіе церковные ораторы всѣхъ протекшихъ вѣковъ христіанства уступаютъ Златоусту-проповѣднику, который жегъ сердца людей своимъ глаголомъ. «Его грозное, огненное слово (и надо прибавить, всегда дышавшее любовью) и обличило, и освѣтило древній міръ, по имени христіанскій, но погруженный въ бездну беззаконія; оно вызвало подъемъ его духовныхъ силъ, привело его на путь возрожденія».

Слово Златоуста не умолкло съ его смертью. Его творенія и нынѣ являются истинно питательной пищей и благодатнымъ свѣтомъ. Они—отраженія жизни, ибо, во-первыхъ, изобилуютъ любопытными свѣдѣніями о томъ времени, его нравахъ, а, во-вторыхъ, Іоаннъ какъ поучалъ жить, такъ и жилъ самъ. Слово и дѣло не

расходилось у св. проповѣдника, который «во свидѣтельствованіе истины сносилъ всеобщій укоръ и хотѣлъ быть оправданнымъ предъ лицомъ Бога», не заботясь о судѣ міра. Но міръ, когда-то гнавшій его, его же и призналъ своимъ свѣтильникомъ, сталъ искать истины и уроковъ христіанской нравственности не только въ его твореніяхъ, но и въ его жизни, которая показываетъ всѣмъ дивную высоту христіанскаго совершенства. Отдавъ всего себя на служеніе Богу и Его Церкви, пройдя тяжелый путь жизни, закончившейся смертью въ изгнаніи, Златоустъ покидаетъ земную юдоль съ благодарностью Богу за все. «Слава Богу за все!»—таковы послѣднія слова изгнанника-святителя, испившаго ту чашу страданій, одной капли которой довольно для большинства, чтобы вызвать на уста ропотъ укоризны и чуть не возмущенія противъ воли Провидѣнія. Понятно, что такая жизнь поучительна уже сама по себѣ, потому что она сама по себѣ уже—свѣтъ, разгоняющій тьму. Знакомство съ жизнью Златоуста можетъ не только уяснить его личность, дать понятіе о его времени, но и принесетъ намъ укрѣпленіе въ борьбѣ съ грѣхомъ, подниметъ нашъ слабый духъ и освѣтитъ мракъ нашихъ мятущихся душъ. Великій проповѣдникъ можетъ служить для насъ образцомъ неустрашимости въ бѣдѣ, вѣрности правдѣ, образцомъ любви къ ближнему и беззавѣтной покорности волѣ Божіей.

II.

Св. Іоаннъ родился въ 347 году въ Антіохіи, на Сингонской улицѣ, на которой жилъ нѣкоторое время апостолъ Павелъ.

Антіохія отличалась красивымъ мѣстоположеніемъ и занимала видную роль среди городовъ Востока. Большой и великолѣпный городъ, съ самаго своего основанія Селевкомъ, Антіохія не переставала возрастать съ того времени, какъ она сдѣлалась частью римской имперіи. Особенно украшенная при Діоклетіанѣ многими храмами, дворцами и термами [1]), а при Константинѣ великолѣпною церковью, она являлась вмѣстѣ съ Константинополемъ и Александріею одною изъ трехъ, не имѣющихъ соперницъ митрополій Востока. «Старый городъ, такъ называемая Палея, лежалъ по протяженію рѣки Оронта; новый занималъ на самой рѣкѣ большой островъ, соединенный съ берегами посредствомъ пяти мостовъ. Жители гордились той великолѣпною улицей, длиною въ 36 стадій и съ обѣихъ сторонъ окаймленною портиками,—улицей, которая прямою линіей, параллельно рѣкѣ, пересѣкала городъ. Снабженіе водой было устроено удивительно. Бани были обширны и великолѣпны.

---

1) По причинѣ частыхъ военныхъ экспедицій противъ персовъ въ Антіохіи подолгу жили императоры.

Антіохія также выдавалась превосходнымъ устройствомъ правильнаго освѣщенія. Ночь отличалась отъ дня только качествомъ свѣта, и каждый по своему желанію могъ безъ затрудненій продолжать ночью и трудъ и удовольствія. Антіохія имѣла своею оградою богатыя селенія и, кромѣ того, цѣлый пригородъ Дафну, которымъ до такой степени гордились сирійцы, что обыкновенно самую столицу называли его именемъ—«Антіохіею при Дафнѣ». Императоръ Констанцій называлъ ее «столицей Востока».

Равнина, которая окружала городъ, изобиловала виноградниками, лавровыми и миртовыми рощами. Антіохія славилась пріятнымъ климатомъ.

Народонаселеніе Антіохіи простиралось до 200 тысячъ и состояло изъ римлянъ, грековъ, сирійцевъ евреевъ, арабовъ и др. Въ образовательномъ отношеніи Антіохія для Азіи являлась тѣмъ же, чѣмъ были для Европы Аѳины.

Христіанство рано распространилось въ Антіохіи. Здѣсь впервые раздалось евангельское благовѣстіе для языческаго міра; «здѣсь въ первый разъ было произнесено самое имя христіанина, и здѣсь въ лонѣ зарождавшейся Церкви возникъ первый споръ о соблюденіи закона (обрѣзанія), который заставилъ ап. Павла въ «лицо противостать» ап. Петру. Христіанство, рожденное при ап. Павлѣ, окрѣпло и сформировалось въ знаменитую апостольскую Церковь. Антіохія имѣла у себя епископомъ св. Игнатія, извѣстнаго своими дивными предсмертными посланіями и мученической смертью въ Римѣ. Изъ 200 тысячъ жителей Антіохіи при Златоустѣ уже половина считалась христіанами, хотя, конечно, многіе изъ нихъ были христіане только «по видимости».

Родители Іоанна Златоуста, Анѳуса и Секундъ, не были таковыми христіанами. Отецъ занималъ видный постъ военачальника. Онъ умеръ, когда Іоаннъ былъ еще ребенкомъ. На рукахъ молодой вдовы (ей было еще 21 годъ) осталось двое дѣтей: дочь и сынъ. Дѣвочка скоро умерла, и Анѳуса вся отдалась воспитанію сына, котораго любила беззавѣтно и ради котораго отказалась отъ новаго замужества.

Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыми гордились христіане и которымъ удивлялись язычники. Именно по поводу Анѳусы вырвалось восклицаніе у знаменитаго языческаго философа Ливанія: «Что за чудныя женщины у этихъ христіанъ!»

Да, такія женщины составляли украшеніе христіанскаго общества, и имъ не мало обязана Церковь. Ихъ истинная любовь, ихъ горячая ревность приносила добрые плоды. Онѣ для многихъ служили примѣромъ, поддержкою; онѣ воспитали и сохранили для Церкви тѣхъ, которые стали потомъ оплотомъ Церкви. Любовь Анѳусы оберегала дѣтство Іоанна Златоуста и стояла на стражѣ

его юности. «Она забыла свою молодость, вся ея жизнь точно ушла въ жизнь сына. Она воспитала его душу; то, что дала ему любовь, осталось для него чистымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпалъ отраду и силу до конца своей жизни».

III.

Анѳуса желала дать сыну хорошее образованіе. Вслѣдствіе распоряженія императора Юліана, въ христіанскихъ школахъ было запрещено преподаваніе высшихъ наукъ. Приходилось обратиться за научнымъ познаніемъ къ языческимъ учителямъ. Но, прежде чѣмъ отдать сына въ языческую школу, благочестивая Анѳуса занялась его воспитаніемъ. Она поручила священнику преподавать начальные уроки по Священному Писанію и сама читала съ мальчикомъ Библію, наставляя его бесѣдами въ христіанской нравственности, закрѣпляя все это примѣромъ своей христіанской жизни. Въ то же время отроку Іоанну, у котораго душа только что раскрывалась къ сознательному воспріятію впечатлѣній, пришлось быть свидѣтелемъ отчаянной борьбы язычества съ христіанствомъ. «Овладѣвъ императорскимъ престоломъ, Юліанъ сбросилъ съ себя маску лицемѣрнаго благочестія и открыто выступилъ врагомъ христіанства, ненависть къ которому давно таилась въ его душѣ. Повсюду онъ началъ поднимать разлагавшееся язычество и подавлять христіанство. Такъ какъ Антіохія была однимъ изъ главныхъ оплотовъ христіанства, которое тамъ имѣло славныхъ учителей и доблестныхъ исповѣдниковъ, то Юліанъ не преминулъ обратить свое вниманіе на этотъ очагъ ненавистной ему религіи и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить ее. Направляясь въ Антіохію, Юліанъ посѣтилъ ея предмѣстье Дафну, гдѣ былъ славившійся въ свое время храмъ Аполлона. Нѣкогда храмъ этотъ, съ окружавшей его священной рощей былъ мѣстомъ постоянныхъ языческихъ торжествъ, но теперь Юліанъ былъ пораженъ его пустотой. Даже жертвы не изъ чего было принести, и встрѣтившій его жрецъ долженъ былъ по случаю неожиданнаго торжества заколоть своего собственнаго гуся. Эта картина глубоко поразила императора, тѣмъ болѣе, что тутъ же поблизости находившійся христіанскій храмъ, въ которомъ лежали мощи святаго Вавилы, оглашался священными пѣснопѣніями и наполненъ былъ молящимися. Юліанъ не стерпѣлъ и приказалъ закрыть христіанскій храмъ и мощи изъ него удалить. Это несправедливое распоряженіе однако не подавило духа христіанъ. Они торжественно перенесли мощи, и когда совершалась эта величественная процессія, оглашавшая окрестности и улицы Антіохіи пѣніемъ псалма: «Да посрамятся кланяющіеся истуканамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ», то Юліанъ ясно могъ видѣть и многочислен-

ность христіанъ и ихъ восторженную преданность своей вѣрѣ. Тогда измѣняя своему спокойствію и лицемѣрной вѣротерпимости, онъ велѣлъ арестовать многихъ христіанъ, бросить ихъ въ тюрьму, а нѣкоторыхъ изъ нихъ даже приказалъ подвергнуть пыткѣ. Между тѣмъ небесный гнѣвъ разразился надъ идольскимъ капищемъ. Храмъ Аполлона былъ пораженъ ударомъ молніи и сгорѣлъ дотла. Ярость Юліана была безгранична, и онъ велѣлъ закрыть главный христіанскій храмъ въ Антіохіи, при чемъ престарѣлый пресвитеръ его, св. Θеодоритъ, отказавшійся выдать языческимъ властямъ священнѣйшія принадлежности храма, былъ преданъ мученической смерти. Одна знатная вдова Публія подверглась побоямъ за то только, что изъ ея дома послышалось пѣніе псалма: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его», въ то время, какъ мимо проходилъ Юліанъ. Двое изъ молодыхъ военачальниковъ изъ императорской гвардіи однажды въ товарищеской компаніи выразили жалобу на несправедливость правительства относительно христіанъ, и по доносу немедленно были арестованы, заключены въ тюрьму и, когда отказались перейти въ язычество, немедленно были обезглавлены; тѣла ихъ съ почестями были погребены христіанами. Давая волю своей ярости, Юліанъ дѣйствовалъ всѣми способами, стремясь подавить христіанство. Онъ осмѣивалъ христіанство, облагалъ христіанъ большими налогами, конфисковалъ церковныя имущества, изгонялъ епископовъ и священниковъ, обходилъ христіанъ наградами и сквозь пальцы смотрѣлъ на усердіе губернаторовъ, извѣстныхъ ненавистью къ христіанской вѣрѣ. Наконецъ, въ издѣвательство надъ христіанствомъ, онъ порѣшилъ возстановить въ Іерусалимѣ храмъ іудейскій, чтобы опровергнуть тѣмъ предсказаніе Іисуса Христа о его полномъ разрушеніи. Іоаннъ, какъ и его благочестивая мать, переживалъ много тревожныхъ дней во время этихъ гоненій. Можно даже думать, что онъ принималъ живое участіе въ погребеніи мучениковъ и проливалъ вмѣстѣ съ другими христіанами горячія слезы надъ обезглавленными трупами.

На шестнадцатомъ году Іоаннъ поступаетъ къ знаменитому учителю краснорѣчія, Ливанію, у котораго нѣкогда бралъ уроки и Василій Великій. Ливаній былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Сначала онъ училъ въ Константинополѣ, потомъ въ Аθинахъ, и закончилъ свою дѣятельность и жизнь въ Антіохіи, гдѣ родился. Онъ относился къ христіанству свысока и, не питая къ нему ожесточенной вражды, не прочь былъ посмѣяться надъ ученіемъ «сына плотника». Посѣтивъ однажды христіанскую школу, гдѣ учителемъ былъ набожный христіанинъ, Ливаній съ ироніей спросилъ послѣдняго: «А что подѣлываетъ теперь сынъ плотника?» Учитель отвѣчалъ: «Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешь сыномъ плотника, въ дѣйствительности есть Господь и Творецъ

неба и земли. Онъ,—добавилъ учитель,—строитъ теперь погребальныя дроги». Вскорѣ послѣ этого было получено извѣстіе о неожиданной смерти Юліана, который во время персидскаго похода, смертельно раненый, въ безумной ярости бросалъ къ солнцу комья грязи съ запекшейся своей кровью и въ предсмертномъ издыханіи воскликнулъ: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!» Ливаній, узнавъ о смерти Юліана, не могъ не призадуматься надъ отвѣтомъ христіанскаго учителя. Со свойственной замѣчательнымъ умамъ проницательностью, Ливаній скоро оцѣнилъ выдающіяся способности своего ученика (какъ ранѣе онъ отмѣтилъ среди своихъ слушателей Василія Великаго) и полюбилъ его какъ за блестящій умъ, такъ и за его благородное сердце. Ливаній обратилъ особенное вниманіе на даровитаго юношу, и этотъ послѣдній не терялъ даромъ времени, пользуясь благорасположеніемъ знаменитаго ритора. Успѣхи Іоанна были такъ быстры и поразительны, что Ливаній приходилъ въ восторгъ, постоянно хвалилъ своего талантливаго ученика, которому предсказывалъ блестящую будущность на адвокатскомъ поприщѣ. Желая отличить своего любимца въ ряду прочихъ, Ливаній однажды въ дружескомъ собраніи товарищей-учителей прочиталъ рѣчь Іоанна, вызвавшую восторгъ слушателей. Самъ Ливаній воскликнулъ при этомъ: «Счастливы императоры, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ столь удивительнымъ писателемъ!» Въ своей рѣчи юный Іоаннъ, по словамъ Ливанія, «съ искусствомъ судебнаго слова соединилъ силу ораторскихъ доказательствъ».

Изучивъ краснорѣчіе и греко-римскую литературу, Іоаннъ покинулъ школу Ливанія и занялся философіей, которую преподавалъ Андрафагій. И въ новой школѣ Іоаннъ обнаружилъ свой глубокій самостоятельный умъ, свою способность быстро усвоивать изучаемое. Наставленія этого философа, по словамъ арх. Агапита, «много способствовали усовершенствованію въ Іоаннѣ наблюдательности, яснаго и вѣрнаго взгляда на предметы, чѣмъ отличаются его сочиненія».

Юный Іоаннъ держался просто и не любилъ роскоши. «Его одежда всегда была чистая и приличная его состоянію, но безъ роскоши и безъ всякой изысканности; никогда нельзя было замѣтить въ его движеніяхъ, въ его походкѣ и обращеніи съ другими желаніе выказать себя, что всегда служитъ признакомъ ума легкаго и человѣка неразумнаго. Тогда какъ нѣкоторые изъ его товарищей, вмѣстѣ съ нимъ учившихся, одни являлись въ училище верхомъ на лошади, богато убранной, другіе въ великолѣпныхъ колесницахъ, окруженныя толпой слугъ или рабовъ, Іоаннъ приходилъ туда одинъ или въ сопровожденіи только слуги. Напрасно друзья его отца убѣждали его пріобрѣсть экипажъ, приличный его рожденію и соотвѣтствующій его состоянію». «Я не хочу подчиняться

предубѣжденіямъ другихъ,—отвѣчалъ онъ,—я могу обойтись и безъ этихъ излишествъ; я не люблю ни блеска, ни роскоши, которой не можетъ одобрить ни разумъ, ни ученіе боговдохновенныхъ писателей. Слово Божіе говоритъ: «всякъ возносящійся смирится, а смиряющійся вознесется».

Двадцатилѣтнимъ юношей Іоаннъ закончилъ свое школьное образованіе и сдѣлался адвокатомъ. Это сразу ввело Іоанна въ бурный круговоротъ жизни, и онъ сталъ «лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ неправдъ, обидъ, угнетеній, вражды и лжи, слезъ и злорадства, изъ которыхъ слагается обыденная жизнь людей». Адвокатская дѣятельность до нѣкоторой степени принесла пользу Іоанну, давши ему возможность познакомиться съ тѣми пороками, которые впослѣдствіи онъ такъ ярко изображалъ и такъ безпощадно преслѣдовалъ въ своихъ проповѣдяхъ. Но, съ другой стороны, эта свѣтская жизнь представляла и не мало опасности. Она открывала доступъ къ высшимъ должностямъ и увлекала своими удовольствіями. Молодой адвокатъ не избѣжалъ отчасти увлеченія свѣтскою жизнью. Онъ бывалъ въ въ театрахъ, въ циркахъ; но неиспорченная его натура возмущалась пустотой, которую многіе принимали за настоящую жизнь. Іоаннъ скоро увидѣлъ, какъ этотъ міръ съ его злобами, неправдами далекъ отъ того божественнаго идеала, который, по собственному любимому его выраженію, преподносился ему, когда онъ, «напоивъ свою душу изъ чистаго источника Св. Писанія, съ непорочнымъ сердцемъ вступилъ на поприще жизни». У Іоанна былъ другъ Василій, который оставался вѣренъ «истинному любомудрію». Этотъ другъ постоянно вліялъ на Іоанна и былъ отчасти виновникомъ благотворнаго переворота, который произошелъ въ Іоаннѣ, увлекшемся нѣсколько свѣтской жизнью. Іоаннъ порѣшилъ бросить адвокатуру и посвятить себя на служеніе Богу. Другъ глубоко обрадовался этому рѣшенію и молился вмѣстѣ съ Іоанномъ, который горько оплакивалъ свое временное увлеченіе и благодарилъ Создателя, исторгшаго его изъ опасности вѣчной погибели. Іоаннъ снялъ съ себя свѣтскія одежды и одѣлся въ одежду чернаго цвѣта. Такая одежда была носима тѣми изъ христіанъ, которые обрекали себя на аскетическую жизнь. Іоаннъ заперся въ домѣ своей матери и посвятилъ себя всецѣло молитвѣ, чтенію Священнаго Писанія, при чемъ умерщвлялъ себя постомъ и бдѣніемъ, спалъ на голой землѣ. Принявъ святое крещеніе отъ епископа Мелетія, онъ въ 370 году былъ поставленъ чтецомъ. Въ это время Іоаннъ задумалъ отдаться подвигамъ монашества, къ чему уже давно склонялъ его Василій. Глубоко уважая мать, онъ не рѣшился поступить безъ ея родительскаго благословенія, но когда мать узнала объ его намѣреніи, то рѣшила воспрепятствовать поступленію сына въ монашество. Она была христіанка, но также и мать, горячо любившая сына,

который являлся для нея «радостью жизни». И вотъ, «когда моя мать,—разсказываетъ самъ Златоустъ,—узнала о моемъ намѣреніи, она безмолвно подошла ко мнѣ, взяла меня за руку и повела въ свою комнату; мы оба сѣли возлѣ той постели, на которой я былъ рожденъ, и она заплакала... Затѣмъ стала говорить слова еще печальнѣе слезъ. «Сынъ мой,—сказала она,—одно мое утѣшеніе въ эти долгіе одинокіе годы было смотрѣть на тебя, въ твоихъ чертахъ узнавать того, кого уже не было со мною. Съ самаго твоего младенчества, когда ты еще говорить не умѣлъ, въ ту пору жизни, когда дѣти наиболѣе даютъ радости, въ тебѣ одномъ я находила все мое утѣшеніе. Теперь прошу тебя объ одномъ—пожалѣй меня: не заставляй во второй разъ переживать ужасъ одиночества, снова проливать тѣ горькія, уже выплаканныя слезы! Подожди немного; быть-можетъ, я скоро умру—тогда поступай, какъ знаешь; а пока потерпи меня, не скучай пожить еще со мною; не обижай ту, которая никогда ничѣмъ не обидѣла тебя,—иначе ты прогнѣвишь Бога. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить больше спокойствія, чѣмъ я, потому что нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я». Златоустъ былъ тронутъ пламенными мольбами матери, и исполнилъ ея желаніе.

Оставшись въ міру, Іоаннъ отдался весь изученію Священнаго Писанія, бесѣдуя съ друзьями и преимущественно съ Василіемъ, съ которымъ онъ такъ сходился по настроенію своей души. Чтобы больше укрѣпиться духовно и сосредоточить свою мысль на возвышенныхъ предметахъ, онъ наложилъ на себя обѣтъ воздержанія, не позволяя себѣ никакихъ шутокъ, праздныхъ разговоровъ и этимъ накоплялъ въ себѣ духовныя силы, которыя понадобились ему впослѣдствіи.

Гоненія на христіанство, свидѣтелемъ чего былъ Іоаннъ въ свои отроческіе годы, въ царствованіе Юліана Отступника, приняли нѣсколько другой характеръ при Валентѣ, который, какъ аріанинъ, преслѣдовалъ православіе. Епископъ Мелетій, пользовавшійся общей любовью, былъ осужденъ на изгнаніе и заточеніе. Этотъ неустрашимый защитникъ православія не соглашался ни на какія уступки въ угоду императору. Народъ, всегда умѣвшій защищать настоящаго пастыря, грозилъ убить чиновника, исполнявшаго волю царя. Но кроткій Мелетій, жившій по завѣту Христа, прикрылъ чиновника своей мантіей и уговорилъ толпу не дѣлать ему никакого зла. Помимо Мелетія были изгнаны и многіе другіе православные іерархи. «Епископы, оставшіеся на своихъ мѣстахъ, спѣшили замѣстить вакантныя каѳедры лицами, отличавшимися не однимъ только благочестивымъ житіемъ, но и мудростью въ словѣ, такъ какъ епископамъ православнымъ нужно было отражать ерети-

ческія заблужденія силою слова, вооруженнаго глубокимъ знаніемъ слова Божія и отчасти философіею и діалектикою. Несмотря на уединенную и скромную жизнь Іоанна и Василія, слава о ихъ добродѣтеляхъ и дарованіяхъ распространилась далеко за предѣлы Антіохіи; поэтому епископами и предположено было возвести ихъ на упраздненныя каѳедры. Друзья смутились, когда узнали о рѣшеніи епископовъ и начали совѣщаться, что предпринять въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Іоаннъ, узнавъ о колеблющемся согласіи Василія принять епископство, не хотѣлъ лишать Церкви такого достойнаго мужа, какимъ былъ Василій, и положилъ дѣйствовать къ его посвященію. Іоаннъ просилъ друга повременить рѣшеніемъ, которое подскажутъ обстоятельства; друзья разстались. Василій былъ убѣжденъ, что Іоаннъ также не уклонится отъ епископства. Въ назначенное время Василія вызвали въ засѣданіе собора и объявили ему рѣшеніе, касавшееся его Онъ согласился на принятіе сана. Но онъ былъ очень удивленъ и опечаленъ, когда узналъ, что Іоаннъ удалился въ пустыню, избѣгая посвященія». За это упрекали Іоанна многіе, въ томъ числѣ и самъ Василій. Но Іоаннъ оправдывался тѣмъ, что онъ считалъ себя не подготовленнымъ къ такому высокому отвѣтственному посту и не считалъ себя достойнымъ такого важнаго сана. Онъ удивлялся, какъ могли пастыри найти въ немъ, 27-лѣтнемъ юношѣ, такіе таланты, которые дѣлали бы его достойнымъ для занятія епископской каѳедры. По этому случаю Іоаннъ написалъ 6 бесѣдъ «О священствѣ», въ которыхъ выразилъ свой взглядъ на задачи и обязанности священника (не отдѣляя священника отъ епископа). «Читая эту книгу,—говоритъ архимандритъ Агапитъ,—каждый чувствуетъ себя проникнутымъ чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ священству, понимаетъ, что священникъ не есть лицо обыкновенное, но существо отличное отъ другихъ, что онъ есть посредникъ между небомъ и землей, есть человѣкъ божественный. Это твореніе Златоуста съ самаго своего появленія до нашихъ временъ по своей полнотѣ сохраняетъ къ себѣ общее уваженіе. Эта книга во всѣ времена доставляла великое утѣшеніе священникамъ, которые желали просвѣщаться точнымъ познаніемъ своихъ обязанностей и приносить обильные плоды на нивѣ своего служенія». Въ своихъ бесѣдахъ о священствѣ Іоаннъ между прочимъ говоритъ: «Когда требуются люди, могущіе управлять Церковью и взять на свое попеченіе столь многія души, пусть предстанутъ намъ тѣ герои, которые великою мѣрою превосходятъ всѣхъ другихъ и столько превышаютъ всѣхъ совершенствомъ души, сколько Саулъ превышалъ весь народъ еврейскій высотой тѣла, или еще гораздо болѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ великій апостолъ первый услышалъ повелѣніе пасти овецъ Христовыхъ и тотъ вопросъ, который предшествовалъ повелѣнію (Любишь ли мя

паче сихъ?), любовь ко Христу стала первымъ условіемъ пастырства, а само пастырство высшимъ ея выраженіемъ»... «Христіанамъ преимущественно передъ всѣми запрещается насиліемъ исправлять впадающихъ во грѣхи и законами намъ не дана такая власть и даже, если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться ею, такъ какъ Богъ награждаетъ тѣхъ, которые воздерживаются отъ пороковъ по доброй волѣ, а не по принужденію. Посему требуется много искусства для пастыря, чтобы страждущіе духовно убѣдились добровольно подвергнуться врачеванію и даже благодарили бы за это врачеваніе»... «Стадо идетъ во слѣдъ своего пастыря, куда онъ поведетъ его; если же какія овцы уклонятся отъ прямого пути, удалившись отъ хорошей пажити, ему слѣдуетъ только закричать сильнѣе, чтобъ собрать ихъ; но если человѣкъ совратится съ пути правой вѣры, то священнику предстоитъ много трудовъ, усилій и терпѣнія. Человѣка нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать, но должно только убѣжденіемъ вернуть къ истинѣ, отъ которой онъ отпалъ. Посему для священника нужна душа мужественная, чтобы не ослабѣть, чтобы не отчаяться въ спасеніи заблуждающихся»... «Священнослуженіе совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному. Посему священнодѣйствующему нужно быть столь чистымъ, какъ бы онъ стоялъ на самыхъ небесахъ посреди небесныхъ силъ»... «Люди, живущіе на землѣ, священники, поставлены распоряжаться небеснымъ и получили власть, которую не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ, ибо не симъ послѣднимъ, а пастырямъ сказано: елико аще свяжете па земли, будутъ связана на небеси; и елико аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ». «Что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ довершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка. Не значитъ ли это, что Онъ далъ имъ всю небесную власть? Имъ же отпустите грѣхи—отпустятся; и имъ же держите—держатся. Отецъ суть даде Сынови, а Онъ этотъ судъ вручилъ священникамъ. Какая власть можетъ быть больше этой?.. Священники для насъ суть тѣ мужи, которымъ вручено рожденіе духовное и возрожденіе крещеніемъ; черезъ нихъ мы облекаемся во Христа. Посему справедливо мы должны не только страшиться ихъ болѣе царей и властителей, но и почитать болѣе отцовъ своихъ»...«Священникъ долженъ быть бодрствующимъ и осмотрительнымъ и имѣть множество глазъ со всѣхъ сторонъ, какъ живущій не для себя одного, а для множества людей. Мало научиться пренебрегать яствами и мягкимъ ложемъ; но переносить оскорбленія, клевету, язвительное слово, укоризну отъ начальниковъ могутъ не многіе. Можно видѣть, что люди крѣпкіе возмущаются этими непріятностями и свирѣпствуютъ. Такихъ нужно удалять отъ обители священства»... «Пастырь долженъ быть важнымъ и не гордымъ, суровымъ и благосклоннымъ,

властнымъ и общительнымъ, безпристрастнымъ и услужливымъ, смиреннымъ и не раболѣпнымъ, строгимъ и кроткимъ, чтобы онъ могъ удобно противостать всѣмъ препятствіямъ»... «Священникъ долженъ имѣть душу чище лучей солнечныхъ, чтобы никогда не оставлялъ его безъ Себя Духъ Святый. Священникъ долженъ имѣть большую силу и твердость, чтобы охранять душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать неповрежденною духовную красоту. Стройность походки, сплетеніе кудрей, намащеніе волосъ, драгоцѣнность одеждъ, красота драгоцѣнныхъ камней—все это можетъ привести душу въ смятеніе. Избѣгнувъ этихъ сѣтей, многіе впадаютъ въ другія: неприбранные волосы, грязная одежда, грубое обращеніе, несвязная рѣчь»...

Характеризуя книгу «О священствѣ», св. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ въ письмѣ къ Евстафію: «Я посылаю тебѣ книгу, которую ты у меня просилъ, и желаю, чтобы она принесла тебѣ столько же добра, сколько приносила повсюду. Чтеніе этой книги, проникая въ душу, уязвляетъ ее божественною любовью. Іоаннъ, этотъ мудрецъ, ученый толкователь таинъ Божіихъ, свѣтильникъ для всѣхъ церквей, написалъ эту книгу съ такимъ благоразуміемъ и тщаніемъ, что всѣ, какъ тѣ, которые для распространенія славы божественной исполняютъ обязанности священства, такъ и тѣ, которые совершаютъ эти обязанности съ небреженіемъ, найдутъ въ ней—одни пищу для своего благочестія, другіе—побужденіе къ исправленію своихъ поступковъ».

Имѣя въ виду послужить Церкви, Іоаннъ удалился въ пустыню, чтобы закалить себя подвигами и освободиться отъ немощей, которыя мѣшаютъ пастырскому служенію [1]). Въ пустынѣ его ожидали товарищи Максимъ и Θеодоръ,—тотъ самый Θеодоръ, который оставилъ было монашество и ушелъ въ міръ, соблазнившись красотою одной дѣвицы; но Іоаннъ написалъ ему огненное посланіе и этимъ заставилъ Θеодора раскаяться и вернуться къ пустынножительству. Отправляясь въ монастырь, Іоаннъ всей душой жаждалъ подвига, но въ пустынѣ ждало его искушеніе. Ничѣмъ ненарушимое уединеніе наполнило ужасомъ душу, полную жизни. Ему захотѣлось оставить пустыню, но онъ поборолъ себя и, поступивши въ монастырь, во главѣ котораго стоялъ Діодоръ Тарсійскій, отдалъ себя духовному руководству одного старца, «чтобы черезъ отреченіе отъ своей воли и безусловную покорность водительству другого безъ препятствія достигнуть совершенства смиренія, которое есть основаніе всякаго нравственнаго совершенства».

Интересно познакомиться вообще съ образомъ жизни пустынниковъ, жившихъ на лѣсистыхъ холмахъ, окружавшихъ Антіохію. Это

[1]) Въ это время матери Анеусы уже не было въ живыхъ.

знакомство мы почерпаемъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста. «Пустынники,—говоритъ Златоустъ,—едва начинаетъ восходить солнце, или еще до разсвѣта, поднимаются съ ложа и поютъ гимны Богу. Пропѣвши свои пѣсни, съ колѣнопреклоненіемъ призываютъ прославленнаго Бога на помощь въ дѣлахъ. Послѣ этого одинъ беретъ Исаію, другой бесѣдуетъ съ апостолами, иной читаетъ о другихъ предметахъ духовныхъ. Все это сладко, пріятно и исполнено духовнаго благоуханія. Иные занимаются рукодѣліемъ и трудами рукъ своихъ пріобрѣтаютъ необходимое для бѣдныхъ, потому что они любятъ нищихъ и увѣчныхъ и за ихъ столомъ всегда много такихъ гостей; одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпого, иной носитъ безногаго. У пустынниковъ не только одна пища, одна одежда, но и одна душа по любви, и потому они не гордятся одинъ предъ другимъ. Разговоръ ихъ всегда исполненъ спокойствія и смиренномудрія. Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, ибо въ пищу употребляется только хлѣбъ и вода. Если же хотятъ приправить пищу, то овощи составляютъ лакомство. Многимъ постелью служитъ только трава, небо вмѣсто покрова и луна вмѣсто свѣтильника. Они презираютъ пышное одѣяніе, какъ паутину. Въ теченіе дня, въ опредѣленные часы, они собираются на общую молитву, называющуюся часами третьимъ, шестымъ и девятымъ и вечернею».

Въ глуши пустыни, въ иноческой обители, прожилъ Іоаннъ «четыре года, проводя время въ молитвѣ, въ дѣлахъ самоумерщвленія. Онъ изучалъ слово Божіе подъ руководствомъ Діодора и особенное стараніе прилагалъ къ познанію самого себя. Всѣми силами стремясь къ высшему совершенству, онъ все болѣе и болѣе увеличивалъ подвиги самоумерщвленія, постъ, тѣлесные труды и ночныя бдѣнія. Такимъ образомъ св. Златоустъ, подкрѣпляемый всемощною силою благодати, воодушевляемый примѣромъ святой жизни многихъ подвижниковъ, подобно кораблю въ открытомъ морѣ при попутномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ, быстро шелъ путемъ нравственнаго усовершенствованія».

Но не удовольствовавшись монастырскимъ подвигомъ, Іоаннъ удалился въ уединенную пещеру, которая находилась въ довольно большомъ разстояніи отъ монастыря, среди скалъ, въ необитаемомъ лѣсу. «Одному Богу извѣстно,—говоритъ Агапитъ,—тѣ подвиги, какіе онъ тамъ совершалъ, всѣ труды, кои подъялъ, всѣ скорби, кои испыталъ, и та пламенная молитва, которую возносилъ къ небу». Въ этой глубокой, мрачной пещерѣ Іоаннъ провелъ два года, не имѣя ни постели, ни стула, ни стола, питаясь однимъ хлѣбомъ, приносимымъ ему другомъ. Онъ засыпалъ, опираясь на стѣну пещеры.

Здоровье его не выдержало, силы сломились, дальнѣйшій подвигъ становился невозможнымъ, да и душа, укрѣпленная пустынно-

жительствомъ, возжаждала дѣятельной жизни. Онъ возвратился въ Антіохію, гдѣ его радостно встрѣтилъ епископъ Мелетій, снова занявшій свою каѳедру. Монашеская жизнь принесла Іоанну несомнѣнную пользу. Она нанесла ущербъ здоровью, но изъ шестилѣтней иноческой жизни Іоаннъ вынесъ глубокое знаніе Писанія «и пламенную вѣру въ дѣйствительность всего невидимаго, ту ясную проницательность, которая присуща всѣмъ великимъ святымъ, выходившимъ въ міръ изъ глубины пустыни, гдѣ они проводили долгіе годы, точно скрытые въ тайнѣ лица Божія».

Перенося подвиги иноческой жизни и вѣря въ высокій идеалъ монашества, Іоаннъ велъ неустанную борьбу со всѣми возстававшими противъ иночества. Представителемъ послѣднихъ являлся самъ императоръ Валентъ. Увлеченный сѣтями аріанъ, онъ оказался жестокимъ врагомъ монашества, какъ оплота христіанства. По царскому приказанію разорены были знаменитые нитрійскіе монастыри, и это гоненіе закончилось сожженіемъ 24 пастырей въ Никомидіи. Приближенные Валента ставили всевозможныя преграды для лицъ, желавшихъ принять монашество. И вотъ Іоаннъ выступилъ на его защиту, написавъ три книги: «Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни». Здѣсь онъ излилъ весь пылъ своего сердца и краснорѣчиво доказалъ, какое счастье находитъ душа въ пустынѣ—въ уединенномъ собесѣдованіи съ Богомъ. Впрочемъ, надо прибавить, что Іоаннъ, придавая большое значеніе пустынножительству, впослѣдствіи требовалъ отъ монаховъ дѣятельности въ пользу общества, оставшись вѣрнымъ своей мысли, что пустынножительство есть подготовительная школа къ пастырскому труду. Такъ, во время своего путешествія въ ссылку, Іоаннъ встрѣчаетъ одного изъ тѣхъ монаховъ, которые совершенно запирались въ кельѣ, прекращая всякое общеніе съ міромъ. Онъ убѣдилъ монаха, что было бы дѣломъ несравненно болѣе угоднымъ Господу, если бы онъ возвратился къ дѣятельной жизни и отправился миссіонеромъ для распространенія христіанства. Ставя высоко монашескую жизнь, Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы только отшельники являлись истинно религіозными людьми, и не признавалъ, что для остального человѣчества достаточно болѣе низкаго уровня христіанской жизни. Онъ говорилъ, что міряна отъ монаха отличаетъ только одинъ обѣтъ безбрачія. Такъ, онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Вотъ ты христіанинъ по самому рожденію, воспитанъ въ сей превосходной религіи и ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на сіе? Безъ сомнѣнія, станешь отвѣчать: я укажу тебѣ другихъ, которые исполняютъ, именно монаховъ, обитающихъ въ пустыняхъ. Но не стыдно ли тебѣ признавать себя христіаниномъ и отсылать къ другимъ, какъ будто не можешь показать самъ на себѣ того, что отличаетъ христіанина? Язычникъ не замедлитъ возразить тебѣ:

какая мнѣ нужда ходить по горамъ, слѣдить пустыни? Ежели нельзя быть благочестивымъ, живя въ городѣ, то небольшая честь христіанскимъ уставамъ, если надобно для нихъ оставить городъ и бѣжать въ пустыни. Напротивъ, покажи мнѣ человѣка, который имѣетъ жену, дѣтей и домъ, и однакожъ живетъ благочестиво. Что скажешь на сіе? Не должно ли намъ потупить взоры и устыдиться?» (На посл. къ Римл.)

Чтобы закончить повѣствованіе объ отшельнической жизни Іоанна, коснемся вкратцѣ того, какъ Господь «восхотѣлъ проявить святость Своего слуги черезъ чудотворныя дѣйствія». Разсказываютъ, что одинъ молодой человѣкъ, по имени Евплій, съ дѣтства не видѣлъ правымъ глазомъ. По молитвѣ Іоанна онъ получилъ исцѣленіе и сталъ имъ видѣть такъ же, какъ и здоровымъ. Кромѣ того, Іоаннъ исцѣлилъ отъ продолжительной болѣзни нѣкую Христину, взявъ съ нея обѣтъ быть мягкой со слугами и подавать милостыню. Въ окрестностяхъ одного города левъ нападалъ на людей и на стада. Жители просили Іоанна помочь имъ. Онъ помолился и далъ имъ крестъ съ тѣмъ, чтобы они поставили его на томъ мѣстѣ, откуда выходилъ обыкновенно левъ. Жители это сдѣлали, и вскорѣ нашли бездыханный трупъ льва, лежащій у подножія креста.

IV.

Окрѣпшимъ духовно, вполнѣ готовымъ къ служенію на пользу Церкви, вернулся Іоаннъ въ Антіохію. Школа дала ему знаніе философское; адвокатура пріучила къ краснорѣчію; пустыня закалила его подвигомъ, усовершенствовала самоуглубленіемъ, умудрила созерцаніемъ, сдѣлала сильнымъ познаніемъ Священнаго Писанія. Теперь ждало его дальнѣйшее изученіе жизни, знакомство съ человѣческимъ страданіемъ и нуждами. Епископъ Мелетій, обрадованный возвращеніемъ любимаго своего духовнаго сына, поспѣшилъ воспользоваться его высокими качествами и посвятилъ его въ санъ діакона. Обязанности діакона были довольно сложны. Діаконъ исполнялъ порученія епископа, служилъ въ церкви, но главнымъ образомъ онъ трудился въ области благотворительности, заботясь о разныхъ нуждахъ больныхъ и бѣдныхъ христіанъ. «Ему приходилось посѣщать больныхъ, утѣшать умирающихъ, помогать бѣднымъ и изыскивать средства на ихъ содержаніе. Должность трудная, требовавшая полнаго самоотверженія и любви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта должность была прекрасной школой для дальнѣйшаго служенія. Въ пустынѣ Іоаннъ, заботясь о спасеніи своей собственной души и не видя людскихъ бѣдствій, удручающихъ страждущее человѣчество, могъ ослабѣть въ своемъ человѣколюбіи, такъ какъ; не видя предъ собой несчастныхъ, не трудно совсѣмъ забыть о нихъ. Теперешнее

діаконское служеніе вновь поставило его въ среду дѣйствительной жизни и открыло предъ его глазами весь этотъ міръ, полный слезъ и страданій. Раньше, будучи адвокатомъ, онъ могъ знакомиться съ оборотною стороною людской жизни; но тамъ самое его занятіе побуждало его становиться на сторону сильныхъ и богатыхъ въ ихъ тяжбахъ съ бѣдными и слабыми, теперь же онъ выступилъ защитникомъ этихъ послѣднихъ, и ему приходилось бороться съ жадностью богачей, укрощать ихъ посягательства на тощій кошелекъ бѣдняковъ, защищать обездоленныхъ лицъ отъ притѣсненій алчныхъ и безсердечныхъ чиновниковъ, облегчать по возможности жизнь тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ особенно призывалъ къ себѣ Христосъ. Картина, которая открылась глазамъ Іоанна, была печальна, но знакомство съ ней было необходимо для него въ предстоявшемъ ему служеніи, и она именно сдѣлала изъ него того истиннаго пастыря и благотворителя страждущимъ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи. Первое серебро, которое онъ отдалъ бѣднымъ, было его собственное, и съ этого времени до самой смерти онъ ничего не называлъ своимъ: все, что имѣлъ, считалъ принадлежностью бѣдныхъ».

Діаконъ не проповѣдывалъ въ церкви—поученіе паствы лежало на обязанности пресвитера. Не выступая съ поученіемъ предъ мірянами въ церкви, Іоаннъ продолжалъ поучать письменно, написавши за время своего діаконскаго служенія нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Къ нимъ относятся: «Два слова къ молодой вдовицѣ», «Три слова къ подвижнику Стагирію» и историческое сочиненіе «О мученикѣ Вавилѣ».

Въ наставленіяхъ Стагирію Іоаннъ Златоустъ утверждаетъ его въ вѣрѣ въ Промыслъ и поучаетъ покоряться волѣ Божіей. Онъ показываетъ, что все въ мірѣ происходитъ или по опредѣленію, или по попущенію Божьему; что всѣ бѣдствія, насъ постигающія, потеря имущества, здоровья, почестей служатъ иногда наказаніемъ, иногда испытаніемъ и всегда—выраженіемъ Божьяго благоволенія къ намъ, средствомъ къ нашему спасенію; что Онъ иногда поражаетъ скорбями и тѣхъ, которыхъ любитъ, и мы должны переносить мужественно, съ покорностью, съ вѣрой и упованіемъ всѣ бѣдствія, ниспосылаемыя на насъ Божьей благостью. «Помни,—писалъ Златоустъ къ Стагирію,—что время наградъ и вѣнцовъ—въ будущемъ вѣкѣ, а настоящій вѣкъ—время борьбы и трудовъ, если только мы хотимъ насладиться вѣчнымъ покоемъ. Если кто изъ безпечныхъ хочетъ насладиться здѣшними удовольствіями и небесными наградами, уготованными для трудящихся и скорбящихъ, тотъ самъ себя обманываетъ и обольщается. Если и на свѣтскихъ играхъ никто не получаетъ вѣнца безъ трудовъ, имѣя противниковъ одной съ собой природы, т.-е. человѣковъ,—то какъ же тамъ, гдѣ

ратуютъ противъ насъ лукавыя силы, можно побѣдить ихъ неистовство безъ скорби и страданій».

Въ санѣ діакона Іоанну пришлось убѣдиться воочію въ бѣдственности жизни, и, обращаясь къ молодой вдовѣ, онъ произноситъ приговоръ надъ честолюбивыми стремленіями міра.

Пять лѣтъ прослужилъ Іоаннъ въ санѣ діакона. Мелетій умеръ. Его замѣнилъ Флавіанъ, который, признавая въ Іоаннѣ полезнаго дѣятеля, посвятилъ его въ санъ пресвитера. Въ это время Іоанну было тридцать девять лѣтъ. Антіохіи, болѣе чѣмъ всякому другому городу, нуженъ былъ пастырь мужественный и ревностный въ борьбѣ со всѣмъ, что вредило христіанству и истинно христіанской жизни. Изъ двухсотъ тысячъ жителей только половина признавала христіанство, другую половину составляли язычники и евреи. «Доживавшее свой вѣкъ язычество», говоритъ А. Лопухинъ въ своей прекрасной статьѣ объ Іоаннѣ Златоустѣ, «имѣло своихъ виднѣйшихъ представителей, которые, не желая признавать побѣды христіанства, силились выставить противъ него обрывки своей учености и подновить язычество. Въ языческихъ школахъ преподавали знаменитые по тому времени философы и риторы, у которыхъ учились даже христіане, при чемъ многіе изъ послѣднихъ невольно заражались воззрѣніями своихъ учителей. Съ другой стороны, евреи, сильные своимъ богатствомъ и промышленностью, держали населеніе въ своихъ рукахъ и, какъ ярые ненавистники христіанства, нерѣдко заключали союзъ съ язычниками, чтобы сильнѣе наносить удары ненавистной для нихъ религіи. Самая совмѣстная жизнь христіанъ съ евреями и язычниками, съ которыми ихъ по необходимости связывали многочисленные дѣловые и торговые интересы, невольно накладывала на нихъ своеобразную печать, и въ нихъ не было уже той цѣльности религіознаго настроенія, какое бываетъ въ жителяхъ города, населеннаго одними христіанами. Въ огромной части это были еще полуязычники. Они приняли христіанство, исполняли его внѣшнія предписанія, но не были проникнуты его духомъ. Въ ихъ жизни было много обычаевъ, отзывавшихся язычествомъ. Подъ вліяніемъ такой смѣси убѣжденій среди христіанъ, постоянно выступали учителя, которые хотѣли собственнымъ разумомъ постигать и передѣлывать христіанство». Образовывались партіи, происходилъ, такъ сказать, расколъ, царили ереси. На ряду съ религіознымъ настроеніемъ и общественная жизнь не отличалась высокой нравственностью. Конечно, были люди благочестивые, но большинство вело жизнь языческую, предавалось всевозможнымъ удовольствіямъ, неприличнымъ для христіанъ. Для этого большинства театръ и циркъ были дороже и ближе храма, сердца этого большинства были чужды христіанской любви къ ближнему. Богатство и бѣдность шли вперемежку. Великолѣпные дворцы богачей поражали глазъ своей рос-

копью, но тутъ же, рядомъ съ дворцами, ютились бѣдныя лачуги, и въ то самое время, какъ богачи утопали въ нѣгѣ, пресыщались, на ихъ глазахъ бѣдные гибли отъ голода и болѣзни. То время еще не признавало благотворительности. Каждому предоставлялось самому заботиться о себѣ. Думая только объ удовольствіяхъ жизни, богачи безсердечно тѣснили слабыхъ и неимущихъ, которые, выведенные изъ терпѣнія, мстили имъ жестоко. Неоднократно подымались мятежи, и разыгрывались тѣ кровавыя сцены, которыя должны были приводить въ ужасъ всякаго истиннаго христіанина.

Таково было время и условія антіохійской жизни. Она создала свои требованія, и имъ вполнѣ отвѣчалъ Іоаннъ. Онъ былъ крѣпокъ духомъ, силенъ въ наукахъ, зналъ хорошо родной городъ, изучилъ его жизнь и въ качествѣ адвоката и еще болѣе въ санѣ діакона. Флавіанъ понималъ, кого посвящалъ, и Провидѣніе благословило его выборъ. Архимандритъ Агапитъ отмѣчаетъ замѣчательное обстоятельство, случившееся при рукоположеніи Іоанна,—обстоятельство, успокоившее и самого Златоуста, всегда смиреннаго и неувѣреннаго въ своемъ достоинствѣ. Въ то время, какъ Флавіанъ во время божественной службы возложилъ руки на посвященнаго пресвитера, влетѣлъ бѣлый голубь и въ присутствіи многочисленнаго народнаго собранія сѣлъ на голову Іоанна, какъ символъ чистоты его души и присутствія Святаго Духа, наполнявшаго его сердце.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Посвященіе Іоанна было встрѣчено съ радостью православными и съ тревогою аріанами. Православные благословляли Бога, видя въ Іоаннѣ новаго защитника своей вѣры, аріане же негодовали, признавая его обширныя познанія и таланты. Еще никто не зналъ Іоанна какъ оратора. Онъ былъ извѣстенъ какъ ученый писатель и дѣятельный діаконъ. Но епископъ высоко цѣнилъ его, какъ оратора, и потому возложилъ на его обязанность проповѣдывать въ церкви. Въ то время христіанскіе города еще не были раздѣлены на приходы, и потому Златоусту приходилось поучать все антіохійское общество, проповѣдуя въ различныхъ церквахъ города. Важнѣйшею изъ нихъ была «Великая церковь», описанная Евсевіемъ ѳессалійскимъ. Она, по словамъ Пюша, не принадлежала въ строгомъ смыслѣ къ классу базиликъ. Очень высокій куполъ опирался на корпусъ восьмиугольнаго зданія. Кругомъ была обширная ограда, застроенная небольшими добавочными зданіями. Повсюду изобилова-

ли цѣнныя украшенія. Эта церковь называлась также Золотою отъ массы золотыхъ украшеній. Старая церковь, или Палея, не имѣла того великолѣпія и не была такъ хорошо приспособлена для огромныхъ собраній. Великая церковь имѣла удобное устройство: аудиторія ея была просторна и хорошо защищена лѣтомъ отъ жары, зимой отъ холода. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ предпочиталъ древнюю церковь; да ее больше любила и паства. Впрочемъ, собранія не всегда происходили въ городѣ. Окрестности Антіохіи были усѣяны часовнями въ честь мучениковъ. Эти часовни носили названіе мартирій.

На другой день послѣ рукоположенія Златоустъ произнесъ первую церковную проповѣдь, которая произвела на всѣхъ молящихся сильное впечатлѣніе. Іоаннъ началъ такъ: «Ужели истинно случившееся съ нами? Сбывшееся дѣйствительно ли сбылось, и мы не въ обольщеніи? Ужели настоящее не ночь и сновидѣніе, но дѣйствительно день, и мы бодрствуемъ? И кто бы повѣрилъ этому, что днемъ, когда люди бодрствовали и не спали, убогій и отверженный юноша вознесенъ на такую высоту. Все сбылось и совершилось. Народъ внимаетъ нашему убожеству, какъ будто слышитъ отъ насъ что-то великое и превосходное. Прошу всѣхъ васъ, чтобы вы вдохнули бодрость въ насъ усердіемъ къ молитвамъ и умолили Дающаго глаголъ благовѣствующимъ силою новою дать и намъ слово на отверзеніе устъ нашихъ». Послѣ этого смиреннаго вступленія Іоаннъ говоритъ, что онъ желалъ бы принести въ духовный жертвенникъ жертву хвалы Божескимъ совершенствамъ, но помнитъ, *что не красна похвала въ устахъ грѣшника*, и потому онъ довольствуется прославленіемъ Божьихъ дѣлъ и Его благодати, сіяющей въ благочестивыхъ людяхъ и вѣрныхъ Его служителяхъ. Воздавъ хвалу Флавіану, онъ обратился къ слушателямъ съ просьбой всегда быть преданными Божіей волѣ, уповать на его помощь и помолиться о немъ самомъ, недостойномъ проповѣдникѣ. «Если у васъ есть сколько-нибудь вниманія ко мнѣ», говорилъ онъ слушающимъ, «то помолитесь, да прійдетъ ко мнѣ свыше великое подкрѣпленіе, ибо я прежде нуждался въ защитѣ, тѣмъ болѣе теперь мнѣ потребны многія руки и безчисленныя молитвы, да возмогу въ цѣлости возвратить залогъ давшему его Господу въ тотъ день, когда получившіе таланты будутъ позваны и введены и должны будутъ отдать отчетъ. Итакъ, помолитесь, чтобы мнѣ не быть въ числѣ связанныхъ, ни въ числѣ выброшенныхъ въ тьму, но въ числѣ могущихъ получить хотя малое снисхожденіе благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава и поклоненіе вовѣки вѣковъ».

Дальнѣйшія проповѣди еще болѣе понравились населенію, которое вообще любило послушать ораторовъ. Быстро разнеслась

молва о новомъ проповѣдникѣ, и тотъ храмъ, гдѣ поучалъ Іоаннъ, всегда былъ полонъ народа. Іоаннъ проповѣдывалъ по два раза въ недѣлю, а иногда и чаще. Слава его росла. Послушать его сходились не только православные, но даже аріане, іудеи и язычники; послѣдніе ставили Іоанна даже выше Ливанія. Ливаній услаждалъ слухъ, но не трогалъ сердца. Ученикъ Ливанія «не прибѣгая ни къ какому искусственному словосплетенію и не увлекаясь звономъ фразъ, поражалъ необыкновенной жизненностью своей рѣчи: у него каждое слово дышало силой и жизнью, потому что бралось изъ извѣстной всѣмъ дѣйствительности и пояснялось примѣрами, которые были одинаково понятны высокообразованному патрицію и непросвѣщенному земледѣльцу. Такихъ проповѣдей еще никогда не раздавалось въ Антіохіи, и жители ея съ изумленіемъ внимали словамъ проповѣдника, который вполнѣ овладѣлъ ихъ сердцами». Іоаннъ не стѣснялся формами рѣчи, допуская въ своихъ бесѣдахъ остроты, пословицы, если только это нужно было для пользы дѣла. «Поэтому нерѣдко случалось, что отъ его пламенныхъ рѣчей на лицахъ тысячей слушателей засвѣчивалась радостная улыбка, хотя чрезъ нѣсколько мгновеній онъ могъ заставить этихъ же самыхъ слушателей обливаться горькими слезами; то онъ своимъ ѣдкимъ сарказмомъ заставлялъ ихъ краснѣть изъ-за своего лицемѣрія; то окрыленной стрѣлой убѣжденности поражалъ ихъ въ самое сердце; то металъ прямо громами и молніями, такъ что подъ его молніеносными обличеніями невольно смирялся самый отчаянный грѣшникъ». Если къ этому прибавить, что проповѣдникъ всегда выказывалъ безстрашіе и отличался искренностью, а голосъ его, симпатичный, чистый и звучный, ласкалъ слухъ, проникая въ отдаленные углы храма, то понятно то обаяніе, какое производила его проповѣдь на всѣхъ слушателей. Іоаннъ не читалъ проповѣдей, а велъ живыя устныя бесѣды, которыя записывались скорописцами и продавались среди жителей. Скоро слава Іоанна достигла такой высоты, что каждая проповѣдь являлась событіемъ для города. Всѣ бѣжали послушать его. Купцы оставляли торговлю, ремесленники бросали работу, адвокаты судъ; для многихъ даже не находилось мѣста въ храмѣ. Іоанна за его краснорѣчіе прозвали Златоустомъ. Преданіе сохранило самый случай, при которомъ произошло это названіе. Не ограничиваясь нравственными наставленіями, Іоаннъ иногда выступалъ съ догматическимъ ученіемъ о возвышенныхъ истинахъ религіи и вдавался въ такую богословскую премудрость, которая для большинства оказывалась недоступной. При одномъ такомъ случаѣ нѣкая простая женщина, съ благоговѣніемъ слушавшая потокъ рѣчи проповѣдника, никакъ не могла проникнуть въ смыслъ ихъ и съ чисто женскою нетерпѣливостью крикнула ему: «Учитель духовный, или, лучше сказать, Іоаннъ Златоустый, ты углубилъ кладезь своего

святого ученія настолько, что наши умы не могутъ постигать его!»— Народъ подхватилъ названіе, высказанное женщиной, и, увидѣвъ въ немъ указаніе Божіе, порѣшилъ звать проповѣдника «Златоустомъ». Этотъ титулъ былъ формально признанъ за Іоанномъ на Халкидонскомъ соборѣ V вѣка. Указаніе женщины не было оставлено безъ вниманія Іоанномъ. Онъ уже рѣдко углублялся въ богословіе и старался говорить такъ, чтобы каждый изъ слушателей получалъ духовную пищу, понимая все въ проповѣди.

Характеризуя Іоанна какъ проповѣдника, Пюшъ говоритъ: «Краснорѣчіе Златоуста замѣчательно. Его легкость поистинѣ изумительна даже для оратора Востока; онъ обладаетъ живостью и страстностью, гармоніей и звучной плавностью; періодъ его обиленъ и силенъ, какъ у римлянина, но имѣетъ сирскую грацію, нѣсколько нѣжную, всегда элегантную и трогательную. У него есть образность; сравненіе его вѣрно и рѣзко. Практичность его проповѣдей также ставитъ ихъ очень высоко». Многіе изъ слушателей, по обычаю того времени, аплодировали Іоанну, что ему крайне не нравилось, и онъ говорилъ: «Не нужно мнѣ ни рукоплесканій, ни волненій, ни восклицаній. Одного желаю, чтобы, слушая съ безмолвіемъ, вы исполняли сказанное. Это для меня рукоплесканіе, это для меня похвала».

II.

Мятежъ антіохійцевъ особенно выдвигаетъ Іоанна Златоуста, какъ проповѣдника и истиннаго пастыря. Но прежде чѣмъ перейти къ повѣсти объ этихъ бурныхъ дняхъ въ лѣтописи Антіохіи, коснемся вкратцѣ содержанія проповѣдей, которыя такъ волновали общество и привлекали многочисленныхъ слушателей въ храмъ. Я имѣю въ виду не проповѣди «по случаю», а тѣ, которыя были направлены противъ постоянныхъ пороковъ общества и язвъ тогдашней жизни. Борясь неустанно съ язычествомъ, іудействомъ и ересями, Златоустъ выказываетъ не меньшую, если еще не большую ревность въ просвѣщеніи христіанъ, живущихъ далеко не по завѣтамъ Христа. Проявляя постоянно заботу объ улучшеніи нравовъ, о насажденіи добродѣтели, онъ желалъ, чтобы его паства была истинно-христіанская. «Подобно великому апостолу Павлу, которому онъ старался подражать, св. Златоустъ прилагалъ попеченіе о всякой душѣ; просвѣтить, научить, привести къ Богу и спасти всѣхъ—было главнымъ его желаніемъ и стараніемъ. Вотъ цѣль, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, всѣ данныя ему Богомъ силы, талантъ краснорѣчія, молясь непрестанно, постясь, поучая, утѣшая скорбящихъ, помогая бѣднымъ и вдовамъ, вразумляя заблудшихъ, примиряя враждующихъ, немощный со слабыми, малый съ нищими, дѣлясь подобно ап. Павлу всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣхъ пріобрѣсти Іисусу Христу».

Нравы христіанскаго общества того времени были таковы, что не могли не вызывать скорби въ сердцѣ подвижника. Изображеніе этихъ нравовъ, сдѣланное самимъ Златоустомъ, ярко и образно. «Бѣдствія,—говоритъ св. Златоустъ,—теперь угнетающія св. Церковь, нисколько не меньше,—что я говорю?—они гораздо болѣе, чѣмъ были въ предшествовавшіе вѣка. Я ищу между овцами словеснаго стада истинныхъ христіанъ и не нахожу. Есть ли такіе, которые бы не злословили братьевъ, не имѣли зависти, не предавались ненависти и мщенію, не увлекались бы скупостью? Какое растлѣніе въ юношахъ и небреженіе въ старцахъ!.. Никто не хочетъ заниматься воспитаніемъ дѣтей. Язычники смотрятъ на насъ внимательно: святость нашей жизни должна бы возбуждать ихъ къ лучшей жизни, но—увы! на дѣлѣ выходитъ противное. Что можетъ ихъ побудить къ принятію христіанской вѣры, когда видятъ, что ты, христіанинъ, ведешь столь же преступную жизнь, такъ же любишь богатство и содрогаешься при одной мысли о смерти? Не столько ли же мало мы выражаемъ терпѣнія при постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, болѣзняхъ? Не съ такой же ли стремительностью бѣжимъ въ циркъ и театръ, какъ и они? Какъ они могутъ вѣрить въ тѣ истины, которыя мы проповѣдуемъ? Что можетъ ихъ убѣдить? Чудеса? Но они въ настоящее время немногочисленны. Святость нравовъ? Но ничья жизнь не служитъ образцомъ для сего. Наша любовь? Но наши души совершенно опустѣли и въ нихъ нѣтъ и слѣда теплаго чувства любви».

Со всей пламенностью своего могучаго краснорѣчія Іоаннъ вооружался противъ роскоши и скупости богачей. Богатые не знали предѣловъ своимъ прихотямъ, тогда какъ бѣдняки изнывали въ когтяхъ нужды. Роскошь бросалась въ глаза во всемъ: и въ устройствѣ домовъ, и въ одеждѣ, и въ пирахъ. Іоаннъ нѣсколько разъ описывалъ въ своихъ бесѣдахъ непомѣрную роскошь. Онъ изображалъ спальни, стѣны которыхъ цѣликомъ обложены мраморомъ или настилкою изъ вызолоченнаго металла; описывалъ прекрасныя колонны съ такими же золочеными капителями, покрытыя золотыми пластинками. Онъ описывалъ палаты, окружающіе ихъ сады, изящные фонтаны среди этихъ садовъ и портики. Дачные дома не менѣе великолѣпны, чѣмъ городскіе чертоги. «Какихъ только приготовленій не дѣлалъ богачъ, число рабовъ у котораго доходило до двухъ тысячъ, для переѣзда на нѣсколько дней, для простой дачной прогулки! Съ какой свитой слугъ пускался онъ въ путь на носилкахъ, въ повозкѣ, запряженной разукрашенными мулами». Не менѣе была роскошна и обстановка домовъ. Здѣсь также вездѣ блестѣло золото, бросались въ глаза кровати и стулья, сдѣланныя изъ слоновой кости. Колесницы покрывались золотыми бляхами, сверкавшими при малѣйшемъ движеніи, благодаря драгоцѣннымъ камнямъ. Сбруя

муловъ была также вся украшена. Также роскошь царила въ одеждѣ. Всѣ старались носить парчу и шелкъ. Шелкъ употребляется даже для украшенія обуви. Пиры устраивались также съ большой торжественностью; кушанья отличались изысканностью. Обѣды кончались обыкновенно попойками и зрѣлищами, при чемъ оскорблялась чистота. Обращаясь къ любителямъ такихъ пировъ, проповѣдникъ говорилъ: «Изъ пиршествъ рождаются всѣ наши похоти. Выходя изъ-за стола, разгоряченные виномъ и яствами, вы идете прямо въ яму нечистотъ». Роскошью въ нарядахъ отличались по преимуществу женщины, которыя себя изнѣживали до крайней степени. Проповѣдникъ бичевалъ ихъ за это, съ негодованіемъ говоря о ихъ пустомъ тщеславіи, о любви къ нарядамъ. «Для женщинъ нѣтъ ничего, чего бы онѣ ни сдѣлали, чтобы достать только себѣ прекрасныя серьги въ уши. Одна завидуетъ другой и одна безумствуетъ предъ другой». Почему наряды—зло? Потому, что изъ-за нихъ совершаются преступленія: взятки, поборы, воровство. Люди идутъ на все, чтобы достать украшенія. Забываются бѣдные, всѣ заповѣди любви. Нарядами стараются прельстить, возбудить зависть. По поводу одежды Златоустъ писалъ между прочимъ Олимпіадѣ-дьякониссѣ: «Скажу о простотѣ одежды. Кажется, эта добродѣтель ниже другихъ, но если внимательно разсмотрѣть ее, то найдешь что она весьма величественна и требуетъ души, стоящей выше всего житейскаго. Ап. Павелъ, предостерегая отъ цѣнныхъ одеждъ женщинъ, хорошо понималъ, что щегольство—тяжелая болѣзнь души; она самый вѣрный признакъ испорченнаго сердца, и съ этой болѣзнью трудно бороться!». «О! для васъ ваши драгоцѣнности дороже дѣтей!» съ горечью восклицаетъ Іоаннъ Златоустъ, и это была глубокая правда... Въ то самое время, какъ роскошествовали такъ богачи, жизнь ремесленниковъ и сельскихъ жителей представляла изъ себя безотрадную картину. Изморенные голодомъ, они работали безъ отдыха, удрученные нестерпимыми оброками, осужденные на тяжелую жизнь, не лучшую, чѣмъ жизнь ословъ и муловъ. «Что я говорю,—восклицаетъ Іоаннъ,—этихъ несчастныхъ берегутъ меньше, чѣмъ берегли бы камни; имъ не даютъ дышать и одинаково изнуряютъ, плодоносны ли ихъ поля, или нѣтъ. Можетъ ли быть нищета подобна ихъ нищетѣ, когда они въ концѣ зимы, проведенной въ грубой работѣ, изнуренные холодомъ, дождемъ и ночными трудами, возвращаются домой съ пустыми руками и притомъ еще въ долгу. Они трепещутъ предъ наказаніемъ, предъ незаконными поборами и грабительствомъ управителей».

Нападая на роскошь, онъ не отрицалъ права на обезпеченіе, даже на самое богатство, хотя понималъ его только какъ даруемое Богомъ средство замѣнить Его при распредѣленіи Имъ благъ. Богачу *богатствомъ* дается возможность служить Богу. Скупой бо-

гачъ — святотатецъ, обкрадывающій самого Бога. Предоставляя богатымъ пользоваться своимъ имуществомъ, Іоаннъ призывалъ ихъ къ милосердію. Онъ является вдохновеннымъ апостоломъ милосердія и ставитъ его выше всѣхъ остальныхъ добродѣтелей. «Постъ, колѣнопреклоненіе, —говоритъ онъ, — приносятъ пользу только одному, соблюдающему ихъ, и не спасаютъ никого болѣе; но милостыня простирается на всѣхъ. Она обнимаетъ всѣ члены Христа, а вѣдь гораздо прекраснѣе добрыя дѣла, простирающіяся на многихъ, чѣмъ ограничивающіяся однимъ; любовь — величайшее дарованіе. Будемъ постоянно проявлять ее, *и мы будемъ не ниже Петра и Павла, несмотря на ихъ чудеса*». Не долгъ только заставлялъ такъ говорить Іоанна, но и его любвеобильное сердце. Онъ носилъ въ себѣ тотъ же даръ любви, который преданіе усвояетъ и его одноименному апостолу Христову—Іоанну Богослову. Самъ онъ не только дѣлился доходами, но и роздалъ бѣднымъ все свое имѣніе. По словамъ Іоанна Златоуста, рука бѣдняка есть жертвенникъ, на которомъ мы приносимъ благоуханную жертву Богу. Бѣдные суть представители Самого Христа, Который принимаетъ за дѣйствіе для Него Самого все, что сдѣлали для страждущихъ Его членовъ. Требуя, чтобы милостыня подавалась щедро, съ любовью, Іоаннъ обращается съ такими словами къ слушателямъ: «Я вижу, что вы сѣете, но не полною рукою, почему и опасаюсь, что вы не обильную жатву соберете. Бѣдные суть также дѣти одного Отца небеснаго, въ лицѣ которыхъ намъ представляется самъ Іисусъ Христосъ. Онъ благоволилъ, чтобы доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ Нему любовь и признательность, являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ: если вы не хотѣли быть признательными ко Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и потерпѣлъ для васъ, имѣйте состраданіе къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь надъ Моими страданіями, которыя изнуряютъ Меня, надъ моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, бѣдность, цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хотя о томъ, какъ мало то, чего Я у васъ прошу. Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній: Я прошу только одинъ кусокъ хлѣба, кровъ отъ темной ночи, слово ласковое и совѣтъ добрый. Подайте Мнѣ милостыню, чтобы пріобрѣсть право на тѣ небесныя награды, которыя Я обѣщалъ милостивымъ. Я терпѣлъ и теперь терплю подъ видомъ бѣдныхъ, Я и теперь еще алчу, жажду, наготую, терплю холодъ, болѣзни, страданія въ лицѣ меньшихъ Моихъ братьевъ, чтобы привлечь васъ къ Себѣ, чтобы дать вамъ случай къ дѣламъ милосердія и наградить въ вѣчности. Я не говорю вамъ: освободи меня отъ бѣдности, сдѣлай богатымъ, хотя Я самъ обнищалъ, чтобы обогатить васъ; Я прошу у васъ немного

хлѣба и нѣсколько лоскутковъ ненужнаго для васъ платья; Я не требую отъ васъ, чтобы вы сняли съ Меня цѣпи, хотя Я самъ разорвалъ для васъ цѣпь вѣчнаго осужденія за грѣхъ, но Я прошу васъ посѣтить Меня въ темницѣ; для Меня достаточно утѣшенія, которое принесетъ Мнѣ ваше сердечное участіе и въ награду за это Я вамъ обѣщаю небесное блаженство. Я могъ бы и безъ этого увѣнчать васъ, но Я хочу быть вамъ должникомъ, хочу доставить вамъ радость имѣть хотя нѣкоторое право на награду; поэтому-то Я, имѣя довольство въ самомъ себѣ, прихожу въ міръ просить милостыню, стоя у вашихъ дверей съ протянутою рукой; по любви къ вамъ Я хочу сидѣть за вашимъ столомъ, чтобы въ великій день всемірнаго суда поставить васъ на видъ всей вселенной, восхвалить вашу сострадательность и сказать предъ всѣми: вотъ тѣ, которые Меня напитали».

Требуя милосердія къ бѣднымъ, Іоаннъ входитъ въ подробности и перечисляетъ то, что относится къ дѣламъ милосердія. По его мнѣнію, недостаточно дать нищему оболъ (маленькую монету) на улицѣ: нужно подѣлиться остатками своего обѣда, отдать старыя одежды; слѣдуетъ дома имѣть маленькій ящикъ или кружку и ежедневно, прежде чѣмъ совершать молитву, опускать туда пожертвованіе, какъ бы незначительно оно ни было. Мало-по-малу накопится сумма, которая будетъ въ состояніи не только облегчить несчастнаго, но иногда и спасти его отъ бѣды. Но люди, умѣя копить для себя, не умѣютъ копить для бѣдныхъ. Іоаннъ находитъ необходимымъ, чтобы каждый отдавалъ десятую часть своихъ доходовъ бѣднымъ. Но милостыню можно проявлять не только матеріальнымъ подаяніемъ. Услуги, покровительства, совѣтъ—та же милостыня. Безвозмездныя заботы о больныхъ со стороны врачей—также дѣла милосердія. Іоаннъ рекомендуетъ вмѣшательство между кредиторомъ и его должникомъ. «Если ты увидишь на площади должника, преслѣдуемаго безжалостнымъ довѣрителемъ, предложи ему себя порукою, заплати, если можешь, долгъ, а если не можешь, то постарайся смягчить и склонить довѣрителя своими мольбами». Іоаннъ считаетъ также дѣломъ милосердія гостепріимство. «Солдатамъ,—говоритъ онъ,—по требованію гражданскихъ властей, даютъ помѣщеніе, но не хотятъ сдѣлать того же для бѣдныхъ, по требованію Христа». Говоря о гостепріимствѣ, Іоаннъ съ такими словами обращается къ слушателямъ: «Отдѣли въ своемъ дому комнату для гостя, т.-е. для Христа, имѣй о немъ попеченіе; если ты отказываешься отъ такой жертвы и не хочешь ввести Лазаря въ свой домашній очагъ, прими его хотя въ конюшнѣ. Ты трепещешь? Но несравненно хуже отказать ему у своей двери».

Нужно ли входить въ разспросы бѣдныхъ и опредѣлять степень ихъ нужды? Іоаннъ Златоустъ отвѣчаетъ отрицательно. Онъ хочетъ,

чтобы, совершая милостыню, не развѣдывали о нищемъ. Нужно давать одинаково всѣмъ: милосердіе должно имѣть закрытые глаза и отверстую руку. Милосердіе должно подражать благости Божіей. «Развѣ Богъ,—восклицаетъ Іоаннъ,—когда-либо говоритъ намъ: «такъ какъ вы не трудитесь, Я не зажгу для васъ солнца; такъ какъ вы не дѣлаете ничего полезнаго и добраго, Я погашу луну, закрываю лоно земли, осушаю озера, источники и рѣки, удерживаю дожди». Нѣтъ, Онъ всегда снабжаетъ насъ своими дарами съ одинаковою щедростью; Онъ расточаетъ ихъ не только для праведныхъ, но даже и для злыхъ. Если бы вы,—продолжаетъ Златоустъ— прежде чѣмъ дать милостыню, предварительно производили изслѣдованіе, то сколько времени было бы потеряно? И до какой степени ваши развѣдыванія рисковали бы быть неточными! Можно ли надѣяться, чтобы кто-либо изъ тѣхъ, кто представляется такимъ равнодушнымъ и возмутительно холоднымъ, оказался настолько добродѣтельнымъ, что серьезно произвелъ бы эти розыски. По малѣйшему подозрѣнію онъ броситъ всѣ разспросы и по винѣ нѣкоторыхъ будутъ подозрѣвать всѣхъ нищихъ». Особенно возстаетъ Іоаннъ за укоры бѣднымъ. «Ты не только не имѣешь къ нему жалости,— говоритъ онъ,—но еще издѣваешься надъ нимъ и поносишь пришедшаго, которому надлежало бы оказать состраданіе. Если не хочешь подать, то для чего еще укорять бѣднаго и сокрушать его огорченное сердце? Онъ пришелъ къ тебѣ какъ въ пристань и проситъ руку помощи. Для чего же ты воздвигаешь волны и бурю дѣлаешь еще свирѣпѣе?» Христіанское милосердіе совсѣмъ не то же самое, что гуманность. Гуманный человѣкъ, творя милостыню, прежде всего думаетъ облегчить нищету и исправить существующее зло. Благотворительность, о которой говорилъ Іоаннъ, совсѣмъ не та благотворительность, какую понимаемъ теперь. Мы хотимъ улучшить благосостояніе, а для Златоуста было достаточно, чтобы бѣднякъ имѣлъ пропитаніе; богачъ долженъ дѣлать добрыя дѣла для своего спасенія. Милостыня полезна для обоихъ. Она врачуетъ раны души. Бѣднякъ даетъ намъ спасительный урокъ. Онъ какъ бы говоритъ намъ: не возносись въ своихъ помыслахъ, потому что міръ брененъ. Быстро исчезаетъ юность, и настаетъ старость, красота смѣняется безобразіемъ, сила — слабостью, здоровье — болѣзнью, почетъ—позоромъ, богатство — бѣдностью. Сегодняшній богачъ можетъ быть завтра бѣднякомъ. Милостыня столь же хороша для того, кто ее творитъ, какъ и для того, кто ее получаетъ. Любовь не входитъ въ разсмотрѣніе того, отъ чего человѣкъ пострадалъ и впалъ въ нищету. Христіанская любовь не наказываетъ бѣдняка за то, что онъ сдѣлался бѣднякомъ отъ своего порока, отъ лѣности. Сегодняшняго нищаго она пригрѣваетъ и одѣваетъ, не спрашивая, кѣмъ онъ былъ вчера. Милосердіе идетъ навстрѣчу

всякой нуждѣ, и христіанская любовь любитъ каждаго ближняго, жалѣя его за пороки, но не преслѣдуя и не наказывая его за нихъ. Она старается поднять его, а не толкаетъ холодно въ бездну паденія, и чѣмъ сильнѣе паденіе, тѣмъ сильнѣе любовь.

Другъ бѣдняковъ, Іоаннъ иногда рѣзко обращался къ богачамъ и говорилъ, что въ происхожденіи всѣхъ богатствъ лежитъ неправда, обманъ и насиліе. «Всякій богачъ—беззаконникъ или наслѣдникъ беззаконника. Ты получилъ свое богатство по наслѣдству,—пусть такъ. Ты не грѣшилъ самъ, но увѣренъ ли ты, что теперь не благословляешь воровство и прежнія преступленія? Богатство—это произведеніе жадности и скупости, двухъ самыхъ ужасныхъ пороковъ. Кто самый неумолимый кредиторъ, разоряющій слабыхъ? Это—богачъ. Кто радъ неурожаю, чтобы получить барышъ? Это богачъ». «Св. Писаніе учитъ насъ,—говорилъ Іоаннъ,—что воръ не только тотъ, кто похищаетъ чужое, но и тотъ, кто не раздаетъ того, что имѣетъ въ излишкѣ. Когда медвѣдь или волкъ насытятся, они прекращаютъ погоню за добычей; богачъ никогда не насыщается». Въ сущности,—говоритъ Пюшъ,—основная идея, которою всегда вдохновлялся Іоаннъ,—идея глубоко христіанская. Онъ обосновываетъ первоначальное равенство людей напоминаніемъ общности ихъ происхожденія. Они братья въ истинномъ смыслѣ слова». «Какія дивныя мѣры принялъ Богъ съ самаго начала, чтобы внушить намъ чувство человѣчности и любовь, которая соединяла бы однихъ съ другими? Онъ далъ намъ общаго отца Адама. Почему не являемся мы въ міръ совершенно возмужавшими, какъ самъ Адамъ? Нѣтъ, нужно было, чтобы мы были усыновлены, рождены нашими родителями, нужно было родиться однимъ отъ другихъ, чтобы насъ соединила взаимная любовь. Отсюда проистекаютъ семейныя чувства, взаимная любовь родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ. Чтобы расширить кругъ этой чистой и глубокой любви, Богъ запретилъ браки между родственниками. Этимъ онъ желалъ смѣшать одни семьи съ другими. Наконецъ, Онъ даровалъ намъ сладкое чувство дружбы, сдѣлалъ насъ зависимыми другъ отъ друга, неспособными обойтись безъ взаимныхъ братскихъ услугъ. Если насъ соединяютъ такія отношенія,—заключаетъ Златоустъ,—то какая важность въ тѣхъ различіяхъ, въ какія ставятъ насъ званія и богатства?»

Бичуя скупыхъ богачей, стараясь пробудить въ нихъ милосердіе къ бѣднымъ, Іоаннъ обращался къ послѣднимъ со словомъ утѣшенія, но не возстановлялъ ихъ противъ богачей, не указывалъ на богатство, какъ на счастье жизни. Онъ говорилъ, что жестокій богачъ долженъ возбуждать сожалѣніе, ибо онъ несчастнѣе бѣдняка. Онъ всегда имѣлъ въ виду небо, а не землю, какъ мѣсто нашего временнаго странствованія. Онъ заботился о душѣ, потому-то, обращаясь къ бѣднымъ, онъ говорилъ: «Плачьте, плачьте со мною, но не о себѣ самихъ, а о вашихъ грабителяхъ, несчастныхъ болѣе васъ».

III.

Четвертый вѣкъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Іоаннъ Златоустъ, уже совсѣмъ не походилъ на вѣкъ апостольскій. Вѣра ослабла, ибо христіанами по большей части не дѣлались по убѣжденію, пораженные примѣрами мученичества, какъ то было прежде, а рождались. Роскошь внесла порчу въ жизнь, въ чистоту нравовъ. Сущность переходила въ обрядность. Златоустъ кратко, но выразительно характеризуетъ это печальное явленіе, говоря: «Обязанности религіи сдѣлались формальностями, выполняемыми по привычкѣ. Все—не болѣе какъ навыкъ».

Знаніемъ Св. Писанія также не моглип охвастаться антіохійскіе христіане. Поверхностное понятіе о вѣрѣ и ея основахъ дѣлало многихъ склонными къ суевѣрію и къ воспринятію всякой лжи. Мало читали св. книги, но наружное ихъ почтеніе было велико. Многія женщины носили на шеяхъ въ видѣ медальона крошечное Евангеліе. Во время болѣзни на немощныхъ также клали Евангеліе. Все это вытекало изъ благочестія, но не того, которое желательно было видѣть въ христіанахъ Іоанну, и онъ мало придавалъ значенія такой наружной религіозности. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ основательно знакомились съ Св. Писаніемъ, и настаивалъ на томъ, чтобы православные не только ходили слушать церковныя проповѣди, но и прочитывали раньше дома текстъ, который служилъ для бесѣды. Онъ хотѣлъ также, чтобы отецъ семейства, возвращаясь домой, передавалъ семейнымъ проповѣдь и объяснялъ ее. Онъ требовалъ, чтобы всѣ, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ ученые, такъ и мало просвѣщенные, старались освѣжать душу чтеніемъ св. писанія, потому что это чтеніе есть лѣкарство отъ всѣхъ золъ. «Вдали отъ солнца тѣнь увеличиваетъ тѣло, вблизи—уменьшаетъ его. Нужно помѣститься въ полномъ свѣтѣ Писанія, чтобы вполнѣ сознать пустоту человѣческихъ дѣлъ. Св. Писанія даетъ смыслъ и зрѣніе невидимаго. Кто изъ васъ,—говорилъ Златоустъ,—находясь дома, беретъ въ руки христіанскую книгу, вникаетъ въ ея содержаніе? Никто не можетъ этого сказать о себѣ. Шашки, игральныя кости найдутся у многихъ, а св. книги—ни у кого или у немногихъ, да и тѣ занимаются ими не болѣе такихъ, которые вовсе ихъ не имѣютъ, связывая и навсегда отлагая книги въ шкапы, и вся забота только о тонкости кожи, на которой написаны книги, о красотѣ письма, а не о самомъ чтеніи. Книги пріобрѣтаются не для пользы, а чтобы показать свое богатство, похвастать просвѣщенностью или ложнымъ благочестіемъ. До такой степени доходитъ тщеславіе. Если дьяволъ не терзаетъ проникнуть въ тотъ домъ, гдѣ есть Евангеліе, тѣмъ болѣе не коснется онъ души, усвоившей себѣ Писаніе. Освяти твою душу, имѣя всегда Св. Писаніе и на устахъ и въ сердцѣ».

Суевѣріе есть оборотная сторона вѣры. И суевѣрія были сильно распространены въ антіохійскомъ обществѣ. Христіане замѣчали времена, дни и встрѣчи. Тѣ и другіе у нихъ были счастливые и несчастливые. Златоустъ укоряетъ ихъ за то, что они, «выходя изъ дома, наблюдали, съ кѣмъ въ первый разъ встрѣтятся—съ больнымъ или со здоровымъ, съ бѣдной женщиной или съ богатой,—и по этой встрѣчѣ опредѣляли добрый или худой день; носили на шеѣ или на ногѣ медальоны Александра Македонскаго вмѣсто того, чтобы возлагать все свое упованіе на крестъ Спасителя. Онъ укорялъ ихъ за то, что они зажигали множество восковыхъ свѣчъ при рожденіи дѣтей и этимъ свѣчамъ давали разныя названія, чтобы потомъ дать дитяти имя той свѣчи, которая долѣе прогорѣла, какъ предзнаменованіе долголѣтней жизни».

Всѣ считали необходимымъ встрѣчать новый годъ пиршествами, веселіемъ, чтобы весь годъ жить радостно. Пиры начинались еще на зарѣ. Двери домовъ украшались цвѣтами, чаши наполнялись винами, давались общественные танцы, зрѣлища, города иллюминовались, на улицѣ вездѣ встрѣчались пьяные. Іоаннъ возстаетъ противъ такой встрѣчи новаго года и произноситъ обличительное слово. «Нынѣ,—говоритъ онъ,—надлежитъ намъ сразиться не съ варварами, сдѣлавшими набѣгъ, но съ злыми духами, которые ходятъ по площади торжественно. Нашъ городъ веселится, красуется, весь увѣнчанъ; площадь, какъ любящая наряды женщина, украшается; всякій мастеровой хочетъ перещеголять своего товарища. Если хочешь украшать, то украшай душу, а не площадь, не домъ, дабы ангелы наградили тебя своими дарами. Болѣе всего огорчаютъ меня игры и гаданія, эти пиршества, гдѣ мужчины и женщины напиваются безъ всякой мѣры. Безумно по одному счастливому дню заключать, что такъ будетъ и въ теченіе всего года. Счастливъ будетъ для тебя годъ не тогда, когда ты напьешься пьянымъ въ первый день, но тогда, когда и въ первый и въ прочіе дни будешь дѣлать то, что угодно Богу. Если ты будешь расположенъ каждый день проводить въ молитвахъ, въ милосердіи, то весь годъ будетъ для тебя счастливъ. А если, забывъ добродѣтель, будешь ждать себѣ счастья отъ начала мѣсяцевъ и исчисленія дней, то ничего у тебя добраго не будетъ». Онъ особенно нападалъ на пьянство, потому что этотъ порокъ сдѣлался общимъ. Надъ непьющими даже смѣялись. Полное непониманіе вѣры Христовой, покоящейся на любви и всепрощеніи, заставляло многихъ христіанъ доходить до безумія во время ссоръ съ врагами-язычниками. Они молились: «отомсти за меня, Господи, чтобы враги мои видѣли, что у меня есть Богъ». Такимъ образомъ христіане дѣлали Бога участникомъ ихъ злобы. Іоаннъ старался выяснить всю грубость, всю нелѣпость и грѣховность такого обращенія къ Богу. «Какъ!—вос-

клицалъ онъ:—ты испрашиваешь у Бога прощенія своихъ грѣховъ и молишься, чтобы Онъ былъ безпощаденъ къ другимъ! Что сказалъ бы ты, если бы человѣкъ, пришедшій къ тебѣ просить себѣ пощады, увидя своего врага, въ моментъ стоянія предъ тобою на колѣняхъ, поднялся бы и сталъ бы бить его? Три отрока въ пещи не молились противъ Навуходоносора; ты же говоришь: порази моего врага, возврати ему на сынѣ его зло, сдѣланное имъ мнѣ».

Существовало нелѣпое убѣжденіе, что присяга въ синогогѣ имѣетъ особенную силу. Разъ Златоустъ встрѣтилъ человѣка, который тащилъ женщину въ синагогу: онъ имѣлъ тяжбу съ нею и хотѣлъ вынудить отъ нея клятву въ пользу своего дѣла. Женщина не хотѣла присягать предъ іудеями. Златоусту стоило большого труда убѣдить христіанина, что клясться запрещено и что тѣмъ менѣе можно вынуждать клятву. Удивленный тѣмъ, что христіанинъ велъ женщину въ синагогу, Іоаннъ спросилъ его, почему онъ это дѣлаетъ? Тотъ отвѣчалъ: «Меня увѣряли, что присяга, принесенная въ синагогѣ, страшнѣе, чѣмъ всѣ другія».

Формализмъ и рутина проникали всюду. Даже таинство причащенія страдало отъ обрядности и суевѣрія. Считалось обязательнымъ причащаться въ Пасху, и если приходилось пропустить ее безъ причащенія, то христіане переживали суевѣрный страхъ. Зато, кромѣ дней Пасхи, вовсе не причащались. По вопросу о частномъ причащеніи Златоустъ даетъ слѣдующее рѣшеніе: «Надо имѣть чистую душу. Если душа чиста, пріобщайся такъ часто, какъ хочешь; если нѣтъ—не пріобщайся и въ Пасху».

Многіе невѣрно смотрѣли и на постъ. Ему приписывали ту силу, которой онъ не имѣетъ самъ по себѣ. Въ немъ видѣли исцѣленіе грѣховъ, хотя бы онъ ограничивался только пищей, не сопровождаемый дѣлами. Іоаннъ Златоустъ всегда говорилъ, что сила поста въ обузданіи плоти, въ исправленіи пороковъ, проявленіи добрыхъ дѣлъ, и что внѣ этого онъ недѣйствителенъ, потому что одинъ безъ добрыхъ дѣлъ не приноситъ спасенія. Онъ говорилъ: «Богъ требуетъ отъ насъ поста и воздержанія не для того только, чтобы мы пребывали въ неѣденіи, но чтобы употребляли свое время на духовныя занятія; такъ какъ человѣческая природа расположена къ невоздержанію, то постъ изобрѣтенъ какъ врачество, дабы отвлечь насъ отъ удовольствій. Но если кто по слабости нуждается въ подкрѣпленіи, пусть подкрѣпляется, не лишаетъ себя духовнаго поученія и о немъ гораздо больше заботится. Я не хулю постъ,—продолжаетъ онъ,—я его цѣню высоко, но скорблю, видя васъ, пренебрегающихъ всѣми другими повелѣніями и думающихъ, что для стяжанія спасенія достаточно одного поста, тогда какъ въ сонмѣ добродѣтелей постъ занимаетъ только послѣднее мѣсто». Іоаннъ Златоустъ допускаетъ оправданіе несоблюденія поста сла-

бостью здоровья и позволяетъ (и это сдѣлалось правиломъ Церкви) замѣнять постъ въ этомъ случаѣ милостыней, примиреніемъ съ врагами,—однимъ словомъ, добрыми дѣлами. «Кто будетъ исполнять это, тотъ совершитъ истинный постъ, такой, какого именно и требуетъ отъ насъ Господь, ибо и самое воздержаніе отъ пищи Онъ заповѣдуетъ для того, чтобы мы сдѣлали плоть послушною въ исполненіи заповѣдей. Такъ какъ главная цѣль поста—укрощеніе страстей, то какая важность въ томъ, что вы идете другимъ путемъ къ достиженію той же цѣли?»

Не мало приходилось бороться Іоанну Златоусту съ неуважительнымъ отношеніемъ къ дому Божію, съ невѣрнымъ понятіемъ о самой молитвѣ. Онъ постоянно напоминаетъ, что молитва только тогда имѣетъ силу, когда исходитъ изъ сердца праваго и чистаго. Краткая внутренняя усердная молитва важнѣе длинной небрежной... Нѣтъ нужды шептать губами и воздѣвать руки. Многіе впадали въ уныніе, не получая тотчасъ же послѣ молитвы просимаго. Іоаннъ всегда говорилъ, что если молитва не услышана, то потому, что она не была достаточно сильной, и прибавлялъ: «Должно испрашивать только то, на что Богъ можетъ согласиться, и притомъ просить съ ревностью и вѣрой. Нельзя требовать чудесъ». Говоря о чудесахъ, онъ неустанно поучаетъ, что чудеса ниже дѣлъ, и любитъ повторять слова Іисуса Христа къ 70 ученикамъ: «Не тому радуйтесь, что духи вамъ повинуются, но тому, что имена ваши написаны на небесахъ. Любовь—вотъ истинное чудо». Вотъ почему онъ говорилъ, что если бы кто имѣлъ любовь апостоловъ Петра и Павла, то не былъ бы ниже ихъ, хотя они имѣли бы преимущество чудотворенія. «Что утверждаетъ нашу жизнь,—спрашиваетъ онъ:—чудеса или доброе поведеніе? Конечно, послѣднее. Прежде была нужда въ чудесахъ, но они не необходимы теперь, потому что сами дѣла гласятъ объ истинности вѣры». Это не значитъ,—справедливо замѣчаетъ Пюшъ,—что Златоустъ не допускаетъ чудесъ. Онъ несомнѣнно подтверждаетъ ихъ и говоритъ объ исцѣленіяхъ отъ святыхъ мощей. «Иногда онъ говорилъ, что предпочелъ бы прорицаніе чуду въ собственномъ смыслѣ, потому что въ извѣстной степени и бѣсы могутъ подражать чудесамъ и давать обманчивое правдоподобіе, тогда какъ, при попыткѣ предсказывать, прорицанія опровергаются событіями».

Людямъ, боявшимся скорбей, онъ преподносилъ поученіе о пользѣ скорбей. «Нынѣ,—говорилъ онъ,—наслаждаясь миромъ, мы ослабѣли, облѣнились и наполнили церковь тысячами золъ. Когда же терпѣли гоненіе, тогда были благонравнѣе, усерднѣе, ревностнѣе; что огонь для золота, то скорбь для души: она стираетъ съ нея скверну, дѣлаетъ ее чистою, свѣжею и ясною. Скорбь вводитъ въ царство, а безпечальная жизнь—въ геенну».

Неуваженіе къ церкви проявлялось часто и огорчало Іоанна. Стоявшіе въ церкви громко разговаривали между собою, иногда даже ссорились во время раздаянія евхаристіи. Всѣхъ болтливѣе были по обыкновенію женщины. Іоаннъ сурово обличалъ такое поведеніе христіанъ, понимая, какимъ зломъ грозитъ подобное отношеніе къ дому Божьему. «Что ты дѣлаешь, человѣкъ,—восклицалъ онъ,—какъ не боишься, что въ то время, какъ ты разговариваешь, нерадишь, демонъ, нашедшій душу праздною, войдетъ въ нее, какъ въ домъ безъ дверей. Вѣрь, что въ моментъ освященія хлѣба и вина небо открывается, и ангелы сходятъ съ него». Сказаніе передаетъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ, какъ они окружали алтарь.

Іоаннъ всегда говорилъ, что всякій домъ долженъ быть церковью. Всѣ совѣты, даваемые Златоустомъ христіанскимъ семьямъ, сводятся къ одному: «Сотвори церковь изъ твоего дома».

Но изъ этого не должно дѣлать вывода, что домашняя молитва лучше церковной. «Дома, конечно, молиться можно и нужно, но нельзя молиться такъ, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцовъ, гдѣ возносится къ Богу единодушный гласъ. Не такъ скоро ты услышанъ будешь, молясь самъ по себѣ, какъ вмѣстѣ съ братьями твоими, ибо здѣсь есть нѣчто болѣе, какъ-то: единодушіе, согласіе, союзъ любви, молитва священниковъ. Такая молитва имѣетъ гораздо большую крѣпость, большее дерзновеніе, чѣмъ молитва домашняя». Такъ утверждаетъ самъ Іоаннъ Златоустъ.

IV.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ бурнымъ днямъ, къ тому мятежу антіохійцевъ, который едва не погубилъ ихъ всѣхъ и не стеръ самый городъ съ лица земли.

Мятежъ произошелъ незадолго до Великаго поста, въ 388 году. Народную бурю вызвалъ указъ императора Ѳеодосія о новомъ налогѣ. Желая отпраздновать десятилѣтіе своего царствованія, Ѳеодосій нуждался въ деньгахъ; поэтому онъ и сдѣлалъ налогъ на нѣкоторые богатые города, среди которыхъ Антіохія занимала видное мѣсто. Но населеніе вовсе не желало участвовать своими средствами въ торжествѣ Ѳеодосія и встрѣтило его указъ не только не сочувственно, но и съ раздраженіемъ. Антіохійскіе сенаторы и знатные люди гнѣвно воскликнули: «Этотъ налогъ разоритъ городъ!» Ихъ крикъ былъ подхваченъ народной толпой, особенно тѣми бездомными уличанами, которые являются въ подобныхъ случаяхъ самыми усердными слугами мятежа. Прошло немного времени, и весь городъ уже былъ въ полномъ возмущеніи. Толпа прежде всего бросилась къ Флавіану, чтобы просить его ходатайства объ отмѣнѣ

налога; но епископа не было дома. Возмущеніе росло. Многочисленная толпа разрушила бани и кинулась ко дворцу, гдѣ жилъ правитель. Онъ спрятался черезъ потайную дверь и ускакалъ въ Дафну, гдѣ были расположены лагеремъ императорскія войска. Толпа начала осаждать дворецъ. «Мятежники начали разбивать ворота топорами и молотами. Наконецъ, сдѣлавъ изъ остова мраморной скамьи своего рода таранъ, они громили имъ ворота до тѣхъ поръ, пока дубовыя вереи не повалились съ трескомъ. Воспользовавшись этимъ, народъ ринулся прямо въ большую палату суда. Въ ней никого не было. Вокругъ государственнаго кресла, у стѣнки выступа, стояли бронзовыя и мраморныя статуи императорской фамиліи. Всѣхъ выше была статуя Ѳеодосія съ діадемой на челѣ и съ повелительно протянутою рукой. Рядомъ со статуей импераорат стояла статуя Флакциллы, любимой, недавно умершей его супруги, которая своею нѣжностью всегда оказывала благотворное вліяніе на вспыльчиваго императора. По сторонамъ ихъ находились меньшія статуи двухъ сыновей Ѳеодосія, Аркадія и Гонорія. Негогмн въ сторонѣ отъ нихъ находилась статуя отца императора».

Воспитанная въ благоговѣніи къ императору и ко всему царскому дому, толпа невольно остановилась предъ царскими изображеніями. Вѣроятно, благоговѣйное чувство побѣдило бы пожаръ страстей и мятежники удалились бы изъ суда, не сдѣлавъ ничего дурного, но какой-то буянъ-мальчикъ бросилъ камнемъ въ одну изъ статуй и разбилъ ее. Обаянія какъ ни бывало! Камень шалуна явился искрой, брошенной въ порохъ. Стихнувшія на мигъ страсти, вспыхнули съ новой силой, искра превратилась въ пожаръ, и толпа мятежниковъ съ криками: «Долой тирановъ!» продолжала разбивать статуи и разрушать все въ палатѣ. Черезъ нѣкоторое время статуи были вытащены на улицу, ихъ съ глумленіемъ волочили по мостовой, а потомъ сбросили въ рѣку Оронтъ.

Ужасное дѣло совершено. Страсти опять потухли, и страхъ за содѣланное вдругъ охватилъ мятежную толпу. Она поняла, что совершила такое преступленіе, которое не можетъ быть прощено императоромъ. Нужно было ждать его гнѣва. Мятежникамъ угрожали казни, городу—полное разореніе. Но что сдѣлано, того нельзя было вернуть. «Было что-то ужасное въ той противоположности, какую представлялъ городъ въ его обычномъ состояніи и теперь, когда мрачная туча унынія окутывала его жителей. При обычномъ состояніи бойкій шумъ жизни не прекращался до тѣхъ поръ, пока запахъ лилій и жасминовъ не распространялся въ холодномъ сумракѣ звѣзднаго неба. Среди колоннадъ, блиставшихъ безчисленными лампами, легкомысленная толпа, состоявшая изъ всевозможныхъ національностей и одѣтая въ самые яркіе костюмы, обыкновенно бродила до глубокой ночи, беззаботно смѣясь, болтая, занимаясь

куплей и продажей. Теперь же улицы были пусты, и если кое-гдѣ и показывалось нѣсколько человѣкъ, то они торопливо и украдкой пробирались подобно привидѣніямъ, оглядываясь по сторонамъ. Если на какомъ-нибудь перекресткѣ случайно встрѣчались два-три человѣка, то они останавливались лишь на короткое время, чтобы только спросить, что новаго, или перекинуться двумя словами о томъ, что могло ожидать ихъ. Правитель Антіохіи, зная, что ему самому придется отвѣчать за оскорбленіе, нанесенное императору, рѣшилъ доказать свое негодованіе безпощаднымъ мщеніемъ. Стрѣлецкіе десятники, каждый со своимъ отрядомъ, входили въ дома и выводили закованныхъ въ цѣпи узниковъ. Началось разбирательство дѣла. Арестовывали даже мальчиковъ, подвергая ихъ пыткѣ. Допросы производились быстро и заканчивались жестокими приговорами».

Откуда было ждать спасенія? Кто могъ оказать его? Никто, кромѣ Бога! И развращенные, мятежные антіохійцы бросились въ храмъ, къ своему учителю Златоусту, котораго они прилежно слушали и котораго такъ огорчали своимъ поведеніемъ. Пораженный самъ горемъ и страдавшій за своихъ духовныхъ чадъ, Іоаннъ цѣлую недѣлю не говорилъ проповѣдей. Между тѣмъ народное горе возросло, чувство раскаянія, стыда и страха жгло сердца людей. И вотъ, въ воскресенье сыропустной недѣли Златоустъ въ церкви св. Вавилы выступилъ со своимъ первымъ словомъ къ антіохійской паствѣ. Народъ собрался въ огромномъ количествѣ. Стояла мертвая тишина. Антіохійцы жаждали слова отъ Златоуста, котораго любили и уважали. Они знали, что ему далеки соблазны міра, что онъ недоступенъ чувству страха и является олицетвореніемъ справедливости. Всѣ видѣли въ немъ отца и друга, того воина, который боялся только одного Бога.

Взволнованнымъ и тихимъ голосомъ началъ Іоаннъ свою бесѣду, но голосъ его скоро возросъ и зазвучалъ какъ металлъ подъ сводами церкви.

— «Что мнѣ сказать? О чемъ говорить?—съ глубокой скорбью вопросилъ проповѣдникъ.—Теперь время слезъ, а не словъ; рыданій, а не рѣчей; молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, неизлѣчима рана, такъ велика язва; она выше всякаго врачества и требуетъ высшей помощи. Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разодрали одежды, посыпали себя пепломъ и возстенали. Дайте же и мнѣ оплакать настоящее. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто намъ позавидовалъ? Не было ничего славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Плачу и рыдаю теперь не о великости угрожающаго

наказанія, а о безразсудствѣ сдѣланнаго. Скажите мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ. Ничего не было прежде счастливѣе нашего города; теперь нѣтъ ничего горестнѣе его. Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый день толпились на площади, и всѣ почитали насъ счастливыми. Теперь этотъ улей опустѣлъ, потому что какъ пчелъ разгоняетъ дымъ, такъ насъ разгоняетъ страхъ. Нѣтъ ничего любезнѣе родины, но теперь нѣтъ ничего горестнѣе ея. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, бѣгутъ не только живущія въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти свое тѣло, такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти хотя тѣло. Наше бѣдствіе стало загадкою: безъ враговъ—бѣгство, безъ плѣненія—плѣнъ. Всѣ знаютъ о нашемъ бѣдствіи, потому что, принимая къ себѣ нашихъ бѣглецовъ, отъ нихъ слышатъ о пораженіи нашего города. Но я не стыжусь этого и не краснѣю. Пусть знаютъ всѣ для того, чтобы вознесли общій отъ всей земли голосъ Богу и умолили Царя небеснаго о спасеніи. Недавно нашъ городъ подвергся землетрясенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца. Всѣ мы каждый день видимъ смерть передъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ и терпимъ наказаніе Каина, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницы, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя... И какъ для осажденныхъ небезопасно выйти за городскую стѣну по причинѣ окружающихъ его враговъ, такъ для многихъ изъ жителей города небезопасно выйти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора. И не только городъ, самый воздухъ, даже свѣтлый кругъ солнца, кажется, теперь помрачился скорбью и сдѣлался темнѣе, не потому, чтобы измѣнилось свойство стихіи, но потому, что наши глаза, помраченные печалью, не могутъ ясно, съ прежнею легкостью, принимать свѣтъ солнечныхъ лучей».

Выразивъ свою скорбь, оплакавъ бѣдствія родного города, Златоустъ поспѣшилъ ободрить паству. «Предайте мнѣ ваши души!— воскликнулъ онъ:—отбросьте ваши печали, возложимъ все на Бога. Это послужитъ намъ къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Господь увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ молитвы и любомудрія, то скоро подастъ намъ помощь и благую перемѣну, превративъ бурю въ тишину. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы печемся о себѣ, сколько Тотъ, Кто даровалъ намъ душу и даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя надеждою и будемъ благодушно ожидать, что благоугодно будетъ Господу сотворить съ нами».

Народъ оставилъ храмъ со слезами, но съ облегченною душою, съ надеждою въ сердцѣ на спасеніе.

И народъ не ошибался, потому что онъ имѣлъ у себя такихъ великихъ пастырей, какъ Іоаннъ Златоустъ и Флавіанъ. Въ то самое время, какъ никто не смѣлъ возстать на защиту несчастныхъ и ходатайствовать о нихъ, престарѣлый епископъ Флавіанъ, полубольной, несмотря на суровую зиму, отправился въ Константинополь умолять императора о пощадѣ,—даже тяжелая болѣзнь сестры не остановила пастыря отъ поѣздки. Пренебрегая опасностями, рискуя даже самою жизнью, онъ отправился въ дальній путь (до Константинополя было 1200 верстъ), не питая надежды увидѣть сестру уже живой по возвращеніи. Когда гибли тысячи, епископъ забылъ о себѣ и о близкихъ. Онъ дѣлалъ то, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ язычникъ. Это сами язычники говорили Іоанну.

Флавіанъ уѣхалъ. Но что скажетъ ему императоръ? Смягчитъ ли епископъ царскій гнѣвъ? Народъ томился въ неизвѣстности. По просьбѣ духовенства пытки были прекращены, но ихъ могли возобновить съ большею силою по повелѣнію императора, который отличался добрымъ сердцемъ, но былъ вспыльчивъ, раздражителенъ да, наконецъ, развѣ самой добротѣ нѣтъ предѣла? Никогда еще въ Антіохіи въ Великій постъ не было такой святой тишины, какъ теперь. Цирки и театры опустѣли; лавки закрылись. Весь городъ точно превратился въ одну церковь. Даже тѣ, которые никогда не заглядывали въ храмъ, теперь почти совсѣмъ не выходили изъ него. Іоаннъ не пропустилъ момента и воспользовался имъ на благо своей паствы. Онъ продолжалъ проповѣдывать и дѣйствовать на сердца антіохійцевъ. На другой же день отъѣзда еп. Флавіана Златоустъ въ соборной церкви обратился къ народу съ утѣшительною рѣчью. Онъ упомянулъ объ отсутствующемъ епископѣ и затѣмъ продолжалъ: «Когда посмотрю на этотъ престолъ, праздный и оставленный учителемъ, то вмѣстѣ и радуюсь и плачу; плачу потому, что здѣсь не вижу отца; радуюсь потому, что онъ отправился въ путь для нашего спасенія и пошелъ избавить столь многочисленный народъ отъ царскаго гнѣва. Это для васъ украшеніе, что имѣете такого отца; для него—вѣнецъ, что такъ любвеобиленъ къ чадамъ и оправдалъ самымъ дѣломъ, что сказалъ Христосъ, *что пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы* (Іоанн. 10, 11), онъ пошелъ съ готовностью положить душу свою за всѣхъ насъ, хотя и многое препятствовало ему отправиться въ путь и принуждало его остаться здѣсь. Если Христосъ, говоритъ онъ, предалъ Себя за насъ, то какого извиненія и прощенія будемъ достойны мы, которымъ вручено управлять столь многочисленнымъ народомъ, если не рѣшимся и сдѣлать и потерпѣть все для безопасности ввѣренныхъ намъ?.. И онъ рѣшился потерпѣть всякую опасность, и ничто не могло удер-

жать его здѣсь. Уповаемъ, что наши надежды будутъ благоуспѣшны, потому что Богъ не презритъ такого усердія и попеченія и не попуститъ, чтобы Его служитель возвратился безъ успѣха. Знаю, что какъ только онъ предстанетъ и увидитъ благочестиваго царя, то однимъ своимъ видомъ въ состояніи будетъ тотчасъ укротить его гнѣвъ, потому что у святыхъ не только слова, но и самыя лица исполнены духовной благодати». Потомъ, обращаясь къ народу, Іоаннъ добавилъ: «Призовемъ и мы Господа и помолимся Ему, и Онъ несомнѣнно укротитъ гнѣвъ царя и избавитъ насъ отъ всѣхъ угрожающихъ намъ скорбей. Отецъ тамъ предстательствуетъ предъ царемъ земнымъ, а мы здѣсь будемъ предстательствовать предъ Царемъ небеснымъ и помогать ему молитвами. Много можетъ цѣлая церковь, если мы вознесемъ молитвы съ скорбящей душой и сокрушеннымъ сердцемъ».

Гонцы, посланные въ Константинополь правителемъ, въ своихъ донесеніяхъ опередили Флавіана. Разгнѣванный императоръ немедленно послалъ въ Антіохію двухъ своихъ сановниковъ для того, чтобы они примѣрно наказали мятежный городъ. И вотъ они, изъ которыхъ одного звали Еллевихомъ, а другого Кесаріемъ, вступили въ Антіохію раннимъ утромъ во главѣ отряда войскъ. Они объявили волю императора, указъ котораго гласилъ: 1) Антіохія лишается званія столицы Сиріи, и это званіе переходитъ къ городу Лаодикіи; 2) впредь до дальнѣйшаго распоряженія всѣ общественныя бани, цирки, театры и другія мѣста увеселенія въ городѣ закрываются; 3) пытки, которыя были прекращены, повелѣвалось возобновить и всѣхъ виновныхъ предать суровому наказанію; 4) императорская хлѣбная дача, распредѣлявшаяся среди бѣдныхъ, прекращается.

Началось разбирательство и судъ надъ виновными. Возобновились пытки и казни. Тюрьмы были переполнены. Никто изъ адвокатовъ не осмѣлился защищать обвиненныхъ. Каждый страшился за себя. И только одинъ Іоаннъ Златоустъ посѣщалъ темницы, проводилъ въ нихъ ночи, утѣшалъ измученныхъ пытками заключенныхъ, ухаживая съ любовью и нѣжностью за истерзанными и не уставая ходатайствовать за нихъ предъ властью.

Народные вопли достигли въ пустыню, гдѣ спасались подвижники, отрекшіеся отъ міра, но не отъ любви къ братьямъ, горе которыхъ отозвалось болью въ ихъ сердцахъ. Они покинули свои уединенныя жилища и толпою вошли въ городъ. Они были одѣты,— разсказываетъ Фарраръ,—въ кожи и грубыя овчины, нѣкоторыя едва прикрывались лохмотьями, такъ какъ остатки одежды ихъ давно уже превратились въ клочья. По плечамъ у нихъ спускались длинные волосы. Лица у нихъ были тощія, мрачныя, движенія порывистыя. Многіе изъ нихъ по цѣлымъ годамъ не бывали въ Антіохіи

и однако во всей поступи этихъ странныхъ людей не было боязливости и раболѣпства. Сановники, ѣхавшіе въ судъ, увидѣвъ ихъ, пришли въ изумленіе. Пустынники не кланялись, не плакали, не умоляли, а стояли прямо въ угрожающей позѣ. Оба сановника пришли въ еще большее удивленіе, когда изъ среды этихъ странныхъ людей выступилъ одинъ и, схвативъ за узду лошадь Кесарія, повелительно приказалъ ему сойти съ лошади.

— Кто этотъ сумасшедшій?—спросилъ Кесарій.

Ему отвѣчали:

— Это не сумасшедшій, это Македоній ячменоѣдъ.

Кесарій слышалъ о Македоніи, ибо слава объ этомъ подвижникѣ гремѣла на весь христіанскій міръ. Кесарій и его товарищъ немедленно спѣшились и опустились на колѣни предъ пустынникомъ. Не вѣдая страха, не обращая вниманія на удивленіе свиты, Македоній промолвилъ:

— Идите, друзья мои, и такъ скажите императору: «Ты также человѣкъ, хотя и повелѣваешь людьми. Смѣешь ли ты разрушать образъ Божій? Статуи легко возстановить, какъ это уже и сдѣлано,— но можешь ли ты возстановить къ жизни образъ Божій, когда онъ разрушенъ тобой? Можешь ли ты заставить хоть одинъ волосъ опять выpасти у людей, которыхъ ты осудилъ на смерть».

И другіе пустынники подтвердили эти слова, добавивъ:

— Мы всѣ готовы положить свою жизнь за этотъ городъ. Мы готовы умереть за тѣхъ, которыхъ вы осуждаете; если царю нужны жертвы, то пусть ими будемъ мы, пусть онъ казнитъ насъ и пощадитъ горожанъ. Мы не оставимъ этого города, пока онъ не будетъ прощенъ.

Царскіе посланники исполнили волю пустынниковъ. Судопроизводство было пріостановлено, и Кесарій немедленно поѣхалъ въ Константинополь. Когда онъ прибылъ туда, Флавіанъ уже успѣлъ представиться императору и получить отъ него прощеніе мятежникамъ.

V.

Порученіе, возложенное на Флавіана, было одно изъ труднѣйшихъ. Нужно смягчить гнѣвъ Ѳеодосія, но что можно было привести въ оправданіе бунтовщиковъ? Ѳеодосій не былъ жестокимъ. Онъ проявилъ свою ревность къ вѣрѣ, заботу о населеніи, своимъ мудрымъ правленіемъ далъ возможность городамъ (въ томъ числѣ Антіохіи) развить промышленность и скопить большія богатства. Десять лѣтъ его царствованія были годами спокойствія. Антіохійцы могли не сочувствовать налогу, просить о сложеніи его съ нихъ, но они не смѣли выражать свое несочувствіе такъ грубо, такъ оскорбительно для государя. Все это понималъ епископъ и чув-

ствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положенiи. «Θеодосiй,—говоритъ Фарраръ,—не придавалъ особеннаго значенiя внѣшнему восточному блеску и явился запросто, взойдя на тронъ въ концѣ залы. Это былъ крѣпкiй красивый испанецъ, окруженный стройными тѣлохранителями изъ готовъ. Сквозь простоту просвѣчивало величiе императорской власти, дававшей о себѣ знать въ необыкновенномъ достоинствѣ всей его поступи. Подавленный горькими чувствами, Флавiанъ не смѣлъ даже приблизиться къ императору и, остановившись поодаль, на другомъ концѣ палаты, опустивъ глаза и склонивъ сѣдую голову, горько заплакалъ. Отъ охватившаго его волненiя онъ не могъ даже говорить. Сердце Θеодосiя клокотало отъ гнѣва, но императоръ не могъ вынести этого зрѣлища: онъ сошелъ съ трона, подошелъ къ епископу и, взявъ старца за руку, заговорилъ съ нимъ ласковымъ тономъ, будто самъ нуждался въ оправданiи.

— Неужели я,—сказалъ онъ,—заслужилъ такое отношенiе къ себѣ со стороны Антiохiи? Развѣ я не былъ всегда милостивъ къ этому городу? Развѣ я не намѣревался лично посѣтить его? Пусть у антiохiйцевъ была какая-нибудь причина обижаться на меня, но зачѣмъ они оскорбили моего благороднаго отца? Зачѣмъ оскорбили моихъ сыновей, а главное, зачѣмъ они подвергли оскорбленiямъ покойную императрицу, которую я такъ нѣжно любилъ и потеря которой для меня такъ тяжела. Развѣ она сама не была воплощенной добротой? Развѣ бѣдные не пользовались ея попеченiемъ и материнской любовью? Не она ли безъ свиты, какъ обыкновенная женщина, посѣщала бѣдныхъ и больныхъ? Не она ли всегда ходатайствовала за всѣхъ у меня? И ее такъ оскорбить! Надъ памятью ея такъ глумиться! Это ужъ слишкомъ, отецъ! Какъ я могу простить звѣрскую толпу, которая разбила въ куски изображенiе моей супруги и съ гнуснымъ оскорбленiемъ влачила ея статую по улицѣ?

Епископъ съ плачемъ отвѣчалъ императору:

— Мы согрѣшили! Мы признаемъ все твое великодушiе, мы не заслужили твоего состраданiя и твоего прощенiя. И все-таки прости, прости! Этимъ ты лучше всего можешь разрушить зло. Когда дьяволъ лишилъ человѣка рая, то развѣ Богъ не открылъ небо падшему роду? О, уподобься же Богу! Взоры всѣхъ iудеевъ, язычниковъ, грековъ и варваровъ въ Антiохiи обращены къ тебѣ. Если они увидятъ, что милость господствуетъ надъ судомъ и прощенiе утишаетъ гнѣвъ, то они всѣ воскликнутъ въ одинъ голосъ: о, какъ велика сила христiанства! Вспомни, государь, о благодушiи мудраго Константина, когда его статуи были также подвергнуты оскорбленiю. Онъ только улыбнулся и, поднявъ руку къ челу, сказалъ, что онъ не чувствуетъ никакого вреда и никакой боли. Вспомни также и о твоей собственной нѣжности, государь, когда ты, отпуская

плѣнныхъ на свободу, воскликнулъ: «О, если бы я могъ также возвратить и мертвыхъ!» Хуже землетрясеній и пожаровъ были для насъ наши преступленія и твой гнѣвъ. Но вспомни о томъ днѣ, когда и самъ ты предстанешь предъ судилищемъ Того, Кто сказалъ: «Если вы прощаете человѣкамъ прегрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ небесный проститъ вамъ согрѣшенія ваши». Прости же намъ нанесенное тебѣ оскорбленіе, какъ Богъ повседневно прощаетъ оскорбленія, которыя люди наносятъ Ему. Онъ повелѣваетъ своему солнцу сіять на добрыхъ и злыхъ, падать дождю на праведныхъ и неправедныхъ. Ты добръ и милостивъ: покажи же себя благороднѣе, чѣмъ того заслуживаемъ мы. Иначе я уже никогда не возвращусь въ родной городъ, а скрою мой стыдъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ изгнанія».

Ѳеодосій былъ глубоко тронутъ рѣчью епископа и едва могъ удержаться отъ рыданій.

— О,—воскликнулъ онъ,—развѣ Христосъ былъ распятъ не тѣми самыми людьми, которыхъ Онъ пришелъ спасти? И Онъ простилъ ихъ! Не слѣдуетъ ли и мнѣ простить подвластныхъ мнѣ?

И уже совершенно чуждый гнѣва, давъ полную волю своему доброму чувству, императоръ добавилъ, обращаясь къ епископу:

— Возвратись домой, отецъ, возвратись какъ можно скорѣе, скажи, что я прощаю и отмѣняю всѣ постановленія, которыя сдѣлалъ. Антіохія не будетъ разжалована. Я возвращаю ей всѣ права, а обвиненнымъ даю полное прощеніе.

Пораженный неожиданной радостью, престарѣлый епископъ упалъ въ обморокъ. Кто-то изъ свиты подхватилъ Флавіана. Придя въ себя, онъ прерывающимся голосомъ едва могъ поблагодарить императора и вознести благодареніе Богу.

Сильно утомленный дорогой и немного прихворнувшій, Флавіанъ не сразу отправился назадъ въ Антіохію, но, желая скорѣе утѣшить ея жителей, онъ послалъ немедленно съ курьеромъ письмо, въ которомъ извѣщалъ о милости императора. Какъ только собрался съ силами, Флавіанъ поспѣшилъ въ Антіохію, куда и прибылъ наканунѣ Пасхи. Чуть ли не всѣ антіохійцы вышли къ нему навстрѣчу, и онъ былъ, какъ тріумфаторъ, внесенъ въ городъ. Златоустъ ликовалъ вмѣстѣ съ своими духовными дѣтьми и произнесъ восторженное слово предъ радостными и счастливыми слушателями. «Благословенъ Богъ,—сказалъ онъ голосомъ, прерывавшимся отъ радостныхъ слезъ,—благословенъ Богъ, Который сдѣлалъ неизмѣримо больше того, чего мы просили или о чемъ помышляли; намъ казалось достаточнымъ и того, чтобы на время быть избавленными отъ угрожающихъ бѣдъ, но милосердый Богъ, далеко превосходя своими дарами наши прошенія, возвратилъ намъ нашего отца скорѣе, чѣмъ мы могли ожидать». Златоустъ убѣждалъ народъ никогда

не забывать этого страшнаго испытанія. Горестное событіе отошло въ прошлое, но оно явилось хорошимъ урокомъ для антіохійцевъ и доказало всѣмъ язычникамъ силу христіанства, все его великое благотворное вліяніе. «Исходъ этого событія,—говоритъ Лопухинъ,—сплетаетъ неувядаемый вѣнокъ на чело главныхъ его дѣятелей, и всѣ они были христіане, пастыри и подвижники Церкви Христовой: неустрашимый престарѣлый епископъ, который не убоялся ни трудности далекаго пути, ни гнѣва императора, чтобы только походатайствовать за свой народъ; самоотверженные отшельники, которые, отбросивъ свое безмятежное жительство въ безмолвной пустынѣ, явились въ мятежный городъ спасать человѣческія души,—и особенно величайшій сладкогласный пастырь и учитель этого народа, изо дня въ день произносившій дивныя бесѣды, которыя во время ужасовъ и томленій раздавались неустанно то какъ угрозы праведнаго судіи, то какъ ласки глубоколюбящаго отца и производили потрясающее впечатлѣніе на сотни тысячъ слушателей. Эти рѣчи отзывались въ сердцахъ не только христіанъ, но и язычниковъ. Язычники массами посѣщали храмы въ надеждѣ почерпнуть утѣшеніе и для своей страждущей души. Они съ изумленіемъ слушали, какъ христіанскій проповѣдникъ изобличалъ пороки и безумства, какъ онъ наподобіе трубы призывалъ всѣхъ къ исправленію. Язычники съ несомнѣнной ясностью убѣждались въ томъ, насколько суетны и мимолетны земныя почести и богатства, какъ они не въ состояніи спасти жизнь во время опасности и бѣдствія и насколько выше ихъ христіанское упованіе, полагающее цѣль и благо жизни въ нетлѣнныхъ сокровищахъ загробнаго міра. Они узнали, что для добродѣтельнаго человѣка смерть есть только переходъ къ блаженной жизни, и что здѣшнія страданія полезны, такъ какъ очищаютъ душу. Этотъ міръ, въ которомъ такъ много суеты и горя, получалъ въ глазахъ язычниковъ новый интересъ, когда они слышали отъ Златоуста, что существуетъ превѣчный и всемогущій Творецъ, Который, какъ отецъ, печется о всѣхъ людяхъ, простирая Свою заботу до того, что безъ Его воли не падетъ волосъ съ головы». Во всемъ величіи проявило себя христіанство, представители котораго безстрашно поднялись на защиту несчастныхъ въ то время, какъ знатные язычники, полные земного страха, не смѣли произнести слова въ защиту мятежныхъ. И масса язычниковъ пожелала креститься, чѣмъ еще болѣе увеличили радость Златоуста и Флавіана, счастливаго уже тѣмъ, что его ходатайство спасло антіохійцевъ отъ ужасной кары.

Жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. Іоаннъ продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность, посѣщалъ больницы, хижины бѣдныхъ, дома вдовъ и сиротъ, вездѣ и всѣмъ неся утѣшеніе, ласки и врачество. Любовь населенія къ нему росла съ каждымъ годомъ,

крѣпла связь паствы съ пастыремъ, который не оставлялъ безъ вниманія ни одного жизненнаго явленія, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы поучать, облегчать скорбь и являться другомъ пасомыхъ. Происходило ли землетрясеніе, постигала ли городъ болѣзнь, наступалъ ли голодъ, Іоаннъ являлся со своей помощью и со своимъ словомъ. Въ каждую минуту скорби, смятенія, онъ былъ, какъ вѣрный стражъ, на своемъ посту, и къ нему стекался народъ, ища поддержки, ободренія и наставленія. Онъ утиралъ слезы, смягчалъ печаль, обнадеживалъ отчаявшихся, утишалъ бурю страстей, подкрѣплялъ надежды слабыхъ. Онъ отзывался на все, что тревожило, занимало бѣдныхъ и богатыхъ, отвѣчалъ на всѣ вопросы, возникавшіе въ умахъ антіохійцевъ, не обходилъ ни одного явленія, которое порождало недоумѣніе, и оттого всѣ его бесѣды, поученія были такъ житейски, такъ близки и понятны всѣмъ. Связь крѣпла между нимъ и паствой, и Златоустъ на себѣ самомъ показалъ всѣмъ пастырямъ будущихъ вѣковъ примѣръ того, чѣмъ можетъ быть истинный пастырь, что онъ въ состояніи сдѣлать и какой любви заслужить. Да, онъ зналъ своихъ овецъ, и овцы знали его и слушали его голоса. Между Іоанномъ и христіанами установилась такая безграничная любовь, что онъ не могъ существовать безъ паствы, а паства безъ него. Если случалось Іоанну, утомленному трудами, удаляться за городъ, чтобы подышать горнымъ воздухомъ, то къ нему сейчасъ же посылалась масса писемъ, въ которыхъ умоляли его скорѣе вернуться, потому что «паства скорбитъ и томится въ его отсутствіи». И онъ, забывая о своемъ здоровьѣ, возвращался въ Антіохію, счастливый и радостный отъ сознанія такой любви къ себѣ.

Но мѣшало ли это Іоанну быть суровымъ въ обличеніяхъ и строгимъ въ поученіяхъ? Нѣтъ! Онъ вѣрно понималъ любовь, и эта любовь заставляла его для блага же пасомыхъ не молчать объ ихъ порокахъ, обличать ихъ недостатки, призывать грѣшниковъ къ покаянію и исправленію. Ненавидя грѣхъ, онъ скорбѣлъ о грѣшникахъ, потому что онъ *любилъ человѣка, какъ образъ Божій*, и былъ «безжалостенъ ко грѣху, но исполненъ милосердія къ грѣшнику».

Златоустъ желалъ никогда не покидать Антіохіи и былъ увѣренъ, что это такъ и будетъ; но его ожидало болѣе широкое поприще, ему было назначено послужить Церкви въ санѣ константинопольскаго патріарха.

Въ 397 году умеръ патріархъ Нектарій. Въ это время царствовалъ уже сынъ Ѳеодосія, Аркадій,—человѣкъ недалекаго ума, слабой воли, находившійся подъ вліяніемъ сановниковъ, а впослѣдствіи подъ вліяніемъ своей жены, Евдоксіи. Евтропій, сановникъ, имѣвшій тогда вліяніе на императора, былъ когда-то въ Антіохіи и слышалъ проповѣдь Златоуста. Онъ прельстился краснорѣчіемъ антіохійскаго пресвитера, и вотъ теперь, когда поднялся вопросъ объ

избраніи патріарха, Евтропій указалъ императору на Іоанна, какъ на самаго достойнаго замѣстителя Нектарія. Аркадій согласился съ мнѣніемъ Евтропія и утвердилъ избраніе Іоанна. Но, зная любовь антіохійцевъ къ Іоанну и боясь ихъ открытаго сопротивленія, Евтропій рѣшилъ взять Златоуста хитростью. Сановникъ пригласилъ Іоанна за городъ, какъ бы желая съ нимъ вмѣстѣ посѣтить гробницы мучениковъ. За городомъ уже ждала колесница, на которую посадили Златоуста и быстро помчали въ столицу. Іоаннъ не зналъ, зачѣмъ везутъ его, и никто не смѣлъ объяснить ему правды. Съ тоскою смотрѣлъ онъ на исчезавшую изъ глазъ Антіохію, гдѣ онъ родился и прожилъ столько счастливыхъ лѣтъ, сроднившись душою съ паствой.

Когда Іоаннъ прибылъ въ Константинополь и услышалъ изъ устъ Евтропія о своемъ назначеніи, онъ въ смущеніи воскликнулъ: «О, пощади меня! Я не хочу этой почести! Я предвижу, что все это закончится несчастіемъ!»

— Я знаю, что ты не добивался высокаго положенія,—сказалъ Евтропій,—но такова воля его вѣчности, императора.

Іоаннъ былъ смущенъ этимъ титуломъ и со свойственной откровенностью и прямотой воскликнулъ: «Какой неподходящій титулъ! Какъ же называть послѣ этого Христа? Всякая плоть, какъ трава: трава засохнетъ—человѣкъ пропадетъ... О, верните меня въ мой скромный домикъ въ Антіохіи! Я не привыкъ дышать воздухомъ, наполненнымъ лестью».

Слова Іоанна изумили и озадачили сановника. Онъ не могъ не улыбнуться, хотя въ то же время почувствовалъ глубокое почтеніе къ этому независимому пресвитеру, въ лицѣ котораго онъ встрѣтился съ истиннымъ христіаниномъ.

— Такова воля императора,—повторилъ Евтропій,—иди къ нему, онъ ждетъ тебя.

Іоаннъ долженъ былъ покориться, но онъ чувствовалъ себя осиротѣлымъ безъ антіохійской паствы и понималъ, какимъ горемъ наполнятся сердца всѣхъ антіохійцевъ, когда они узнаютъ о разлукѣ съ нимъ.

И онъ не ошибался: горю антіохійцевъ не было границъ и мѣры.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Императоръ принялъ Іоанна въ Пурпурной палатѣ, которая получила такое названіе отъ того, что полъ и стѣны ея были выложены порфиромъ и ее украшали занавѣсы пурпурныя, шитыя зо-

лотомъ. Полъ былъ посыпанъ золотой пылью; то тамъ, то здѣсь виднѣлись украшенія изъ агата и сердолика; потолокъ поддерживался колоннами изъ нумидійскаго розоваго и золотистаго мрамора. Іоанна сопровождала блестящая свита сановниковъ. Въ залѣ стояли придворные воины въ плащахъ, унизанныхъ жемчугомъ, и въ шлемахъ, украшенныхъ смарагдами. Посрединѣ залы стоялъ тронъ, поддерживаемый золотыми львами. Вблизи трона размѣстилась готская стража, воины которой имѣли золотые воротники на своей одеждѣ. На тронѣ, на шелковыхъ подушкахъ, расшитыхъ жемчугомъ, сидѣлъ императоръ Аркадій. На его пурпурной одеждѣ были вышиты золотомъ драконы, въ ушахъ красовались огромные рубины; вокругъ шеи сверкало ожерелье изъ крупныхъ жемчужинъ, на грудь опускались цѣпи изъ драгоцѣнныхъ камней; вся фигура Аркадія, благодаря своей золотой одеждѣ, сверкала; на головѣ Аркадія была надѣта діадема, которая такъ шла къ его чернымъ волосамъ. Наружность императора не отвѣчала его блестящей обстановкѣ. Это былъ молодой человѣкъ девятнадцати лѣтъ, небольшого роста, худо сложенный, лишенный силы и жизни, уже въ эти годы похожій на слабаго старика. Онъ имѣлъ сонный видъ и, когда сановники, преклонивши предъ нимъ колѣни, представили ему Іоанна, Аркадій проговорилъ вяло, точно въ полуснѣ: «Радъ тебя видѣть,— и, помолчавъ, прибавилъ:—въ двадцать шестой день этого мѣсяца тебя посвятятъ въ епископы».

Отъ императора Іоаннъ въ сопровожденіи той же свиты отправился въ покои императрицы. Евдоксія являлась полной противоположностью своего мужа. Это была женщина блестящая, красивая, энергичная, полная жизни, жаждавшая власти. Евдоксія,—разсказываетъ Фарраръ,—встала, чтобы привѣтствовать Іоанна, и не только не позволила ему поцѣловать себѣ руку, но сама горячо приложила къ своимъ губамъ край его одежды.

— Искренно поздравляю твое святѣйшество съ этимъ великимъ повышеніемъ,—сказала императрица.

— Благодарю тебя, государыня,—отвѣчалъ Іоаннъ,—но я смущаюсь отъ этого титула и сана, потому что въ Антіохіи служилъ въ простотѣ Богу и Его Церкви.

Іоаннъ говорилъ со смиреніемъ, но независимо.

— Я знаю,—отвѣтила императрица,—что мы будемъ друзьями. Тебѣ предстоитъ много потрудиться для Церкви и бѣдныхъ, и мой казначей получилъ уже отъ меня распоряженіе щедро содѣйствовать твоей благотворительности.

Іоаннъ горячо благодарилъ Евдоксію за ея милостыню церквамъ.

26 февраля 398 года Іоаннъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа константинопольскаго. Хиротонія состоялась въ великой церкви св. Софіи. Это былъ великолѣпный храмъ. Ворота блистали брон-

зой и были украшены барельефами, окна сдѣланы изъ тонкихъ плитъ алебастра, капители колоннъ вырѣзаны въ видѣ листьевъ, и все это было изъ порфира. Куполъ былъ отдѣланъ мозаикой на золотомъ фонѣ, раскрашенъ многоцвѣтными красками. Въ алтарѣ посрединѣ стоялъ великолѣпно убранный престолъ, сдѣланный изъ золота, украшенный драгоцѣнными камнями; между колоннами, поддерживающими алтарь, висѣли шелковыя занавѣси, на которыхъ были вышиты золотомъ изображенія Спасителя, Іоанна Крестителя и ап. Павла. Иконостасъ былъ изъ серебра. Позади престола находился тронъ патріарха, а также синтронъ, или мѣсто для пресвитеровъ, и надъ ними возвышался серебряный вызолоченный балдахинъ. Амвонъ для чтеца былъ выложенъ драгоцѣнными мраморами съ мозаичными изображеніями агнцевъ, голубей, рыбъ и павлиновъ. Къ алтарю вели два ряда ступеней, одинъ на западной, другой на восточной сторонѣ, а надъ ними высился великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый восемью колоннами. Іоанна рукополагалъ Ѳеофилъ, патріархъ александрійскій, который былъ недоволенъ избраніемъ Іоанна, потому что хотѣлъ провести на константинопольскую каѳедру своего любимца, епископа Исидора. Іоаннъ сразу понялъ къ себѣ вражду Ѳеофила, который и не скрывалъ непріязненныхъ чувствъ къ новому архіепископу. Грустныя чувства волновали Іоанна. Онъ съ тоской вспоминалъ оставленную Антіохію и даже уносился мечтами къ тому времени, когда онъ проводилъ мирные дни въ пещерѣ. Съ душою, полною скорби, и съ сердцемъ, волнуемымъ тревогою, произнесъ онъ свою вступительную рѣчь. Въ этой рѣчи онъ коснулся многихъ общихъ вопросовъ, затѣмъ перешелъ къ себѣ, какъ къ архіепископу, и продолжалъ:

— Въ Константинополѣ есть еще язычники: я постараюсь привесть ихъ къ Церкви, представляя имъ примѣръ христіанской жизни, стараясь содѣйствовать осуществленію идеала христіанской жизни. Въ Константинополѣ много аріанъ и другихъ еретиковъ: я не употреблю противъ нихъ иного оружія, кромѣ меча Св. Духа, который есть слово Божіе; я буду епископомъ, а не гладіаторомъ, ибо ненавижу ожесточенія въ богословскихъ спорахъ. Я отвергаю употребленіе насилія въ дѣлѣ церковной проповѣди. Я готовъ скорѣе подвергнуться невѣжественной клеветѣ, направленной на Василія Великаго, что будто его ученіе подобно рѣкѣ, сбѣгающей со скалъ, чтобы укрыться въ пескахъ, чѣмъ допустить раздражительныя разногласія. Богословскіе споры оказываются несравненно болѣе слабымъ доказательствомъ православія, чѣмъ простая беззавѣтная преданность вѣрѣ. Пчелы, говорилъ Василій, летаютъ роями и не отнимаютъ другъ у друга цвѣтовъ; не такъ бываетъ у насъ: каждый гораздо болѣе заботится объ удовлетвореніи своего гнѣва, чѣмъ о спасеніи, и стремится къ тому, чтобы ужалить своего ближняго.

За это Василія безумные называли еретикомъ. Но онъ на это отвѣчалъ только: я порѣшилъ не пренебрегать никакимъ трудомъ и не бояться пользоваться никакимъ смиреннымъ словомъ и дѣломъ, и потому не освобожу себя ни отъ какого путешествія, не уклонюсь ни отъ какого бремени, чтобы только мнѣ достигнуть награды, обѣщанной миротворцамъ. Такъ говорилъ Василій. Что касается меня, то я при помощи Божіей буду смѣло обличать пороки; я не буду входить ни въ какія соглашенія, не буду заключать никакого договора съ адомъ. Для нечестія и порока я буду непреклоннымъ врагомъ. Но по отношенію къ самимъ грѣшникамъ я всегда готовъ дѣйствовать въ духѣ сострраданія и, насколько это будетъ зависѣть отъ меня и возможно мнѣ, не вредя правдѣ и благу Церкви, буду жить въ мирѣ со всѣми. Но, возлюбленные, человѣкъ есть ничто, Богъ есть все во всемъ. Помогите мнѣ своимъ сочувствіемъ, поддержите вашей молитвою.

Этой проповѣдью Златоустъ сразу опредѣлялъ себя какъ пастыря, и ту дорогу, по которой онъ намѣренъ былъ итти, служа Церкви въ новомъ санѣ.

II.

Нектарій любилъ роскошную жизнь. Домъ, который онъ занималъ, такъ называемый дворецъ патріарха, былъ обставленъ дорогой мебелью, богато украшенъ. Покойный патріархъ держалъ большой штатъ прислуги, потому что часто принималъ знатныхъ гостей, даже самого императора; патріаршіе обѣды славились въ столицѣ. Подражая двору, Нектарій окружалъ себя блескомъ и недоступностью. Въ санѣ патріарха онъ оставался тѣмъ же сановникомъ и свѣтскимъ человѣкомъ, какимъ былъ раньше.

Не таковъ былъ Іоаннъ, этотъ Божій воинъ, другъ бѣдныхъ, сирыхъ и обездоленныхъ, подвижникъ и первый слуга каждаго. Роскошь для него была непріятна, и онъ считалъ ее грѣхомъ. Онъ являлся служителемъ Того, Кто родился въ ясляхъ, всю жизнь не зналъ, гдѣ преклонить голову, ходилъ босый и любилъ бѣдныхъ. Многіе говорили, что самый санъ требуетъ обстановки, но Златоустъ понималъ, что величіе пастыря не въ роскошной мебели и не въ богатыхъ одеждахъ, а въ его добродѣтельной жизни. Онъ справедливо возражалъ: «Развѣ апостолы не должны были поддерживать своего сана, своего величія? Но у Павла была только одна одежда, и никто изъ нихъ не зналъ роскоши. Да и что же я буду тратить на бѣдныхъ, если стану много издерживать на себя?»

Все измѣнилось въ патріаршемъ домѣ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ большихъ комнатъ, прекрасно обставленныхъ и богато украшенныхъ. По своему великолѣпію особенно выдавалась Ѳомаита—мраморная палата, и судебная палата, въ которой происхо-

дилъ разборъ церковныхъ дѣлъ. Всѣ залы были устланы дорогими коврами, украшены шелковыми занавѣсями; столы были покрыты парчевыми тканями. Іоаннъ приказалъ убрать всѣ ковры, занавѣси и дорогую мебель.

— Мнѣ этого не нужно, — сказалъ онъ, — я къ этому не привыкъ. Да это и неприлично для служителя церковнаго.

Патріархъ поселился въ одной просторной комнатѣ, но и изъ нея велѣлъ вынести роскошную мебель, замѣнивъ ее простой, которая прибыла вскорѣ изъ Антіохіи вмѣстѣ съ книжными шкапами. Всѣ же драгоцѣнности, ковры, шелковыя занавѣси онъ велѣлъ продать, чтобы этими деньгами можно было утолить горе бѣдныхъ и страдающихъ. Онъ выстроилъ домъ призрѣнія и двѣ больницы: одну для горожанъ, другую для пріѣзжихъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ распустилъ огромный штатъ прислуги, совсѣмъ для него лишній, такъ какъ онъ не намѣревался задавать пиры и обѣды. Онъ повелъ скромную уединенную жизнь. Онъ берегъ время, чтобы имѣть возможность заниматься Священнымъ Писаніемъ; для людей, нуждавшихся въ немъ, двери его дома всегда были открыты — доступнѣе его еще не было патріарха въ Константинополѣ. Но онъ вовсе не желалъ принимать праздныхъ болтуновъ, для которыхъ посѣщеніе дворца патріарха было пріятнымъ развлеченіемъ, доставлявшимъ притомъ удовлетвореніе тщеславію. Іоаннъ посѣщалъ бѣдныхъ, больныхъ, помогая имъ матеріально и утѣшая ихъ бесѣдами.

Десятки поваровъ оказались не нужными, потому что и теперь Іоаннъ продолжалъ питаться только хлѣбомъ, овощами и водой, прибавляя въ нее немного винограднаго вина.

Любовь его къ бѣднымъ простиралась настолько, что онъ во время голода отдалъ всѣ свои доходы и продалъ лишніе церковные сосуды, говоря, что спасеніе бѣдныхъ отъ голодной смерти Богу болѣе пріятно, чѣмъ обиліе лишней утвари въ церквахъ. Всѣ эти поступки новаго патріарха вмѣсто того, чтобы вызвать къ нему благоговѣйное уваженіе, породили неудовольствіе и ропотъ среди духовенства и богатыхъ константинопольцевъ. Не того ждали отъ новаго патріарха эти люди, избалованные Нектаріемъ.

— Что это за патріархъ!—говорили они про Іоанна, — одѣвается бѣдно, какъ простой монахъ, никого не принимаетъ и возится только съ нищими.

Ропотъ все росъ и росъ. Когда Іоаннъ, не обращая вниманія на то, что о немъ говорили, продолжалъ итти своимъ путемъ и началъ нападать на сытыхъ и богатыхъ, сталъ ихъ обличать, то онъ возбудилъ къ себѣ сильную непріязнь обезпеченныхъ классовъ, высшаго духовенства и приближенныхъ ко двору; тѣ и другіе начали клеветать на него, обвиняя его во всевозможныхъ преступленіяхъ. Говорили, что онъ только для виду такъ постится, но, запираясь

въ уединеніи, предается объяденію; говорили, что онъ жаденъ и распродалъ всѣ драгоцѣнности и церковные сосуды, чтобы деньги присвоить себѣ. Противъ него начали возбуждать дворъ. Все низкое судило о немъ по себѣ, мѣрило его на свой аршинъ; оно не задумывалось въ выборѣ средствъ въ борьбѣ съ Іоанномъ, желая погубить его. А враговъ у него становилось все болѣе и болѣе, благодаря его обличеніямъ и нелицепріятнымъ отношеніямъ ко всѣмъ. Знатные люди и духовныя лица, жившіе совсѣмъ не по-христіански, не могли выносить его упрековъ. Потомъ къ нимъ присоединилась уже и сама императрица, но пока еще она да и многіе изъ сановниковъ сохраняли съ патріархомъ добрыя отношенія; прикрываясь маскою благочестія, Евдоксія даже вызвала похвалу со стороны Іоанна за свое участіе въ духовной процессіи при перенесеніи мощей. Въ концѣ 398 года въ Константинополь были присланы мощи св. мученика Ѳоки и останки мучениковъ Сисинія, Мартирія и Александра. Іоаннъ перенесъ ихъ торжественно ночью въ церковь св. Ѳомы, которая находилась въ 12 верстахъ отъ города. «Огромное шествіе было сопровождаемо множествомъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, которые, несмотря на свой чинъ, смиренно шли рядомъ съ простымъ бѣднымъ народомъ. Мало того, сама императрица Евдоксія прошла весь этотъ путь пѣшкомъ. Въ скромной одеждѣ, она вмѣстѣ съ народомъ пѣла священныя пѣсни и держала кисть богатаго шелковаго покрова, подъ которымъ покоились мощи. Это внѣшнее благочестіе царицы произвело на всѣхъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе». Даже самъ Златоустъ былъ объятъ радостью. Онъ подумалъ, что императрица дѣйствительно будетъ покровительницей бѣдныхъ и православной вѣры. Когда процессія достигла церкви, то патріархъ произнесъ восторженную рѣчь. «Что мнѣ сказать?—воскликнулъ онъ.—Я ликую внѣ себя отъ радости. Смотрите, какой примѣръ подала намъ царица! Она, какъ простая служанка, шествовала позади этихъ мощей. Будь ты благословенна, царица! Ты сдѣлалась покровительницей мощей, матерью церквей. Мы причисляемъ тебя къ благочестивымъ матронамъ, ибо въ построеніи храмовъ, въ почитаніи мучениковъ ты пользуешься твоей земной царственностью, какъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства». На другой день церковь св. Ѳомы посѣтилъ и императоръ Аркадій.

Іоаннъ не могъ оставаться патріархомъ, который ничего не дѣлаетъ, не обличаетъ пороковъ, не устраиваетъ церковныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что его ждетъ за это, быть-можетъ, кара здѣшняго міра, живущаго ложью, но онъ не боялся никого, потому что боялся одного Бога, къ Которому и обращался съ усердною молитвой: «Я не искалъ своего повышенія. Ты возложилъ на меня это бремя, такъ дай же силъ для него, научи меня творить Твою волю». И не за-

ботясь объ осужденіяхъ міра—духовенства, знати и даже двора— Іоаннъ Златоустъ началъ дѣлать то, что было благоугодно Богу.

III.

Ставши во главѣ константинопольской церкви, Іоаннъ Златоустъ прежде всего принялся за исправленіе нравовъ своихъ подчиненныхъ, которые нуждались въ «очищеніи». Духовенство было распущенно, жизнь его не отличалась нравственною строгостью. Оно поучало по обязанности, обративъ это въ формальность, но само не поступало по заповѣдямъ Божіимъ, и дѣла шли вразрѣзъ со словами. Еще блаженный Августинъ говорилъ: «Въ наше время нѣтъ ничего легче, пріятнѣе и желаннѣе епископства, священства или діаконства, если эти должности выполнять легкомысленно, стараясь только угождать другимъ. Но въ такомъ случаѣ передъ Богомъ нѣтъ ничего болѣе жалкаго, печальнаго и достойнаго осужденія. Зато, напротивъ, въ наше время нѣтъ ничего болѣе труднаго, удручающаго и опаснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго въ очахъ Божіихъ, какъ епископство, священство или діаконство, если выполнять обязанности этого священнаго служенія по повелѣніямъ небеснаго Государя». Но большинство константинопольскаго духовенства было таково, что заслуживало осужденія. Священнослужители вели предосудительную жизнь. Они любили женское общество, были повинны въ чревоугодіи, сластолюбіи, небрежно относились къ церковнымъ дѣламъ и охотно пировали у богатыхъ и знатныхъ людей. Изнѣженные, избалованные, они не только боялись подвига, но тяготились постомъ и понимали только жизнь, полную радости. По большей части они походили на того римскаго церковника, который, по словамъ Іеронима, будучи рожденъ въ крестьянской семьѣ и вскормленъ въ деревнѣ простою кашей и просомъ, надѣвъ рясу, получилъ талантъ узнавать по вкусу поданныя къ столу рыбы и отличать колхидскаго фазана отъ египетскаго. Если не было возможности пировать дома, то діаконы и священники старались бывать чаще у богачей, которые кормили ихъ вкусными блюдами и поили ихъ дорогими винами. Всѣ эти пороки невольно вызывали за собой и другіе. «Когда законныхъ доходовъ,—говоритъ Амедей Тьерри, — недоставало для потребностей клириковъ, то обыкновенно они запускали руку въ церковное имущество, которымъ злоупотребляли другъ передъ другомъ. Церковники и даже епископы мало стѣснялись, привыкнувъ церковныя имущества считать своею собственностью. За обманнымъ пользованіемъ церковнымъ достояніемъ слѣдуютъ и другія присвоенія: оттягиваніе у семействъ ихъ наслѣдствъ и похищеніе сборовъ въ пользу бѣдныхъ».

Іоаннъ Златоустъ собралъ у себя представителей духовенства и

обратился къ нимъ съ обличеніемъ и наставленіемъ. Онъ началъ съ того, что коснулся честолюбія и непозволительной преданности удовольствіямъ міра. Пастыри должны подавать примѣръ высокой нравственности, а не жить роскошно. «Вамъ слѣдовало бы,—сказалъ Іоаннъ,—жить проще и скромнѣе. Прискорбно видѣть, какъ пресвитеры Христовы унижаются у вельможъ, какъ паразиты. Не говорите мнѣ, что вамъ нужно доставать у нихъ деньги на благотворительныя дѣла. Простота и искренность доставили бы вамъ вліяніе вдесятеро болѣе законное и вдесятеро болѣе полезное. Какъ вы можете обличать другихъ въ излишествѣ, когда вы сами предаетесь ему болѣе, чѣмъ свѣтскіе люди? Какъ вы можете обличать другихъ въ алчности, когда вы сами глубоко заражены ею? Какъ вы будете укорять другихъ въ роскоши, когда вы сами пребываете въ ней? Вы корыстолюбивы, и единственная цѣль многихъ изъ васъ заключается въ томъ, чтобы склонить на свою сторону какого-нибудь придворнаго сановника и черезъ него получить епископство. Я не хотѣлъ бы говорить о себѣ самомъ, но развѣ я не старался подавать примѣръ въ этихъ отношеніяхъ? Я не дѣлаю праздныхъ угощеній. Въ палатахъ патріарха я стараюсь жить монахомъ-отшельникомъ. Я не дѣлаю шага во дворецъ императора, если меня не зовутъ туда великія нужды Церкви и благо паствы не требуетъ моего ходатайства».

Зло было сильно. Искоренить его было невозможно. Оно отвѣтило Іоанну ненавистью, клеветой и начало борьбу. Но все же ему удалось сдѣлать не мало, очистить Церковь отъ многихъ недостойныхъ служителей. Онъ укорялъ, исправлялъ и изгонялъ тѣхъ, которые не поддавались исправленію. Все безнравственное и низкое возстало противъ него, все же лучшее среди духовенства стало на его сторону, признавъ въ немъ истиннаго пастыря и воина Божія.

Всегда уважая истинное монашество, Златоустъ рѣшилъ и его поставить на должную высоту, очистивъ отъ тѣхъ, которые только унижали его и роняли его своимъ поведеніемъ въ глазахъ міронъ. Онъ обращался къ инокамъ со слѣдующими словами: «Сильная скорбь объемлетъ мою душу, когда я вижу, что вы, которые исповѣдуете единственную божественную философію, вы, которые должны бы вести ангельскую жизнь, когда я вижу, какъ вы ходите праздно, намащенные и завитые, пресмыкаетесь въ передней богачей, нашептываете слова лести въ уши нарумяненныхъ женщинъ, выпрашиваете милостыню для сомнительныхъ цѣлей, валяетесь въ грязной тинѣ невѣжества, производите всевозможныя смуты, вмѣшиваясь въ мірскія дѣла, ежедневно нарушаете обѣты,—когда я все это вижу, то чувствую потребность воскликнуть вмѣстѣ съ Иліей: «нынѣ, о, Господи, возьми отъ меня жизнь мою!» Этихъ монаховъ, шныряющихъ по всѣмъ закоулкамъ Константинополя и

нерѣдко забавлявшихъ даже чернь за нѣсколько оболовъ, было очень не мало и они возмущали Златоуста до глубины души. Онъ старался принудить ихъ къ сидячей жизни, къ занятію ремеслами и къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей. Нѣкоторые монастыри ему пришлось совсѣмъ упразднить. Онъ много заботился и о благоустроеніи женскихъ монастырей. «Монастыри существовали и до него, но они не столько были мѣстомъ молитвы и спасенія, сколько просто убѣжищемъ для лицъ, наскучившихъ суетой мірской жизни и искавшихъ себѣ пріятнаго отдыха тамъ, безъ нарушенія связи съ миромъ. Св. Іоаннъ подвергъ монастыри коренному преобразованію. Онъ лично разспросилъ всѣхъ проживавшихъ тамъ монахинь и, когда убѣждался, что какія изъ нихъ находились тамъ не для спасенія своей души, а по примѣру своихъ свѣтскихъ подругъ продолжали болѣе помышлять «о баняхъ, благовоніяхъ и нарядахъ, чѣмъ о постѣ и молитвѣ», то онъ совѣтовалъ имъ лучше возвратиться въ міръ, такъ какъ монастыри должны быть исключительно мѣстомъ молитвы, поста и покаянія. Эта строгость привела къ тому, что монастыри дѣйствительно очистились отъ своихъ недостойныхъ членовъ и наполнились лицами, которыя искренно желали найти покой своимъ душамъ отъ окружающей мірской суеты и всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и ближнимъ. Радость св. Іоанна была тѣмъ большею, когда въ очищенныя и преобразованныя имъ обители стали поступать святыя, избранныя души. На голосъ святителя стали стекаться въ нихъ даже знатныя и богатыя вдовы, которыя посвящали и свою жизнь и все свое состояніе на служеніе немощной братіи. Чтобы имѣть болѣе возможности послужить труждающимся и обремененнымъ членамъ христіанскаго братства, эти знатныя вдовы чаще всего поступали на должность діакониссъ, на обязаности которыхъ было, кромѣ того, давать наставленія оглашаемымъ женскаго пола, приготовлять ихъ къ крещенію, руководить первыми ихъ шагами въ возрожденной жизни, а также нести различныя обязанности и служенія въ церкви преимущественно по отношенію женскаго пола и дѣтямъ. Служеніе было весьма не легкое, и тѣмъ больше чести тѣмъ благочестивымъ женщинамъ, которыя, пренебрегая всѣми трудностями, принимали на себя это служеніе и доблестно несли его до конца своей жизни».

Среди этихъ женщинъ по своей добродѣтельной жизни, по силѣ преданности Церкви отличались четыре: Сальвина, Ампрукта, Пентадія и Олимпіада. Сальвина была дочь извѣстнаго тирана Гильдона, обманувшаго императора Ѳеодосія. Сальвина воспитывалась при императорскомъ дворѣ и сдѣлалась усердной христіанкой. Овдовѣвъ вскорѣ послѣ замужества, она дала обѣтъ вѣчнаго вдовства. Сдѣлавшись діакониссой, она, какъ богатая и вліятельная женщина, явилась покровительницей восточныхъ церквей при дворѣ Аркадія.

Она глубоко уважала Златоуста и эти ея симпатіи къ патріарху повредили ей въ глазахъ двора. Пентадія была жена консула, котораго погубилъ Евтропій. Ея жизнь была въ опасности отъ происковъ Евтропія. Но за Пентадію заступился патріархъ и спасъ ее отъ злобы царедворцевъ. Благодарная женщина посвятила себя церкви, въ которой нашла убѣжище во время своихъ преслѣдованій. Еще Ѳеодосіемъ былъ изданъ законъ, дававшій церквамъ право укрывать тѣхъ, которые прибѣгали къ ихъ защитѣ.

Самой славной изъ діакониссъ была Олимпіада. Она происходила по матери отъ знаменитаго префекта Аблавія. Она очень юной вышла замужъ за одного владѣтельнаго князя при дворѣ Ѳеодосія. Вскорѣ овдовѣвши, она рѣшила остаться навсегда вдовою. Императоръ рѣшилъ однако выдать ее за своего родственника Ельпидія. Она отказала. Ѳеодосій, оскорбленный ея отказомъ, приказалъ взять въ казну ея наслѣдство и отдать ее самое подъ опеку до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ она тридцатилѣтняго возраста. Тогда Олимпіада написала слѣдующее письмо Ѳеодосію: «Благодарю тебя, августѣйшій монархъ, за то, что съ мудростью и благоволіемъ, достойнымъ благотворенія не только государя, но и епископа, ты соизволилъ возложить на себя управленіе моимъ имѣніемъ и тѣмъ облегчить мнѣ тяжесть земныхъ заботъ. Соблаговоли увѣнчать твое дѣло, раздавъ это богатство бѣднымъ и церквамъ, какъ я то намѣревалась сдѣлать. Твои уполномоченные это исполнятъ съ большимъ знаніемъ дѣла, а сверхъ того, ты избавишь меня отъ уколовъ преступнаго тщеславія, которые очень часто сопровождаютъ благотвореніе». Это письмо устыдило Ѳеодосія, онъ снялъ опеку съ Олимпіады и вернулъ ей ея имущество. Нектарій принялъ ее въ число діакониссъ и оказывалъ ей полное довѣріе. Еще большее довѣріе имѣлъ къ ней Златоустъ, узнавъ всю силу преданности этой высоко-благородной женщины, ея горячую любовь къ бѣднымъ и къ Церкви. «Не было города, или деревни, или пустыни, гдѣ бы не пользовались милостями Олимпіады. Она доставляла помощь церквамъ, монастырямъ, страннопріимнымъ домамъ, темницамъ, мѣстамъ ссылки. Не сосчитать тѣхъ невольниковъ, которымъ она даровала свободу выкупомъ у господъ». Олимпіада смотрѣла на Златоуста, какъ на отца. Она,—говоритъ Тьерри,—вносила сладостное утѣшеніе въ жизнь этого строгаго и сосредоточеннаго въ себѣ человѣка—въ жизнь, исполненную столькихъ затрудненій. Ежедневною ея заботою было смягчить строгость его характера. Она взяла всѣ хлопоты по дому, потому что Златоустъ, совсѣмъ неспособный къ низменнымъ заботамъ о себѣ самомъ и доводившій любовь къ одиночеству до высшей степени, могъ совсѣмъ разстроить здоровье, уже и безъ того потрясенное подвижнической жизнью въ предыдущіе годы. Гоненіе, воздвигнутое потомъ на этого великаго, несчастнаго человѣка, было

для Олимпіады началомъ цѣлаго ряда испытаній, которыя обнаружили всѣ сокровища ея души: діаконисса не дрогнула ни предъ изгнаніемъ, ни предъ мученическимъ застѣнкомъ.

Говоря о врагахъ Іоанна среди духовенства, нельзя забывать и его друзей среди константинопольскаго клира. Къ числу его друзей и почитателей, доказавшихъ свою преданность къ нему впослѣдствіи, принадлежали: діаконъ Гераклидъ, Проклъ, на обязанности котораго лежало докладывать епископу обо всѣхъ, желавшихъ его видѣть, аскетъ Филиппъ, правитель школъ, пресвитеръ Германъ и ученый діаконъ Филиппъ изъ Сиды и много другихъ лицъ Восточной Церкви. Къ нимъ нужно присоединить еще и діакона Кассіана, подвизавшагося въ одномъ изъ сирійскихъ монастырей. Увлеченный проповѣдью Златоуста, послушать котораго онъ прибылъ въ Константинополь, Кассіанъ сдѣлался его ученикомъ и впослѣдствіи основалъ въ Марсели знаменитую обитель св. Виктора. Въ числѣ же приближенныхъ къ Златоусту находился и діаконъ Серапіонъ, суровый египтянинъ, глубоко преданный патріарху, но очень рѣзкій, даже нѣсколько грубый и отчасти высокомѣрный.

IV.

Въ Константинополѣ Златоустъ продолжалъ съ тѣмъ же безстрашіемъ, съ той же силой краснорѣчія бичевать богачей, глухихъ къ страданію бѣдныхъ и слѣпыхъ къ общественной нуждѣ. «Проникнутый евангельскимъ милосердіемъ, Іоаннъ предавался невольнымъ порывамъ чувства, возмущеннаго общественнымъ неравенствомъ. Онъ ставилъ тщеславіе богатства на одну доску съ жестокосердіемъ и преслѣдовалъ какъ то, такъ и другое безпощадно». Палладій называетъ это погруженіемъ бритвы въ сердца богачей, дабы вырѣзать изъ нихъ нарывъ гордости. Златоустъ безпрестанно возвращался къ вопросу о богачѣ и Лазарѣ и металъ проклятія на тѣ траты, которыя расточаются на торжества во дворцахъ, театрахъ и свидѣтельствуютъ о голоданіи бѣдныхъ. Императорскій дворъ не представлялъ собою примѣра добродѣтели, какъ думали о томъ въ провинціи. Онъ скорѣе былъ источникомъ соблазна и дѣйствовалъ заразительно на все высшее общество. Сановники, чтобы поддерживать свое положеніе, прибѣгали къ хищничеству. Они ни передъ чѣмъ не останавливались, лишь бы жить роскошно. Глубоко возмущенный, Іоаннъ восклицалъ, обращаясь къ нимъ: «Для чего, скажи мнѣ, ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ лошакахъ? Лошакъ украшается снизу, золото лежитъ и на покрывалѣ его; безсловесные лошаки носятъ драгоцѣнности, имѣя золотую узду; лошаки украшаются, а бѣдный, томимый голодомъ, стоитъ при дверяхъ твоихъ, и Христосъ мучится

голодомъ. О, крайнее безуміе! какое оправданіе, какое прощеніе получишь ты, когда Христосъ стоитъ предъ дверьми твоими въ видѣ бѣднаго, а ты не трогаешься?»

Видя бѣдныхъ, *внимательныхъ* къ слову Божію, Іоаннъ говорилъ о богатыхъ, рѣдко посѣщавшихъ храмы: «Я желалъ бы знать, гдѣ теперь тѣ, что они дѣлаютъ, и какое лучшее занятіе могли избрать, нежели придти сюда, какъ пришли другіе, эти бѣдняки, стерегущіе святое мѣсто отъ полуночи до утра, не изгоняемые отсюда ни сномъ, ни нуждами? Мнѣ хорошо извѣстно, что у тѣхъ (богатыхъ) нѣтъ никакого занятія и что ихъ отсутствіе есть слѣдствіе ихъ чванства и спеси. Скажите мнѣ, прошу васъ, какое имѣете вы основаніе такъ величаться и думать, что вы очень насъ обязываете, когда приходите сюда слушать истины, необходимыя для вашего спасенія? Для чего показывать столько высокомѣрія? Не потому ли, что вы богаты, одѣты въ шелкъ? Но не должны ли вы разсудить, что эти ткани—дѣло червей, которые спряли имъ, и изобрѣтеніе варваровъ, которые ихъ соткали. Но вѣдь воры и грабители имѣютъ такія же шелковыя одежды, какъ и вы. Спуститесь съ ложной высоты, куда васъ вознесла надменность сердца, и подумайте о вашей низости, о ничтожности вашей природы. При всей вашей гордынѣ, вы только рабы грѣховъ. Вы походите на того, кто, будучи у себя дома ежедневно битъ своими слугами, величался бы, прохаживаясь по площади, тѣмъ, что имѣетъ толпу слугъ и власть надъ своими согражданами».

Неравенство состояній, составляющее основу гражданскаго общества, всегда возбуждало пылъ проповѣдника который постоянно возвращался мечтами къ первымъ христіанскимъ общинамъ, гдѣ все было общее и потому не было споровъ и того матеріальнаго различія членовъ, какое явилось потомъ въ христіанскомъ обществѣ.

Вокругъ Константинополя лежало много селеній, принадлежавшихъ богатымъ и знатнымъ лицамъ. Жители этихъ селеній были лишены всякаго религіознаго просвѣщенія, и христіане немногимъ отличались отъ язычниковъ. Богатые владѣльцы ничего не дѣлали для того, чтобы просвѣтить селянъ словомъ Евангелія, поднять ихъ нравственный уровень. И вотъ къ этимъ-то богачамъ-владѣльцамъ обращался патріархъ со своимъ словомъ. «Вы создаете,—говорилъ онъ,—бани и рынки и портите этимъ нравы. Старайтесь лучше обратить поселянъ въ христіанскую вѣру, если они еще язычники, или привести ихъ на путь добродѣтели, если они уже обращены въ христіанство. Воздвигайте церкви вмѣсто роскошныхъ бань, которыя соперничаютъ по красотѣ съ дворцами. Пусть ни у кого не будетъ помѣстья безъ церкви. Не говори, что церковь есть въ другомъ сосѣднемъ пригородѣ,—ей нужно быть въ твоемъ собственномъ имѣніи. Обезпечь ее необходимой суммой для содержанія причта,

дай приданое этой церкви, какъ даешь его твоей дочери, и церковь будетъ поистинѣ твоей дочерью. Если бы императоръ просилъ тебя построить эму домъ для его помѣщенія, ты бы повиновался его требованію. Не поступай иначе по отношенію къ Богу».

Подобныя требованія не нравились богачамъ. Обличенія же богатыхъ женщинъ вызвали цѣлую бурю противъ патріарха, и въ то время, какъ въ Константинополѣ у Іоанна были женщины-друзья (Олимпіада и другія), у него явились и женщины-враги, среди которыхъ, по испорчености своей натуры и по безнравственной жизни, выдавались Марса, Кастриція и Евграфія. Всѣ онѣ, уже немолодыя лѣтами, любили наряжаться и прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы поддержать въ себѣ утраченную красоту. Такъ, Евграфія являлась въ церковь набѣленной, нарумяненной, съ раскрашенными бровями, съ глазами, подведенными сурьмою. Іоаннъ не выносилъ этого и прямо обличалъ ихъ въ храмѣ. Онъ угрожалъ имъ отлученіемъ, если онѣ не раздадутъ денегъ бѣднымъ, а будутъ тратить ихъ на свое обезображеніе. «Предупреждаю васъ,—говорилъ онъ,—что если вы не исправитесь, я изгоню васъ отсюда и, если услышу, что, изгнанныя изъ моей церкви, вы найдете убѣжище у еретиковъ, я отступлюсь отъ васъ». Слѣдуя наставленію апостола Павла, разсказываетъ Палладій, «Златоустъ входилъ въ частныя жилища учить женщинъ честной жизни», и здѣсь онъ былъ такъ же суровъ и строгъ ко грѣху. Эти обличенія возстановили противъ Іоанна многихъ знатныхъ дамъ, прибѣгавшихъ къ всевозможнымъ косметикамъ для поддержанія увядающей красоты. Въ домахъ Евграфіи и другихъ подобныхъ ей женщинъ, ненавидящихъ Іоанна, собирались всѣ его враги. Здѣсь составлялись всевозможныя клеветы на него. Евграфія съ удовольствіемъ привлекала къ себѣ всѣхъ мірянъ и духовенство, недовольныхъ архіепископомъ. «Всякій недовольный клирикъ,—говоритъ Тьерри,—всякій отрѣшенный отъ должности священникъ или діаконъ, совершившій непростительные поступки, всякая отставленная діаконисса, сейчасъ же прибѣгали къ Евграфіи, чтобы умножить своими сплетнями весь этотъ складъ клеветъ и злословій». Этотъ недостойный союзъ низкихъ мужчинъ и безнравственныхъ женщинъ сдѣлался опаснымъ для Іоанна, когда противъ него вооружилась и сама императрица.

Но если проповѣди возбудили такую бурю среди богатыхъ, то эти же пламенныя рѣчи привлекли къ архіепископу бѣдное населеніе столицы. Онъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ бѣдныхъ, которые толпой сопровождали его, какъ отца и друга. Эти бѣдняки являлись его охраною и не разъ во время опасности сторожили его двери, спасая его отъ смерти. Златоустъ платилъ имъ такою же любовью и говорилъ имъ растроганнымъ голосомъ: «Я люблю васъ такъ же, какъ и вы меня. Вы замѣняете мнѣ отца, мать, братьевъ,

дѣтей, вы для меня все на свѣтѣ. Нѣтъ у меня ни радости, ни печали, которыя бы не были вашими, и, когда одинъ изъ васъ погибаетъ, погибаю и я».

V.

Аріанство еще имѣло силу въ Константинополѣ, хотя и не было уже такъ могущественно, какъ ранѣе до Григорія Богослова и въ первое время его епископства. Оно было даже стѣснено закономъ Ѳеодосія, который запретилъ аріанамъ имѣть церкви въ чертѣ города. При Нектаріи, благодаря его слабости, аріанство нѣсколько усилилось. Аріане въ видѣ протеста начали совершать крестные ходы за городъ, распѣвая при этомъ громко возмутительные гимны, въ которыхъ осмѣивали православіе. Эти гнусныя выходки возбудили въ Іоаннѣ справедливый гнѣвъ, потому что онъ никогда не прибѣгалъ къ насилію и, не желая порождать волненія, относился къ аріанамъ всегда мягко. Онъ и теперь не прибѣгъ къ государственной силѣ, а сталъ бороться «мирнымъ оружіемъ». Такъ какъ изъ любопытства въ аріанскихъ процессіяхъ принимали участіе и православные, то Златоустъ сталъ устраивать такія же процессіи и для своей паствы. Императрица, еще не разорвавшая окончательно добрыхъ сношеній съ патріархомъ и желавшая казаться благочестивой, подарила нѣсколько серебряныхъ крестовъ для ношенія въ процессіяхъ и сама приняла участіе въ ночныхъ крестныхъ ходахъ. Эти послѣдніе повели однако къ безпорядкамъ. «Встрѣтившись между собою, православная и аріанская процессіи не могли не возбуждать взаимнаго раздраженія; аріане дерзко бросали въ православныхъ камнями, такъ что въ одномъ смятеніи было ранено много народу съ той и съ другой стороны, и императорскому царедворцу Брисону была пробита голова камнемъ. Это печальное обстоятельство вынудило правительство запретить подобныя процессіи по улицамъ». Іоаннъ Златоустъ, придававшій большое значеніе ночнымъ молитвамъ, которыя были распространены у христіанъ въ первые вѣка, продолжалъ устраивать ночныя богослужебныя собранія въ храмахъ. По поводу ночныхъ молитвъ онъ говорилъ между прочимъ: «Ночь создана не для того только, чтобы ее проводить во снѣ и покоѣ. Церковь Божія встаетъ въ полночь. Вставай и ты, и созерцай хоръ звѣздъ, это глубокое безмолвіе, эту безграничную тишину. Преклонись предъ твоимъ Господомъ. Повѣрь мнѣ, не столько огонь обыкновенно очищаетъ ржавчину, сколько ночная молитва очищаетъ ржавчину грѣховъ нашихъ. Устыдимся по крайней мѣрѣ ночныхъ стражей, если не стыдимся кого другого. Они въ исполненіе человѣческаго закона съ громкимъ крикомъ ходятъ по ночамъ во время стужи и ходятъ по улицамъ часто обмокшіе и иззябшіе; ходятъ для тебя, для твоей безопасности и

для сохраненія твоихъ денегъ. Стражъ о твоихъ деньгахъ такъ печется, а ты не печешься о своей душѣ. Я не принуждаю тебя ходить на открытомъ воздухѣ, какъ онъ, ни кричать громко, ни надрываться; но дома, въ самой спальнѣ, преклони колѣни и призови Владыку своего. Для чего самъ Христосъ проводилъ ночи на горѣ? Не для того ли, чтобы быть намъ примѣромъ? Тогда, т.-е. ночью, оживаютъ растенія; тогда и душа, болѣе чѣмъ они, принимаетъ росу благодати. Что днемъ опалено солнцемъ, то ночью прохлаждается. Болѣе всякой росы ночныя слезы погашаютъ запальчивость и разгоряченіе и не допускаютъ до порочныхъ страстей. Если же душа не получитъ сей росы, то днемъ она будетъ опалена. Да не будетъ кто-либо изъ насъ опаленъ симъ огнемъ. Но да прохладитъ и усладитъ насъ Богъ человѣколюбіемъ своимъ, дабы всѣ мы освободились отъ тяжести грѣховъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа».

Златоустъ любилъ духовное пѣніе и придавалъ ему высокое религіозно-нравственное значеніе. Чтобы утвердить въ народѣ усердіе къ духовному пѣнію, онъ ввелъ пѣніе священныхъ пѣсней въ домахъ, въ мастерскихъ, во время работъ на поляхъ. «Ничто,—говорилъ онъ,—не возбуждаетъ такъ и не окрыляетъ душу, ничто не располагаетъ такъ къ любомудрію и не возвышаетъ надъ житейскимъ, какъ гармоническій стихъ и священная пѣснь, сложенная по закону ритма. Наша природа такъ услаждается пѣснопѣніемъ, что и грудныя безпокойныя дѣти засыпаютъ подъ пѣніе. Путешественники, въ жаркій полдень ѣдущіе, пѣніемъ облегчаютъ тяжесть своего путешествія. Поютъ земледѣльцы, мореходцы, женщины, занятыя своими домашними работами. Всѣ эти люди поютъ для того, чтобы усладить труды свои, потому что душа при звукахъ пѣсни легче выноситъ скуку и труды. Если такъ полезны пѣсни обыкновенныя, то тѣмъ болѣе псалмы, доставляющіе удовольствіе и пользу. Эти псалмы—источникъ освященія, потому что Св. Духъ нисходитъ въ души поющихъ».

Старанія Златоуста не остались безплодными. Народъ полюбилъ духовное пѣніе, ночныя бдѣнія. Всего болѣе противъ ночныхъ бдѣній возставало само духовенство, которому было лѣнь оставлять теплыя постели и отправляться ночью въ храмъ. Заботы Златоуста о немощной паствѣ сказались и здѣсь. Видя, что для многихъ трудно выносить продолжительность литургіи, онъ сократилъ ее, составивъ свою, которая извѣстна подъ именемъ «литургіи Іоанна Златоуста». Но надо замѣтить, что литургія, которая теперь извѣстна подъ именемъ златоустовской, хотя въ главныхъ своихъ частяхъ и сходна съ той, которая совершалась при Іоаннѣ, однако въ нее впослѣдствіи вошли нѣкоторыя дополненія. Такъ, пѣснь «Единородный Сыне» введена во время Юстиніана; пѣснь «Святый Боже»

вошла въ составъ богослуженія при св. Проклѣ; «Херувимская» составлена при императорѣ Юстинѣ младшемъ; «Символъ вѣры» введенъ въ литургію только патріархомъ Тимоѳеемъ въ 510 году; хвалебная пѣснь Богородицѣ «Честнѣйшую Херувимъ» заимствована уже послѣ Іоанна изъ четверопѣснца св. Косьмы на Великій пятокъ; въ концѣ литургіи пѣснь «Да исполнятся уста наша хваленія» введена при патріархѣ Сергіи въ 620 году.

Борьба съ аріанствомъ не мѣшала Іоанну заботиться о просвѣщеніи язычниковъ. Дѣйствуя словомъ на язычниковъ столицы, посылая миссіи для просвѣтительной цѣли въ Финикію, Іоаннъ Златоустъ заботился и о возрожденіи евангельскимъ свѣтомъ скиѳовъ, которые жили на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европы, въ предѣлахъ теперешней Россіи. Дикіе кочевники, стоявшіе на самой низкой степени развитія, не были заражены многими изъ тѣхъ пороковъ, которые уже свили гнѣздо въ просвѣщенныхъ народахъ. Они были варвары, но Златоустъ понималъ чистоту этихъ дѣтей природы и хотѣлъ ихъ пріобщить къ стаду Христову, тѣмъ болѣе, что въ нихъ проявлялось желаніе узнать ученіе Воскресшаго. Медлить было нельзя, потому что ихъ могли уловить въ свои сѣти аріане-готы. И вотъ Златоустъ послалъ къ скиѳамъ миссію для проповѣдыванія Евангелія. Къ великой радости патріарха, миссія имѣла блестящій успѣхъ; благодаря Златоусту, воздвиглись алтари истинному Богу въ варварской странѣ. «Суровые воины, почти не сходившіе съ коней, преклонились предъ крестомъ распятаго Христа».

Въ Константинополѣ было много готовъ, призванныхъ на службу имперіи. Одни изъ нихъ были аріане, другіе язычники. Златоустъ ревностно просвѣщалъ ихъ, и ему удалось многихъ обратить въ христіанство, которое они приняли въ истинной формѣ его—православіи. Готы не знали греческаго языка, и Златоустъ посвящалъ для нихъ въ священники и чтецы готовъ. При поставленіи одного священника изъ готовъ, окруженнаго соотечественниками-чтецами, Златоустъ воскликнулъ: «Я хотѣлъ бы, чтобы эллины присутствовали здѣсь и видѣли, что тутъ происходитъ. Не даромъ былъ распятъ Христосъ! Сила креста торжествуетъ надъ демонами! Философскіе догматы разсѣеваются. Гдѣ теперь доктрины Платона и Пиѳагора? Все остановлено. А гдѣ доктрины рыбаковъ и дѣлателей палатокъ? Онѣ блестятъ сильнѣе, нежели свѣтъ дня, не только въ Іудеѣ, но и среди варварскихъ племенъ».

VI.

Раньше уже было сказано о законѣ Ѳеодосія, по которому церкви имѣли право давать убѣжище для преслѣдуемыхъ. Ѳеодосій прямо заявилъ, что находятся въ полной безопасности всѣ, скрыв-

щіеся въ храмѣ или даже въ зданіяхъ, принадлежащихъ храму. И Церковь никогда не отказывала въ убѣжищѣ своимъ чадамъ, принимая ихъ раскаяніе. Но этотъ законъ не нравился многимъ и болѣе всего Евтропію, временщику при дворѣ Аркадія. Императоръ издалъ указъ, которымъ отмѣнялся законъ, данный Ѳеодосіемъ. Іоаннъ былъ противъ отмѣны и продолжалъ признавать за Церковью право убѣжища. Онъ это и показалъ на томъ же Евтропіи, который, отмѣняя непріятный ему законъ, не думалъ, что дѣйствуетъ противъ самого себя.

Властолюбивый временщикъ такъ много возмнилъ о своей власти, что началъ дерзко обращаться съ Евдоксіей. Императрица много терпѣла отъ него, но однажды, сильно оскорбленная имъ, бросилась къ императору, захвативъ съ собою обѣихъ дочерей. Упавъ предъ императоромъ на колѣни, она воскликнула: «Твоя ли я жена, или нѣтъ? Императрица я, или раба? Твои ли это дѣти, и неужели ихъ мать для тебя ничего не значитъ?»—Въ чемъ дѣло?—спросилъ императоръ. «Меня оскорбилъ Евтропій,—сказала Евдоксія:—онъ угрожаетъ низвергнуть меня, когда только захочетъ этого. Скажи, кто же императоръ: ты или онъ?»

Разгнѣванный Аркадій, уже давно тяготившійся подчиненностью Евтропію, немедленно приказалъ арестовать его. Для Евтропія не было нигдѣ спасенія, кромѣ Церкви, у которой онъ уговорилъ императора отнять священное право милосердія. Но теперь, несмотря на все это, онъ кинулся тайнымъ ходомъ изъ дворца въ храмъ св. Софіи, прошелъ въ алтарь и тамъ упалъ у подножія престола, ухватившись руками за одну изъ колоннъ. Алтарь огласился его рыданіями.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ немедленно явился въ храмъ въ сопровожденіи священниковъ и діяконовъ. Евтропій, еще издали увидѣвъ патріарха, затрясся всѣмъ своимъ существомъ; скрывая лицо подъ престоломъ, онъ плакалъ и рвалъ на себѣ волосы, и сначала былъ такъ потрясенъ, что не въ состояніи былъ высказать ни слова. Затѣмъ онъ немного приподнялся, но продолжалъ скрывать лицо въ своей одеждѣ, которая намокла отъ слезъ и запачкана была грязью.

— Судьба безжалостна,—сказалъ Іоаннъ, обращаясь къ Евтропію.—Молись Христу, да поможетъ Онъ тебѣ. Тотъ, Кто распростеръ свои руки на крестѣ, имѣетъ достаточно сострадательное сердце, чтобы обнять всякое горе и простить глубочайшую преступность, если грѣшникъ раскается.

Отдернувъ занавѣсъ, Іоаннъ вышелъ къ народу. Солдаты закричали:—Отдай евнуха, онъ здѣсь!

При такихъ событіяхъ Іоаннъ всегда оказывался на высотѣ свойственнаго его сану величія и непреклоннаго великодушія. Па-

тріархъ, смотря на эти сверкающіе глаза и раскраснѣвшіяся отъ ярости лица, былъ совершенно спокоенъ, какъ будто разговаривалъ въ своемъ кабинетѣ. Хотя внѣшность Іоанна не отличалась величественностью, но онъ духомъ стоялъ на высотѣ своей задачи.

— Тише вы, солдаты, и тише вы, народъ,—сказалъ Іоаннъ.— Молчите!

Изумленные безбоязненностью патріарха, солдаты и толпа смолкли.

Іоаннъ продолжалъ:

— Евтропій отдался подъ покровительство Церкви. Онъ здѣсь неприкосновененъ.

— Ты долженъ отдать его,—закричали опять солдаты,—а то мы сами возьмемъ его!

Іоаннъ поднялъ руку и, какъ бы преграждая движеніе, воскликнулъ:

— Не смѣть! Прочь отсюда!

Солдаты сослались на указъ императора: онъ велѣлъ взять Евтропія.

Но Іоаннъ величаво отвѣтилъ на это:

— Приказъ императора не имѣетъ значенія въ святилищѣ Божіемъ. Здѣсь власть только одного Его—Всевышняго. Мы Его служители и знаемъ Его повелѣнія.

Одинъ изъ солдатъ выдвинулся впередъ и обнажилъ мечъ.

— Какъ!—воскликнулъ Іоаннъ,—ты дерзаешь нарушить святилище своего Спасителя? Опомнись!

— Отдай евнуха!

— Ни за что. Вы войдете въ алтарь только черезъ мой трупъ и черезъ трупы моихъ пресвитеровъ.

Воины нѣсколько смирились. Тогда Іоаннъ отправился самъ во дворецъ, взявъ слово съ начальника солдатъ защищать святыню отъ мятежниковъ.

Аркадій смутился при видѣ патріарха.—«Но онъ виновенъ,— проговорилъ императоръ,—онъ заслуживаетъ кары». Іоаннъ согласился съ тѣмъ, что Евтропій дѣйствительно злоупотреблялъ своей властью.—Но дѣло не въ томъ,—сказалъ патріархъ,—а въ правахъ Церкви, въ правахъ Христа.

Аркадій уступилъ, и святилище церкви не было оскорблено; храмъ не явился свидѣтелемъ насилія.

На другой день въ храмъ собралось множество народа. Прибылъ и самъ императоръ съ Евдоксіей. Выйдя на каѳедру для проповѣди, Іоаннъ велѣлъ отдернуть завѣсу алтаря, и тамъ «предъ глазами всѣхъ присутствующихъ предсталъ человѣкъ, который въ одинъ день низвергся съ вершины человѣческаго величія въ глубочайшую бездну человѣческой бѣдственности. Евтропій опять ле-

жалъ у подножія престола, представляя собой въ высшей степени жалкое зрѣлище: онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ и конвульсивно держался за одну изъ золотыхъ колоннъ. Если бы онъ хоть на моментъ поднялъ свое несчастное лицо, то увидѣлъ бы предъ собой огромную массу народа, среди которой было воины, составлявшіе часть его конвоя, а также рабы, для которыхъ одинъ его намекъ былъ закономъ; гражданъ, которые по цѣлымъ часамъ восторженно привѣтствовали его въ общественныхъ мѣстахъ; а выше, въ золоченой галлереѣ, онъ увидалъ бы императрицу, которую онъ возвелъ изъ ничтожества, и императора, съ которымъ онъ обращался какъ съ ручнымъ животнымъ. Но онъ ничего этого не видѣлъ и отъ ужаса поникъ головою. Зато въ ушахъ его, какъ набатъ смятенной совѣсти, раздавался голосъ великаго проповѣдника, который говорилъ: «Суета суетъ и все суета. Всегда истинно это изреченіе, еще болѣе теперь. Гдѣ теперь блескъ, гдѣ убранства, гдѣ раболѣпные крики города? Все прошло, буря ринулась на дерево, вырвала его съ корнемъ и повергла на землю. Гдѣ ложные друзья? Столы, уставленные яствами, чаши, наполненныя винами? Все изчезло, какъ сонъ. Запишите же на вашихъ стѣнахъ, на вашихъ одеждахъ, на окнахъ домовъ вашихъ, въ совѣсти вашей запишите и повторяйте это: суета суетъ и все суета». И, обратившись къ Евтропію, Іоаннъ продолжалъ: «Развѣ я не говорилъ тебѣ, что богатство улетаетъ, а ты не хотѣлъ слушать меня? Развѣ не говорилъ, что слава—дымъ, какъ и увѣренія фальшивыхъ друзей? Я сдѣлался твоимъ врагомъ, потому что говорилъ тебѣ правду, но я былъ болѣе твоимъ вѣрнымъ другомъ, чѣмъ тѣ, кто тебѣ льстили. Они ушли къ твоимъ врагамъ, а я одинъ поддерживаю тебя. Ты оскорбилъ Церковь, а Церковь открыла тебѣ свои объятія». И, снова обратившись къ народу, онъ продолжалъ: «Не думайте, что я хочу оскорбить павшаго человѣка. Я нахожусь здѣсь не для того, чтобы усиливать страданія раненаго, но чтобы сохранить здоровье тѣмъ, которые еще не ранены. Я здѣсь не для того, чтобы погружать въ волны потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, но чтобы указать подводные камни тѣмъ, паруса которыхъ надуты благопріятнымъ вѣтромъ и корабль которыхъ разсѣкаетъ волнующееся море. Я знаю, что среди васъ найдутся и такіе, которые укорять меня за то, что я защищаю Евтропія. Онъ нападалъ на Церковь и въ ней нашелъ убѣжище. Не должны ли мы благодарить Бога, за то, что врагъ Церкви призналъ ея милосердіе, ея силу? Посмотрите на святой престолъ: онъ украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, но богатѣйшее его украшеніе не золото и не камни, а этотъ несчастный бѣглецъ, который припалъ къ подножію престола. Не ропщите, что человѣкъ, отнявшій право убѣжища у Церкви, воспользовался самъ этимъ убѣжищемъ. Съ Церковью бываетъ то

же, что и съ монархомъ, который не тогда бываетъ величайшимъ, когда онъ возсѣдаетъ въ порфирѣ на своемъ тронѣ, съ діадемой величества на челѣ, а тогда, когда варвары со связанными назадъ руками лежатъ побѣжденные у его ногъ. Приступите же и совершимъ теперь святое таинство; затѣмъ вмѣстѣ обратимся къ императору и попросимъ его милосердія и прощенія Евтропію. Повергнемъ къ его стопамъ золотые колосья жатвы нашего состраданія».

Евтропій былъ сосланъ, избѣжавши смерти, благодаря заступничеству Іоанна. Здѣсь во всемъ блескѣ сказалось духовное величіе патріарха, какъ представителя Христовой Церкви.

VII.

Вскорѣ послѣ паденія Евтропія произошло возстаніе Гайны, гота, командовавшаго римской конницей и пѣхотой. Посланный для усмиренія Трибигильда, своего родственника, который поднялъ возмущеніе во Фригіи, Гайна соединился съ Трибигильдомъ и началъ угрожать имперіи и Константинополю. Не имѣя достаточно военныхъ силъ для отраженія мятежниковъ, Аркадій вступилъ съ Гайной въ переговоры, соглашаясь на уступки. Гайна заявилъ, что онъ не хочетъ вступать въ переговоры, если къ нему не будутъ посланы три сановника имперіи: князь Іоаннъ, Сатуринъ и Авреліанъ. Аркадій вынужденъ былъ согласиться на это требованіе. Но Гайна не удовольствовался этимъ, а требовалъ, чтобы самъ Аркадій явился для личныхъ переговоровъ. Какъ ни было оскорбительно такое требованіе для чести римскаго императора, но сынъ великаго Ѳеодосія, уступая необходимости, нашелъ себя вынужденнымъ вести переговоры съ возмутившимся военачальникомъ. Мѣстомъ для свиданія назначенъ былъ Халкидонъ, куда прибыли Гайна и Аркадій. Вошедши въ церковь, гдѣ почиваютъ мощи св. мученицы Евѳиміи, оба—царь и варваръ—дали другъ другу клятву, что не будутъ злоумышлять одинъ противъ другого. Вслѣдствіе сего договора Гайна, получивъ отъ царя власть управлять конницей и пѣхотой, снова могъ безопасно входить въ Константинополь.

Но Гайна, почувствовавъ свою силу, предъявилъ новое требованіе. Онъ пожелалъ, чтобы аріанамъ была предоставлена одна церковь въ самой столицѣ.

Онъ сказалъ императору:

— Неприлично для меня, главнаго вождя, ходить молиться за городъ украдкой.

Императоръ не зналъ, что отвѣтить Гайнѣ. Онъ боялся отказать готу и не рѣшался сдѣлать шага противъ православной церкви. Подумавъ, онъ сказалъ:

— Я въ этомъ не властенъ. Это дѣло патріарха, поговори съ нимъ.

Гайна согласился. Въ назначенный день Гайна явился во дворецъ, куда прибылъ и Златоустъ со своими епископами. Гайна повторилъ свое требованіе и сказалъ въ заключеніе своихъ словъ: «Несправедливо, что мнѣ отказываютъ въ церкви. Вѣдь нужно же мнѣ имѣть молитвенный домъ». Іоаннъ замѣтилъ ему на это, что всѣ церкви города открыты для него.

— Но я не принадлежу къ православнымъ,—сказалъ Гайна.— И, кажется, мое требованіе справедливо, потому что я очень много сдѣлалъ для имперіи.

— Правда твоя,—отвѣтилъ Іоаннъ,—но зато ты возвеличенъ и вознагражденъ. Вспомни, ты пришелъ бѣднымъ, а теперь носишь роскошныя одежды.

Гайна намекнулъ, что онъ можетъ силою добиться своего желанія.

— Тогда ты будешь измѣнникомъ,—сказалъ Іоаннъ,—а такъ государь не можетъ исполнить твоего требованія.

И, обратясь къ Аркадію, Златоустъ добавилъ:

— Государь! Лучше потерять царскую власть, чѣмъ оказаться невѣрнымъ предъ Богомъ, который искупилъ тебя своею кровью. Отдать православный храмъ аріанамъ, не признающимъ божества Христа, значить оскорбить Его. Ты этого не сдѣлаешь, государь.

Аркадій, поддерживаемый патріархомъ, ободрился и отвѣтилъ готу:

— Ты видишь, что здѣсь не моя власть.

Гайна покорился, хотя и ушелъ изъ дворца разсерженный. Но покорность его продолжалась недолго. Онъ снова возсталъ, началъ производить грабежи и угрожать Константинополю. Аркадій упалъ духомъ и не зналъ, что предпринять. Никто не хотѣлъ отправляться къ Гайнѣ для переговоровъ. И вотъ снова выступилъ Златоустъ, добровольно пожелавшій отправиться въ лагерь мятежниковъ. Всѣ опасались за жизнь патріарха, но мощь духовная оказалась сильнѣе мощи военной. Гайна, несмотря на то, что былъ аріанинъ, не могъ не признавать нравственныхъ достоинствъ патріарха: безстрашіе, искренность этого послѣдняго вызывали въ душѣ гота благоговѣйныя чувства. Гайна презиралъ этихъ сановниковъ, продажныхъ, испорченныхъ, трусливыхъ и раболѣпныхъ, но уважалъ пророка Божьяго, смѣлаго воина за вѣру. Когда Гайнѣ доложили о приходѣ патріарха, то онъ пошелъ къ нему навстрѣчу и, подойдя, взялъ патріарха за руку и приложилъ ее къ своимъ глазамъ въ знакъ смиренія. Потомъ онъ позвалъ своихъ сыновей и попросилъ патріарха благословить ихъ, стоявшихъ передъ нимъ на колѣняхъ. Уважая Іоанна, Гайна смирился и не причинилъ вреда столицѣ. Вскорѣ онъ погибъ, преслѣдуемый войсками.

VIII.

Въ азіатскихъ епархіяхъ царилъ полный безпорядокъ. Въ церкви эфесской, «возлюбленной дочери ап. Іоанна», была распространена симонія. «Все тамъ продавалось и покупалось: епископство, священство, діаконство, и дары св. Духа были обложены пошлиной, смотря по тому, что ими приносилось. Равная испорченность царила и въ паствѣ и въ пастыряхъ. Необходимость избираемому на епископскій престолъ кандидату покупать голоса избирателей порождала со стороны избраннаго епископа новую необходимость— продавать духовныя должности подъ опасеніемъ быть разореннымъ».

Когда умеръ Антонинъ эфесскій, запятнанный множествомъ преступленій въ области симоніи и хищничества, то дѣла епархіи оказались въ полномъ разстройствѣ. Образовались партіи, и каждая хотѣла, чтобы ея избранникъ занялъ каѳедру Антонина. Шли подкупы. Клиръ боялся, что новый епископъ окончательно растратитъ церковныя имущества. И вотъ въ это трудное время духовенство эфесской церкви обратилось къ Златоусту, слава о которомъ, какъ объ истинномъ пастырѣ и неустрашимомъ борцѣ за вѣру, распространилась по всему православному міру. Эфесскій клиръ писалъ Іоанну: «Святѣйшій отецъ! Много лѣтъ управляютъ нами вопреки всякимъ постановленіямъ и всякому праву: просимъ тебя пожаловать сюда, дабы эфесская церковь черезъ твое содѣйствіе обрѣла устройство болѣе достойное Господа. Бѣдствіе наше не имѣетъ себѣ равнаго. Съ одной стороны, аріане, съ другой—корыстолюбіе, честолюбіе ложныхъ православныхъ разрываютъ насъ безнаказанно. Въ то самое время, какъ мы пишемъ тебѣ, щедро даются деньги, и стая волковъ бросается на нашъ епископскій престолъ, какъ на свою добычу».

Стояли суровые холода. Златоустъ былъ боленъ. Но, узнавъ объ опасности, которая угрожаетъ вѣрѣ и Церкви Христовой, онъ не колебался ни минуты и тотчасъ же отправился въ Эфессъ, передавъ на время управленіе константинопольской епархіей своему земляку Северіану. Северіанъ раньше управлялъ церковью въ городѣ Гавалахъ. Оттуда онъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ былъ обласканъ Златоустомъ и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ своими проповѣдями, въ которыхъ угождалъ высшимъ чинамъ и двору. Онъ понравился Евдоксіи: ей были не по вкусу суровыя обличенія Златоуста, и нравились сладкія угодливыя проповѣди Северіана. Въ отсутствіе патріарха Северіанъ еще болѣе сблизился съ дворомъ, вошелъ окончательно въ милость императрицы и началъ дѣйствовать противъ Іоанна, увлекаемый честолюбивыми мечтами, надежду на исполненіе которыхъ въ немъ поддерживала сама Евдоксія. Она уже охладѣла къ Іоанну, даже болѣе—относилась къ нему враждебно. Для этого

было много причинъ. Суровое обличеніе богатыхъ, любящихъ роскошь, конечно, касалось и самой императрицы, потому что она первая подавала всѣмъ примѣръ роскошной жизни. Затѣмъ, заступничество за Евтропія также вооружило Евдоксію противъ патріарха, въ которомъ она думала видѣть союзника въ борьбѣ противъ евнуха. Овладѣвъ волею императора, Евдоксія начала вооружать мужа противъ Іоанна, который еще болѣе задѣлъ ее своею проповѣдью о виноградникѣ Навуѳея. Жадная до золота, завистливая и ненасытная по натурѣ, Евдоксія пользовалась широко своею властью и притѣсняла беззащитныхъ подъ видомъ государственной конфискаціи. Такъ, она отобрала у бѣдной вдовы виноградникъ, славившійся своимъ виноградомъ. Проповѣдь Златоуста какъ разъ совпала съ этимъ возмутительнымъ насиліемъ императрицы надъ бѣдною женщиной. Приближенныя—быть-можетъ, та же Марса и ея подруги—донесли Евдоксіи, что Златоустъ подъ Іезавеліею имѣлъ въ виду именно ее. Нѣтъ ничего удивительнаго, что патріархъ, знавшій дѣла Евдоксіи, выступилъ обличителемъ корыстолюбивой царицы. Онъ дѣлалъ только то, что дѣлали и многіе святые мужи. Такъ, Исаія, какъ извѣстно изъ Св. Писанія, укорялъ Ахаза; Іеремія противодѣйствовалъ Іоакиму и Седекіи; Даніилъ мужественно выступилъ противъ гнѣва Валтасара и Дарія; Іоаннъ Креститель обличалъ Ирода; св. Аѳанасій Великій мужественно возставалъ противъ Константина; Василій Великій противодѣйствовалъ Юліану и Валенту; Амвросій Великій доблестно боролся противъ самовластія императрицы Іустины.

Евдоксія не разъ жаловалась императору на Іоанна за его обличенія и посылала своихъ приближенныхъ къ Іоанну для выраженія неудовольствія. Златоустъ отвѣчалъ посланнымъ императрицы: «Не могу не слышать голоса обиженныхъ и плачущихъ; не могу не обличать согрѣшившихъ: я—епископъ, и мнѣ вручено попеченіе о душахъ. Поэтому я долженъ неусыпнымъ окомъ на все смотрѣть, принимая отъ всѣхъ прошенія, всѣхъ наставлять и некающихся укорять, ибо я знаю, какъ опасно не обличать беззаконія. Если умолчу о беззаконіи и неправдѣ, то заслужу обвиненіе пророка: *священники утаили путь Господень* (Осія VI, 9). И апостолъ учитъ насъ: *проповѣдуй слово, наставляй временно и безвременно, обличай, угрожай, увѣщавай* (2 къ Тим. IV, 2). Я обличаю беззаконія, но не творящихъ беззаконіе; не называю никого, но учу всѣхъ не дѣлать зла, не обижать ближняго. Если же кого изъ слушателей моихъ совѣсть обличаетъ въ неправедномъ дѣлѣ, то ему не на меня, а на себя самого слѣдуетъ негодовать; слѣдуетъ ему и стараться исправить жизнь свою. Если царица не знаетъ зла за собой, то ей не за что сердиться; она скорѣе должна радоваться, что я усердно наставляю на добро подданныхъ ея. Я не перестану

говорить правду, потому что я долженъ болѣе угождать Богу, нежели человѣку».

Евдоксія возненавидѣла Іоанна и начала покровительствовать Северіану, имѣя въ виду погубить патріарха. Приведя въ порядокъ дѣла азіатскихъ церквей, низложивъ недостойныхъ епископовъ и поставивъ на мѣсто ихъ другихъ, Іоаннъ вернулся въ Константинополь, куда уже его давно вызывалъ діаконъ Серапіонъ, сообщавшій о козняхъ Северіана.

Вернувшагося патріарха народъ встрѣтилъ шумными оваціями. На набережной и сосѣднихъ улицахъ собралась народная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Воздухъ потрясался отъ радостныхъ криковъ. «Іоаннъ двигался къ епископскому дому въ сопровожденіи этихъ преданныхъ ему массъ или, лучше сказать, увлекаемый на ихъ рукахъ. Прибывъ къ воротамъ своего дома, онъ отпустилъ ихъ вслѣдствіе сильнаго утомленія, отложивъ до слѣдующаго дня благодарственную рѣчь, съ которой намѣревался къ нимъ обратиться, и назначилъ имъ собраться въ своей церкви». На другой день, конечно, она была полна. Златоустъ произнесъ рѣчь. До насъ дошла эта рѣчь, горячая и умилительная, которая дышитъ радостью архипастыря, вновь свидѣвшагося со своею церковью, вновь возвратившагося въ отчизну своего сердца, снова обрѣтшаго по возвращеніи свое вѣрное стадо такимъ, какимъ онъ оставилъ его при отъѣздѣ. Но не скрывая ничего, далекій отъ мысли набрасывать покровъ на то, что произошло въ его отсутствіе, на черныя измѣны лицъ, которыхъ онъ не называетъ, онъ затѣмъ благодаритъ этотъ народъ, который отвергъ ихъ преступные отзывы. «Благодарю васъ,—сказалъ онъ толпѣ, осаждавшей каѳедру,—благодарю за вѣрность, несмотря ни на что оказанную вами, вопреки всѣмъ соблазнамъ, которыми васъ окружали. Вы были непорочною женой, которая глуха ко всѣмъ преступнымъ предложеніямъ во время отсутствія своего супруга; вы были бдительнымъ псомъ, который хранитъ стадо въ отсутствіе пастыря; вы были мореходцами, которые оберегали ходъ судна, покинутаго кормчимъ; воинами, которые потерявъ, полководца, не дали побѣдить себя».

Спустя нѣсколько дней Златоустъ, говоря другую проповѣдь, воскликнулъ: «Позовите ко мнѣ этихъ жрецовъ несчастія, которые ѣдятъ за трапезой Іезавели, чтобы я сказалъ имъ, какъ нѣкогда Илія: доколѣ будете хромать на обѣ ноги? Если Ваалъ богъ, послѣдуйте за нимъ; если трапеза Іезавели — также богъ, объѣдайтесь ею до тошноты». Эти слова произвели сильное волненіе во дворцѣ.

Северіанъ не смутился отъ рѣчей патріарха и не раскаялся въ своихъ поступкахъ. Онъ продолжалъ держаться надменно и, желая оскорбить діакона Серапіона, сгоряча высказалъ мнѣніе, которое

было кощунственно, потому что оскорбляло религію. Златоустъ запретилъ Северіану входъ во всѣ церкви. Народъ, не любившій Северіана и возмущенный его дерзкимъ отношеніемъ къ патріарху, выказалъ вдругъ такую враждебность къ надменному епископу, что тотъ счелъ за лучшее скорѣй оставить столицу. Но императрица велѣла ему вернуться, что онъ охотно исполнилъ. Тогда Евдоксія стала хлопатать, чтобы Іоаннъ простилъ Северіана. Видя непреклонность патріарха она прибѣгла къ хитрости. Она явилась въ храмъ съ маленькимъ сыномъ на рукахъ и, пользуясь правомъ, принадлежащимъ особамъ царскаго дома, вошла въ алтарь, прошла прямо къ патріаршему мѣсту и, положивъ сына на колѣни Іоанна, просила его отъ имени младенца простить Северіана. «Отказать ей въ этомъ значило бы произвести страшное смятеніе въ священномъ мѣстѣ, и глаза патріарха наполнились слезами. Онъ наклонился и поцѣловалъ невиннаго ребенка, котораго императрица оставила на его рукахъ. Всецѣло сосредоточившись мыслями на этомъ невинномъ маленькомъ ребенкѣ, онъ предался священнымъ воспоминаніямъ о томъ событіи, когда смиренная Приснодѣва Марія положила святѣйшаго Младенца на руки престарѣлаго Симеона, и сердце его смягчилось. Онъ не могъ противиться женской настойчивости, которая не останавливалась даже предъ такими пріемами, чтобы только достигнуть свей цѣли.

— Государыня,—сказалъ онъ,—я едва въ правѣ противиться этимъ просьбамъ; я снимаю съ себя отвѣтственность по твоему повелѣнію, которое я понимаю какъ повелѣніе императора, и готовъ вновь допустить Северіана къ нашему общенію».

Но Златоустъ не могъ простить Северіана, не объяснившись съ народомъ, который такъ горячо стоялъ на сторонѣ патріарха въ происшедшей исторіи. Поэтому Іоаннъ въ слѣдующее воскресенье обратился къ народу съ рѣчью, въ которой сказалъ между прочимъ: «Голова должна соединиться съ членами, и такимъ образомъ Церковь съ пастыремъ, народъ съ императоромъ. Какъ вѣтвь не можетъ отдѣлиться отъ корня или рѣка отъ своего источника, такъ сыны должны быть въ единеніи со своимъ отцомъ, ученики со своими учителями. Вы часто обнаруживали свою любовь ко мнѣ, свое послушаніе мнѣ и ради меня вы готовы жертвовать даже своей жизнью. Мы едино въ обязаностяхъ, едино въ любви. Какъ моимъ духовнымъ дѣтямъ, совѣтую вамъ сохранять миръ. Между нами были смуты. Пусть онѣ окончатся, пусть о нихъ будетъ забыто,—примите нашего брата Северіана».

«Залогъ мира былъ укрѣпленъ предъ святымъ престоломъ,—говоритъ Фарраръ.—Патріархъ былъ совершенно вѣренъ ему и ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже взглядомъ не нарушалъ его. Но Северіанъ продолжалъ попрежнему строить козни, и его льстивыя

притворныя улыбки явно выдавали завистливость его коварнаго сердца,—и небосклонъ омрачался все болѣе и болѣе».

IX.

Скоплявшіяся тучи предвѣщали грозу. Іоаннъ предвидѣлъ ее, но онъ положился во всемъ на Бога, Котораго одного боялся. Въ числѣ враговъ, продолжавшихъ свои козни, былъ и александрійскій патріархъ Ѳеофилъ. Онъ самъ хотѣлъ сдѣлаться константинопольскимъ патріархомъ, или по крайней мѣрѣ возвести на эту каѳедру своего ставленника. Когда это не удалось, онъ сдѣлался врагомъ Іоанна, которому въ день его хиротоніи выказалъ свое недружелюбіе. Успѣхи Златоуста, какъ проповѣдника и устроителя Церкви, были непріятны Ѳеофилу. Зато онъ былъ радъ, когда узналъ, что въ высшихъ столичныхъ сферахъ возникли неудовольствія противъ Іоанна. Ѳеофилъ съ своей стороны старался вредить Іоанну втайнѣ. Тутъ случилось одно событіе, которое могло бы погубить Ѳеофила, но онъ со свойственной ему ловкостью увернулся отъ обвиненій и добился даже суда надъ невиннымъ патріархомъ. Все это произошло такимъ оброзомъ. Престарѣлый Исидоръ получилъ отъ одной александрійской вдовы большія деньги для раздачи бѣднымъ и для покупки имъ одежды. Вдова, зная жадность Ѳеофила, просила Исидора не говорить о своей лептѣ епископу и взяла при этомъ съ Исидора даже клятву. Но Ѳеофилъ узналъ и потребовалъ отъ Исидора деньги; когда тотъ отказалъ, Ѳеофилъ низложилъ Исидора, который бѣжалъ въ пустыню, гдѣ жили монахи; среди нихъ славились своимъ благочестіемъ четыре брата: Аммоній, Діоскоръ, Евсевій и Евфимій, прозванные за свой высокій ростъ «долгими братьями». Ѳеофилъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они сдѣлали ложный доносъ на Исидора. Когда они отказались, то онъ избилъ престарѣлаго Аммонія, а потомъ сдѣлалъ нападеніе на ихъ убѣжище въ пустынѣ, сжегъ ихъ кельи, разграбилъ имущество, разрушилъ часовни, уничтожилъ библіотеку. «Долгіе братья» бѣжали въ Іерусалимъ, а потомъ въ Константинополь, гдѣ обратились къ защитѣ Златоуста. Патріархъ отнесся къ нимъ съ любовью и состраданіемъ и написалъ письмо къ Ѳеофилу; но тотъ не отвѣтилъ на письмо и, обвиняя «долгихъ братьевъ» въ ереси, обвинилъ въ ней и Златоуста. Монахи обратились къ императору съ жалобой на Ѳеофила. Дѣло приняло дурной оборотъ. Ему угрожалъ судъ, и если бы Іоаннъ согласился стать во главѣ этого суда, то Ѳеофилу не избѣгнуть бы кары. Но Златоустъ, боясь смутъ и раскола Церкви, уклонился отъ суда надъ Ѳеофиломъ... Этотъ послѣдній явился въ столицу и сумѣлъ оклеветать Іоанна, обвинивъ его самого въ ереси. Это ему было тѣмъ легче, что Евдоксія была на его сторонѣ, по-

тому что хотѣла изгнать Іоанна. И вотъ этотъ недостойный паттіархъ созвалъ соборъ изъ 23 епископовъ, которые съѣхались въ Дубѣ, предмѣстьѣ Халкидона. Большинство епископовъ были именно тѣ, которыхъ Іоаннъ лишилъ епископства и которые, понятно, питали вражду противъ него. Этотъ незаконный соборъ постановилъ обвинительный актъ противъ Златоуста и потребовалъ его самого для отвѣта. Въ то время, какъ посланные отъ собора прибыли къ патріарху, онъ бесѣдовалъ съ епископами, которые оставались ему вѣрными. Златоустъ велѣлъ впустить посланныхъ и, когда они вошли, спросилъ, кто они такіе. «Мы епископы,—отвѣтили они,—и привезли письмо къ тебѣ. Позволь прочесть его». Златоустъ разрѣшилъ. Собравшіеся епископы повелѣвали Іоанну явиться въ Дубъ. Это письмо было оскорбительно и тѣмъ, что въ немъ Іоаннъ былъ лишенъ своего титула, какъ будто бы осужденный. Епископы, оставшіеся вѣрными Іоанну, возмутились письмомъ и написали слѣдующій отвѣтъ Θеофилу: «Прекрати нарушеніе церковныхъ постановленій и раздѣленіе Церкви, этой дщери небесной, для которой Христосъ принялъ плоть. Если, вопреки святымъ постановленіямъ Никейскаго собора, ты хочешь судить внѣ предѣловъ твоей территоріи, приди сюда, въ городъ, гдѣ благоустроенный порядокъ, и не старайся завлечь Авеля въ поле, по примѣру Каина. Судить должны мы и осудить тебя перваго, ибо у насъ въ рукахъ обвинительный актъ, заключающій семьдесятъ пунктовъ преступленій, тобою совершонныхъ, и, сверхъ того, нашъ соборъ гораздо многолюднѣе, нежели твой. Васъ только двадцать три и почти всѣ изъ одной провинціи; насъ сорокъ изъ различныхъ провинцій и среди насъ 6 архіепископовъ».

Іоаннъ съ своей стороны продиктовалъ также отвѣтъ, но не Θеофилу, а собору: «Донынѣ не знаю я никого, кто бы съ какимъ-нибудь видомъ законности могъ жаловаться на меня. Тѣмъ не менѣе, если вы хотите, чтобы я предсталъ предъ вашимъ собраніемъ, прежде исключите изъ него моихъ явныхъ враговъ, тѣхъ, кто не скрывалъ своей ненависти и умысловъ противъ меня. Исполните это, и я не буду оспаривать мѣсто суда надо мною, хотя этимъ мѣстомъ, по всѣмъ правиламъ, долженъ бы быть Константинополь. Но если ужъ непремѣнно хотите, чтобы мои враги присутствовали, то велите имъ явиться въ качествѣ обвинителей, чтобы положеніе ихъ выяснилось и я зналъ бы, съ кѣмъ имѣю дѣло. Подъ этимъ условіемъ явлюсь къ вамъ, явлюсь, если то надо, предъ соборомъ, всего міра; но знайте, что хотя бы прислали тысячу разъ за мной, вы не получите иного отвѣта».

Когда на соборѣ было получено это посланіе, то всѣ пришли въ неистовое бѣшенство. Епископы вскочили со своихъ мѣстъ, бросились на пословъ Іоанна, двухъ изъ нихъ избили, а третьяго

схватили, заковали въ цѣпи, приготовленныя для Іоанна, и несчастный посланный епископъ былъ брошенъ въ лодку и оттолкнутъ отъ берега. Незаконный соборъ, не дождавшись Іоанна, низложилъ его, и приговоръ былъ поднесенъ Аркадію для утвержденія. Императоръ подписалъ, но не велѣлъ употреблять силы противъ патріарха. Народъ, узнавъ объ этомъ, въ огромномъ количествѣ собрался вокругъ церкви и патріаршаго дома, чтобы охранять своего пастыря. Среди народа раздавались крики: «Требуемъ вселенскаго собора!»

«Осажденный, такъ сказать, и словно въ плѣну среди этихъ одушевленныхъ стѣнъ, воздвигнутыхъ вокругъ него преданностью народа, на глазахъ котораго было опасно прибѣгать къ насилію, онъ непрестанно переходилъ изъ своего помѣщенія въ церковь и изъ церкви въ свое помѣщеніе. Тамъ ему нужно было утѣшить своихъ служителей и нѣсколькихъ вѣрныхъ священниковъ, здѣсь— растерянную толпу, которую его появленіе и слово исполняли горя и радости. Извѣстія становились часъ отъ часу болѣе зловѣщими. Разсказывали о депутаціяхъ епископовъ, приходившихъ одна за другой изъ Халкидона умолять императора, чтобы онъ подкрѣпилъ силою приговоръ и значеніе собора, и императрица присоединилась къ нимъ, испытывая всѣ средства вліянія на своего слабаго супруга. Говорили, что идетъ рѣчь уже не о ссылкѣ, но о казни, колебались только между топоромъ или мечомъ. Самъ архіепископъ помышлялъ о предстоящей смерти и проповѣдывалъ народу о покорности Провидѣнію».

Северіанъ забылся до того, что, войдя въ одну изъ церквей, позволилъ себѣ произнести рѣчь противъ Златоуста. Плохо пришлось бы Северіану отъ разсвирѣпѣвшаго народа, но онъ успѣлъ скрыться и переплыть проливъ. Златоустъ, узнавъ о поступкѣ коварнаго епископа, воспылалъ справедливымъ гнѣвомъ и произнесъ въ своей церкви слѣдующую рѣчь предъ толпой, колыхавшейся вокругъ амвона: «Братія, ужасная буря застигла насъ, и волны поражаютъ насъ съ небывалой силой; но мы не боимся потопленія, потому что опираемся на скалу. Сколько бы ни свирѣпствовало море, скала эта не потрясется. Сколько бы ни вздувались и ни хлестали волны, корабль Христовъ не погибнетъ. Чего же страшиться мнѣ? спрашиваю васъ. Смерти? Но я скажу съ апостоломъ: «Жизнь моя Христосъ, и смерть мое стяжаніе». Изгнанія? Но земля принадлежитъ Господу, и со всѣмъ, что она содержитъ. Лишенія имущества? Я ничего не принесъ въ этотъ міръ и ничего не унесу изъ него съ собой. Все, что можетъ заставить человѣка трепетать, я презираю. Смѣюсь надъ богатствомъ, смѣюсь надъ почестями, которыхъ другіе такъ жаждутъ. Богатство для меня не болѣе, какъ нищета, и если я желаю жить, то только для того, чтобы быть съ

вами, трудиться надъ вашимъ душевнымъ совершенствованіемъ. Я говорю вамъ такъ, какъ поступаю, и взываю къ любви вашей, да будетъ эта любовь довѣрчива. Нѣтъ, нѣтъ! Церкви не разсѣкаютъ и не увѣчатъ ея: Церковь недѣлима. Въ ней не отдѣляютъ главы отъ членовъ: они остаются въ единеніи, невзирая ни на что. Скажите мнѣ, что сталось съ тиранами, которые нѣкогда покушались подавить Церковь? Скажите, гдѣ ихъ застѣнки, костры, гдѣ зубы ихъ хищныхъ звѣрей и отточенные мечи ихъ палачей? Они хотѣли дѣйствовать, но ничего не сдѣлали. То же молчаніе и то же забвеніе покрываютъ всегда и тирановъ и арсеналъ ихъ преступленій. А Церковь? Она блистаетъ свѣтлѣе солнца по всей вселенной, и если тираны не могли задушить вѣру, когда едва существовали христіане, какъ же могутъ они надѣяться на то нынѣ, когда христіане покрываютъ всю землю? Какъ же хотятъ устрашить цѣлый народъ?.. О, они совсѣмъ не знаютъ насъ! Христосъ со мною! Чего я устрашусь? Его Евангеліе въ рукахъ моихъ—посохъ, на который я опираюсь. Вотъ гдѣ мое прибѣжище, вотъ мирная пристань души моей. Бури, на меня воздвигнутыя, море, на меня низвергнутое, неистовства государей и сильныхъ міра—все это для меня не болѣе паутины, и если бы наша взаимная любовь не удерживала меня въ этихъ мѣстахъ, я не воспротивился бы удалиться отсюда... Знаете ли вы, возлюбленные братія, за что хотятъ погубить меня? За то, что я не приказывалъ стлать предъ собою богатые ковры, что никогда не хотѣлъ я одѣваться въ золотую и шелковую одежду, что я не унизился до того, чтобы удовлетворять жадности этихъ людей, и не держалъ стола, открытаго для нихъ. Племя аспида всегда господствуетъ; осталось потомство у Іезавели, но и благодать подвизается съ Иліею. Иродіада также здѣсь; Иродіада все еще пляшетъ, требуя головы Іоанна, и ей отдадутъ голову Іоанна, потому что она пляшетъ».

На другой день послѣ произнесенія этой проповѣди къ патріарху явился императорскій чиновникъ и объявилъ, что именемъ государя требуетъ, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ города, въ противномъ случаѣ его возьмутъ и увезутъ силою. «Императоръ,— закончилъ чиновникъ,—не допускаетъ больше никакой отсрочки; готовъ корабль, чтобы отвести тебя въ мѣсто ссылки».

Боясь кровопролитія между солдатами и народомъ, который бросился бы защищать патріарха, Златоустъ тайно вышелъ изъ дома и отдался въ руки правительства. Его посадили на корабль и отвезли въ Пренетъ.

Это случилось ночью. Когда наутро стало извѣстно въ городѣ, что патріархъ увезенъ, то въ Константинополѣ поднялось возмущеніе. «По улицамъ начались схватки и буйства, во время которыхъ многіе были изувѣчены и даже убиты, и городу угрожали

разныя бѣдствія. Народъ заволновался, какъ разъяренное море, и повсюду—и въ церквахъ и на площадяхъ—только и было рѣчи, что о вопіющей неправдѣ состоявшагося надъ Іоанномъ суда. Среди толпы поднимались даже шумные голоса, требовавшіе, чтобы главный виновникъ этого событія, Өеофилъ, былъ побитъ камнями, и это случилось бы, если бъ онъ, узнавъ объ угрожавшей ему опасности, тайно не выѣхалъ изъ столицы. Тогда, не имѣя возможности излить свою ярость на Өеофила, народъ огромной массой двинулся къ дворцу и тамъ съ криками и рыданіями просилъ, чтобы ему былъ возвращенъ святитель Іоаннъ. Слыша эти угрожающіе крики, Евдоксія испугалась, но продолжала настаивать на своемъ, надѣясь, что народные вопли пронесутся и смолкнутъ, какъ вѣтеръ. Тѣмъ не менѣе сердце ея дрогнуло, и она въ тайникѣ души уже начала раскаиваться во всемъ совершившемся. Когда она такимъ образомъ колебалась, вдругъ произошло страшное землетрясеніе. Толчки все болѣе и болѣе возрастали, и, наконецъ стѣны дворца были потрясены. Испуганная императрица, которой казалось, что стѣны ея опочивальни сейчасъ рухнутъ, накинула на себя одежду и бросилась къ императору.

— Это за нашъ грѣхъ!—воскликнула она.—О, возврати скорѣе Іоанна!

Императоръ охотно исполнилъ требованіе жены, потому что въ душѣ онъ не переставалъ уважать Іоанна, и если согласился на его изгнаніе, то только по слабой волѣ. Евдоксія сама написала письмо къ Іоанну и послалъ его съ гонцомъ. Она писала: «Да не подумаетъ твое святѣйшество, что я отвѣтственна за то, что случилось съ тобой. Я неповинна въ твоей крови: епископы и злые люди составили этотъ заговоръ противъ тебя. Богъ, Которому я служу, свидѣтель тѣмъ слезамъ, которыя я пролила о тебѣ». Она умоляла далѣе Іоанна какъ можно скорѣе вернуться въ столицу. «Великій святитель,—говоритъ Лопухинъ,—забывъ о всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, со всепрощеніемъ праведника возвратился въ городъ, гдѣ уже несмѣтныя массы народа, и на берегу пролива и на многочисленныхъ лодкахъ и судахъ, покрывавшихъ весь Босфоръ, приготовились встрѣтить своего любимаго архипастыря. Іоаннъ сначала не хотѣлъ было вступать въ самый городъ, желая, чтобы предварительно созванъ былъ соборъ епископовъ, который отмѣнилъ бы состоявшееся надъ нимъ осужденіе придубскаго собора. Но народъ не хотѣлъ и слышать о такихъ формальностяхъ и почти силою взялъ Іоанна».

Уже наступилъ вечеръ. Массы народа сопровождали Іоанна съ факелами въ рукахъ, и «шествіе приняло видъ огненной рѣки», по выраженію Фаррара. Впереди шла сама императрица. Народъ пѣлъ гимны. Придя въ храмъ, народъ возвелъ Іоанна на амвонъ, и всѣ,

какъ одинъ человѣкъ, опустились на колѣни, прося благословенія. Патріархъ благословилъ народъ со слезами на глазахъ и вознесъ славословіе Господу: «Благословенъ Богъ, удалившій меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій на меня бурю! Благословенъ Онъ, удалившій ее!» Затѣмъ сказалъ всѣмъ собравшимся, что на слѣдующій день побесѣдуетъ съ ними, а теперь проситъ дать ему покой. Въ этотъ же вечеръ Златоустъ получилъ второе письмо отъ императрицы, въ которомъ она писала: «Молитва моя услышана и достигла цѣли. Это для меня болѣе богатое украшеніе, чѣмъ моя діадема. Я опять возвратила себѣ первосвященника, я возвратила тѣлу его голову, кормчаго—кораблю, жениха—брачному чертогу».

На другой день патріархъ произнесъ слово, изливъ свою душу предъ любимымъ народомъ. Торжество Іоанна было полное. «Въ это время,—справедливо замѣчаетъ Фарраръ,—едва ли самъ императоръ былъ такъ могущественъ въ своей столицѣ, какъ патріархъ Іоаннъ. Онъ немедленно же съ привычною ему строгостью приступилъ къ исполненію многочисленныхъ обязанностей своего служенія. Первѣйшею необходимостью было очистить духовенство отъ разныхъ измѣнниковъ, и онъ сдѣлалъ это твердой рукой».

Новый соборъ, состоявшійся въ Константинополѣ изъ 60 епископовъ, отмѣнилъ постановленія собора въ Дубѣ.

X.

Наступившій миръ не былъ однако продолжительнымъ. Іоаннъ оставался тѣмъ же безстрашнымъ борцомъ за вѣру, праведникомъ, который боялся только Бога, а императрица—той же гордой, разнузданной женщиной, хотѣвшей властвовать и наслаждаться жизнью, не справляясь съ постановленіями Церкви. Суевѣрная, трусливая она боялась только знаменій; религіозная наружно, но въ душѣ далекая совсѣмъ религіи, она благочестіе ограничивала исполненіемъ однихъ обрядовъ. При такомъ различіи столкновеніе между Евдоксіей и патріархомъ могло произойти каждую минуту, и оно скоро произошло, благодаря ненасытному тщеславію и властолюбію императрицы. Она захотѣла, чтобы была воздвигнута въ честь ея статуя на лучшей площади города. Угодливый сенатъ поспѣшилъ исполнить ея волю. Статуя была воздвигнута на Августовой площади, между царскимъ дворцомъ и храмомъ въ Софіи, очень близко къ церкви. На массивномъ фундаментѣ въ стихахъ и въ прозѣ были вырѣзаны похвалы Евдоксіи. На пьедесталѣ стояла колонна, и на ней серебряная статуя императрицы, которая своимъ повелительнымъ жестомъ какъ бы угрожала церкви, сенату, народу и всей столицѣ.

Открытіе статуи состоялось при торжественной обстановкѣ. Народъ собрался въ огромномъ количествѣ, и торжество происходило въ то самое время, когда въ церкви совершалась литургія. Музыка, крики комедіантовъ, гулъ толпы, пляски и пѣсни—все это нарушало богослуженіе, заглушая не только слова пастыря, но и самое пѣніе. Іоаннъ высказалъ свое неудовольствіе префекту. Угодливый слуга Евдоксіи и язычникъ въ душѣ, префектъ холодно выслушалъ архіепископа. На другой день гулянье возобновилось, и крики, доходившіе до безчинства, опять мѣшали церковной службѣ. Іоаннъ понялъ, что это дѣлается нарочно. Онъ обратился къ народу съ рѣчью. «Съ высоты амвона онъ гремѣлъ противъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ этихъ нечестивыхъ играхъ, противъ префекта, устроившаго ихъ, противъ той, въ честь кого онѣ праздновались и кто въ своей гордости допустилъ осквернить святое мѣсто непристойными криками, какъ бы ставя себя выше самого Бога. Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда еще слово его не было болѣе рѣзко, чѣмъ теперь». Къ вечеру весь городъ пришелъ въ волненіе.

Оскорбленная императрица рѣшила отомстить Іоанну. Не получивъ отъ Аркадія согласія на немедленное изгнаніе патріарха, она обратилась за содѣйствіемъ къ своимъ сторонникамъ, и тѣ согласились созвать новый соборъ для суда надъ Іоанномъ. Призванные епископы поспѣшили въ Константинополь. Большинство ихъ состояло изъ враговъ Іоанна. Лишь немногіе, въ томъ числѣ благородный Θеодотъ Тіанскій, вернулись сейчасъ же въ свои епархіи, какъ только узнали, что ихъ призвали не для безпристрастнаго суда, а для заговора противъ патріарха. Іоаннъ не былъ, конечно, противъ собора. Онъ даже желалъ его. Ему объявили: «по постановленіямъ антіохійскаго собора въ 341 году, епископу, низложенному соборомъ, воспрещалась возвращаться на каѳедру до возвращенія его другимъ соборомъ», Іоаннъ отвѣчалъ на это: «Соборъ придубскій былъ незаконнымъ; онъ нарушалъ всѣ церковные законы, обычное право, онъ былъ составленъ изъ сторонниковъ Θеофила. Затѣмъ, если бы придубскій соборъ былъ и законный, то его постановленія отмѣнены шестидесятью епископами, почти двойнымъ числомъ противъ того числа епископовъ, которые подавали голоса при Дубѣ Въ-третьихъ, патріархъ вернулся не по своей волѣ въ столицу, а былъ возвращенъ своимъ народомъ и притомъ съ согласія императора. И, въ-четвертыхъ, самъ антіохійскій соборъ, издававшій извѣстный канонъ, былъ соборомъ аріанскимъ, значитъ, еретическимъ, и постановленія его отвергнуты православною Церковью».

Между тѣмъ время уже приближалось къ Пасхѣ. Патріархъ оставался на своемъ мѣстѣ; соборъ не пришелъ ни къ какому выводу. Тогда епископы стали настаивать, чтобы императоръ собственной властью изгналъ Іоанна, потому что онъ все равно будетъ

осужденъ. Аркадій послалъ приказъ Златоусту немедленно удалиться изъ города.

«Я не могу исполнить этого,—отвѣчалъ спокойно Іоаннъ.—Я принялъ эту церковь отъ самого Бога, моего Спасителя, дабы пещись о спасеніи народа, и не покину ея». Когда же чиновникъ настаивалъ, онъ прибавилъ: «Если императоръ хочетъ этого, пусть принудитъ меня къ тому силою, ибо городъ принадлежитъ ему. Насиліе будетъ моимъ оправданіемъ предъ Небомъ, но никогда не выйду отсюда добровольно».

Это передали Аркадію. Что оставалось дѣлать? Увести силой? Аркадій вспомнилъ о землетресеніи, и не рѣшился. И вотъ онъ объявилъ, чтобы Іоаннъ никуда не выходилъ изъ своего дома; патріархъ былъ подвергнутъ, такъ сказать, домашнему аресту. Златоустъ повиновался. «Но затѣмъ,—говоритъ Тьерри,—онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти. Страстная недѣля, во время которой совершались приготовленія къ св. Пасхѣ, налагала на епископовъ особыя обязанности, тѣмъ болѣе въ Великую субботу, которая въ древней Церкви такъ же, какъ и канунъ Пятидесятницы, была назначаема для крещенія оглашенныхъ. Самъ епископъ обыкновенно совершалъ это освященіе новообращенныхъ въ жизнь христіанскую, приготовивъ ихъ наставленіями въ теченіе всего года. Златоустъ зналъ, что болѣе 3.000 новообращенныхъ должны явиться въ Великую субботу къ купелямъ архіепископскаго храма, дабы принять тамъ святое крещеніе. По мѣрѣ того, какъ приближалось торжественное мгновенье, онъ все сильнѣе укорялъ себя въ нарушеніи святого долга, въ бѣгствѣ отъ своего стада, за которое добрый пастырь долженъ полагать жизнь свою, и, наконецъ, въ уклоненіи отъ зла, при чемъ навлекъ на себя зло, быть-можетъ, еще большее. По зрѣломъ обсужденіи, онъ рѣшился въ субботу быть въ своей церкви и исполнить тамъ обязанности епископа.

И дѣйствительно, въ Великую субботу, съ утра, архіепископъ нарушилъ свой плѣнъ, отправился въ храмъ, гдѣ тысячи новообращенныхъ, расположившись подъ галлереями, ожидали часа крещенія. При его появленіи началась обѣдня».

Объ этомъ сообщили Аркадію, который послалъ за епископами. Тѣ настаивали на удаленіи и, чтобы успокоить императора, сказали ему, уподобившись еврейскимъ первосвященникамъ, требовавшимъ смерти Іисуса и Пилата: «Не бойся, государь. Мы беремъ вину на себя. Да будетъ его осужденіе на головахъ нашихъ». Послѣ этого Аркадій велѣлъ силою увести патріарха въ его помѣщеніе.

Въ храмѣ шла служба. Происходило крещеніе; часть оглашенныхъ уже находилась въ купели, а другая въ бѣлыхъ одеждахъ дожидалась совершенія таинства крещенія. Въ эту самую минуту въ храмъ ворвались солдаты. Они схватили Златоуста и повлекли

его по корридорамъ въ квартиру. «Произошло страшное смятеніе. Грубые воины бросились на крещаемыхъ. Многіе изъ нихъ были женщины, не мало было мальчиковъ и дѣвочекъ, большинство изъ нихъ уже были раздѣты, приготовившись къ погруженію въ купель,—и вотъ, устрашенные теперь этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, они принуждены были поспѣшно предаться бѣгству, не имѣя даже времени захватить съ собою самыхъ необходимыхъ одеждъ. Священники и діаконы, совершавшіе таинство, были схвачены, и на нихъ порваны ихъ священныя одежды; многіе изъ нихъ были серьезно ранены, и прозрачная вода купели обагриласъ ужаснымъ цвѣтомъ крови. Воины между тѣмъ, предавшись грабежу, осквернили святой престолъ, и доспѣхи легіонеровъ обагрились виномъ, разлившимся изъ опрокинутой чаши святого причащенія».

Разбѣжавшіеся вѣрующіе съ наступленіемъ вечера собрались въ общественныхъ баняхъ, чтобы тамъ докончить таинство крещенія и встрѣтить Пасху. Передадимъ дальнѣйшее словами архимандрита Агапита.

«Епископы, враждебные Златоусту, узнавъ объ этомъ, просили военачальника, чтобы онъ разсѣялъ это собраніе. Но военачальникъ отказался, говоря, что теперь ночь, народъ сильно раздраженъ и можетъ произойти смятеніе. Одинъ изъ епископовъ говорилъ ему: «Церкви опустѣли, и мы боимся, чтобы императоръ, пришедши въ храмъ и не видя тамъ никого, не подумалъ, что народъ не пришелъ по любви къ Іоанну и по ненависти къ намъ».—Военачальникъ, уступая ихъ усиленнымъ просьбамъ, далъ имъ одного изъ подчиненныхъ себѣ начальниковъ, язычника, по имени Люцій, съ находившимся подъ его распоряженіемъ отрядомъ воиновъ; но, отпуская его, онъ приказалъ ему, чтобы онъ не употреблялъ насилія, а кротко убѣждалъ народъ итти въ церковь. Люцій отправился туда съ намѣреніемъ въ точности исполнить приказаніе начальника и кротко убѣждалъ народъ итти въ церкви; но народъ его не слушалъ. Тогда воины ворвались въ средину собранія и стали разгонять народъ, махая во всѣ стороны обнаженными мечами. Самъ Люцій подошелъ къ крещальнѣ, чтобы воспрепятствовать совершенію таинства, и съ такой силой толкнулъ діакона, что тотъ разлилъ священное муро. Пресвитеровъ, стоявшихъ въ облаченіи, били и изгоняли вонъ, забывъ о томъ почтеніи, которое внушали ихъ санъ и старческія лѣта; въ самой крещальнѣ опять пролита была кровь. Женщины, готовившіяся къ воспріятію крещенія, боясь быть убитыми, бѣжали полунагія отъ дерзкихъ злодѣевъ; нѣкоторыя были сильно ранены. Слышны повсюду крики, вопли; священники и діаконы, насильно изгоняемые, бѣжали въ своемъ священномъ облаченіи. Повторилось то же, что произошло раньше въ храмѣ».

Церкви опустѣли, никто не хотѣлъ идти туда; многіе изъ вѣр-

ныхъ отправились за городъ, чтобы тамъ, въ полѣ, совершить пасхальную заутреню. Императоръ, отправившійся также за городъ въ одну изъ церквей, замѣтилъ толпу народа въ бѣлыхъ одеждахъ. «Что это за люди?»—спросилъ онъ. Ему отвѣчали: «Это послѣдователи одной секты, которые собрались сюда, чтобы нанести оскорбленіе церкви». «Такъ прогоните ихъ, — сказалъ императоръ, — и захватите ихъ учителей». И вотъ конные солдаты брисились на беззащитную толпу. Лошади топтали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, священниковъ, а солдаты рубили ихъ мечами и грабили съ богатыхъ одежды; солдаты, срывая у женщинъ серьги, отрывали часть ушей. Такая рѣзня произошла во многихъ мѣстахъ за городомъ.

XI.

Положеніе Златоуста съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Онъ былъ заключенъ въ своемъ домѣ. Его приверженцевъ и друзей, получившихъ кличку іоаннитовъ, преслѣдовали, арестовывали по первому доносу, подвергали пыткамъ, заключали въ тюрьмы. Они мужественно переносили страданія, пѣли псалмы, и если случался между ними священникъ, то сейчасъ же начиналось богослуженіе. Темницы были тогда,—говоритъ Палладій,—истинными церквами Божіими, а церкви—мѣстомъ беззаконія и богохульства.

И самъ Іоаннъ былъ небезопасенъ въ своемъ домѣ. Однажды утромъ близъ патріаршаго дворца какой-то человѣкъ, прикинувшись бѣсноватымъ, старался проскользнуть въ ворота. Ему это не удалось; когда его схватили и стали обыскивать, то нашли у него кинжалъ. Толпа отвела его къ префекту, но Златоустъ, узнавъ объ этомъ, послалъ къ префекту просить, чтобы этого человѣка помиловали. Черезъ нѣсколько дней другой человѣкъ сдѣлалъ снова попытку пробраться къ патріарху. Онъ былъ уже на порогѣ прихожей, когда схватили его. Ударомъ ножа онъ положилъ на мѣстѣ слугу. На крики сбѣжалась толпа и схватила преступника. Его потащили къ судьѣ. При обыскѣ у злодѣя нашли три острыхъ ножа. Онъ сознался въ своемъ намѣреніи убить Златоуста и сказалъ, что получилъ впередъ отъ священника Ельпидія 50 золотыхъ. Его посадили въ тюрьму, но онъ неизвѣстно куда исчезъ въ ту же ночь. Это раздражило народъ. Вокругъ патріаршаго дома изъ народа образовалась стража, которая охраняла архипастыря днемъ и ночью. «Мы сами будемъ охранять нашего отца,—говорилъ народъ,—если власти не заботятся о немъ и выпускаютъ убійцъ».

Іоаннъ, сохраняя спокойствіе духа, обратился съ письмами къ папѣ Иннокентію и къ нѣкоторымъ западнымъ архіепископамъ, потому что ему нечего было ждать отъ епископовъ восточныхъ. Западные епископы сочувствовали Златоусту, удивляясь злобѣ его

враговъ, но не могли ничѣмъ помочь ему. Между тѣмъ враги продолжали принимать мѣры, чтобы изгнать его изъ города. Они наконецъ уговорили Аркадія, и тотъ согласился выслать архіепископа. И вотъ, на разсвѣтѣ іюньскаго дня, явился къ Іоанну чиновникъ императора и объявилъ: «Поручи свое дѣло Богу и уходи отсюда безотлагательно». Златоустъ отправился въ храмъ, чтобы въ послѣдній разъ помолиться въ немъ. Собрались войска и окружили храмъ святой Софіи. Народъ также въ огромномъ количествѣ собрался вокругъ церкви. Іоаннъ, боясь кровопролитія, захотѣлъ удалиться тайно и приказалъ осѣдлать и покрыть попоной свою лошадь и держать ее наготовѣ у западныхъ дверей. Видя лошадь толпа терпѣливо стала дожидаться выхода патріарха, который между тѣмъ прощался съ друзьями и преданными епископами. Поцѣловавъ двоихъ изъ нихъ и отвернувшись въ слезахъ, онъ сказалъ остальнымъ: «Цѣлую васъ всѣхъ въ лицѣ этихъ. Побудьте въ святомъ храмѣ, чтобы я могъ успокоиться немного прежде, чѣмъ уйду». Потомъ онъ отправился къ крещальнѣ, гдѣ были собраны діакониссы. Подозвавъ ихъ, онъ сказалъ имъ: «Слушайте меня внимательно, дочери мои. Чувствую, что все кончено Путь мой совершонъ. Быть-можетъ, мы не увидимся болѣе. Не нарушайте уваженія къ Церкви. Кто будетъ возведенъ съ общаго согласія на мое мѣсто, покоритесь ему, какъ мнѣ самому. Не забудьте меня въ своихъ молитвахъ». Діакониссы бросились къ его ногамъ, цѣловали ихъ, обливая слезами. Простившись со всѣми, онъ быстро прошелъ черезъ церковь въ восточныя двери и отдался въ руки солдатъ. Его повели къ морю. Чтобы не быть узнаннымъ, Златоустъ закрылъ лицо складками одежды. Но въ пути его все-таки узнали. Образовалась громадная толпа народа, которая хотѣла освободить патріарха. Но Іоаннъ обратился съ просьбою къ народу—не нарушать приказа царя. «Я покоряюсь,—сказалъ онъ,—и не хочу, чтобы лилась кровь. Это огорчитъ меня». Толпа повиновалась. Онъ благословилъ ее и послѣдовалъ далѣе.

Но кровь все-таки была пролита.

Народъ, дожидавшійся у храма, догадался, что патріарха увезли. Тогда вся толпа бросилась въ храмъ, охраняемый солдатами. Начался снова бой, въ которомъ пало много жертвъ. Бой еще не кончился, когда поднялась буря съ сильной грозой. Молнія ударила въ храмъ св. Софіи, и храмъ загорѣлся. Вѣтеръ раздувалъ пламя, огонь перешелъ съ храма на сенатъ и превратился въ цѣлое море. Многія зданія сгорѣли, и самъ дворецъ едва уцѣлѣлъ. Отъ Великой церкви осталась только часовня, въ которой находилась ризница патріарха. Воспользовавшись пожаромъ, враги Іоанна обвинили друзей его въ поджогѣ. Опять начались преслѣдованія, пытки. Многіе друзья Златоуста умерли при истязаніяхъ. Олимпіада

также была призвана на судъ; она смѣло говорила на судѣ. Ее однако не пытали, а подвергли только большому штрафу и приговорили къ изгнанію; но ее не торопили выѣздомъ, благодаря нѣкоторымъ связямъ при дворѣ.

На патріаршую каѳедру былъ возведенъ братъ покойнаго Нектарія, престарѣлый Арсакій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Златоустъ былъ сраженъ. Евдоксія торжествовала. Все это въ порядкѣ вещей на землѣ, гдѣ зло часто празднуетъ побѣду надъ добромъ и грѣшники ликуютъ по поводу гибели праведныхъ. Еще Христосъ сказалъ: «Если Меня гнали, то будутъ гнать и васъ, и если міръ возненавидѣлъ Меня, то онъ возненавидитъ и васъ». И этотъ міръ возненавидѣлъ Златоуста, добился его пораженія и теперь временно торжествовалъ. Начался крестный путь для страдальца патріарха. Его повезли въ Никею. Вмѣстѣ съ нимъ отправились и нѣсколько человѣкъ, преданныхъ ему; тутъ были епископы, священники и діаконы. Но на дорогѣ ихъ догналъ офицеръ изъ Константинополя, посланный съ приказомъ арестовать спутниковъ Златоуста. Они были заподозрѣны въ поджогѣ. Іоаннъ требовалъ, чтобы и его арестовали и вмѣстѣ съ ними заключили въ тюрьму. Но офицеръ имѣлъ приказъ взять только его спутниковъ, которыхъ онъ заковалъ въ цѣпи и отправилъ въ Халкидонъ. Іоанна повезли далѣе. Отправляя его изъ Константинополя, Евдоксія приказала воинамъ обращаться съ «арестантомъ» какъ можно грубѣе. И сначала съ нимъ дѣйствительно обращались жестоко, но сердце загрубѣлыхъ солдатъ оказалось все-таки болѣе сострадательнымъ, чѣмъ сердце императрицы. Конвоиры Златоуста, видя его страданія, сжалились надъ нимъ, и эта жалость перешла потомъ въ любовь къ нему. «Во время отдыха они старались добывать ему пищу лучше своей и доставлять ему нѣсколько часовъ отдохновенія. Когда отъ удушливаго зноя желудочныя боли усилили его страданія до высшей степени, онъ почувствовалъ припадки четверодневной лихорадки, противъ которой было только одно средство—ванны; между тѣмъ конвою было запрещено останавливаться въ городахъ, гдѣ можно было найти баню. Когда сильный припадокъ приближался, Іоаннъ долженъ былъ употреблять вмѣсто ванны отрѣзокъ бочки; стражи помогали ему въ этихъ случаяхъ съ трогательнымъ усердіемъ. Конвоемъ командовали два молодыхъ офицера изъ Константинополя, которые, нисколько не осуждая услугъ своихъ солдатъ,

и сами окружали изгнанника почтительною заботливостью. Ихъ звали Анатоліемъ и Θеодоромъ; они были хорошей фамиліи и хорошаго воспитанія. Златоустъ упоминаетъ о нихъ съ похвалой въ своихъ письмахъ. Благодаря ихъ терпимости, плѣнникъ могъ дорогою видаться съ священниками, къ нему расположенными, которые приносили ему новости, могъ писать и получать письма. Все это было большимъ утѣшеніемъ для человѣка, который не перенесъ бы полнаго лишенія свободы».

Въ послѣднихъ числахъ іюля Златоустъ прибылъ въ Никею, гдѣ назначена была ему остановка до того времени, пока будетъ извѣстно мѣсто его ссылки. Здѣсь Іоаннъ отдохнулъ и поправился отъ мучительной лихорадки. Императорскій приказъ не заставилъ себя ждать. Мѣстомъ ссылки для Іоанна назначался городокъ Кукузъ, въ Малой Арменіи. Друзья Златоуста усиленно хлопотали о томъ, чтобы его поселили въ Себастѣ, большомъ городѣ, гдѣ были удобства жизни и откуда можно было удобнѣе сноситься съ близкими людьми. Аркадій ничего не имѣлъ противъ этого, но Евдоксія продолжала месть до конца и настояла на томъ, чтобы Златоуста сослали въ Кукузъ. Изъ Никеи Златоустъ писалъ Олимпіадѣ: «Не тревожься, что мои друзья не могли выбрать мнѣ другого мѣста ссылки. Славу Богу за все. Я никогда не перестану повторять этого». Изъ Никеи же Іоаннъ писалъ своимъ товарищамъ по изгнанію, священникамъ, епископамъ и діаконамъ, схваченнымъ на дорогѣ и увезеннымъ потомъ въ Константинополь: «Не сомнѣваюсь нисколько въ томъ, что ваши страданія даже увеличатъ вашу цѣну предъ Богомъ, Который даруетъ вамъ еще болѣе силы для перенесенія ихъ... Апостолы, обремененные цѣпями, всегда вспоминали о своемъ посланничествѣ въ глубинѣ темницъ, простирая свое попеченіе на весь міръ; ваше попеченіе также распрострется на страданія нашихъ церквей. Пользуйтесь всякимъ случаемъ, какой представится вамъ, для осуществленія вашей ревности и усердія, и собственными силами и черезъ другихъ, имѣющихъ большую свободу дѣйствія; не пренебрегайте ничѣмъ, ни въ вашемъ поведеніи ни въ вашихъ словахъ, для того, чтобы укротить ожесточенную бурю. Эта ревность дастъ добрые плоды,—это несомнѣнно; если бы было иначе, то Богъ вознаградилъ бы васъ не менѣе за ваши намѣренія и усилія».

Въ Никеѣ Златоустъ получилъ очень неутѣшительныя вѣсти о Финикіи, гдѣ онъ такъ старался распространить христіанство. Тамъ оно опять было заглушено язычествомъ, благодаря бездѣйствію многихъ и тѣмъ препятствіямъ, которыя создались для дѣла сейчасъ же, какъ только патріархъ попалъ подъ опалу двора. Христіанскія церкви были разрушены, монахи-миссіонеры прогнаны, языческія капища возстановлялись. Сердце Іоанна было взволновано этими

извѣстіями. Энергичный изгнанникъ рѣшилъ возобновить миссіонерское предпріятіе, пользуясь тѣми днями, которые онъ пробылъ въ Никеѣ. Онъ убѣждалъ священниковъ, съ которыми пришлось ему разговаривать, писалъ также письма ко многимъ, побуждая ихъ на миссіонерскую дѣятельность. Такъ, онъ писалъ своему другу, священнику Констанцію, котораго просилъ поддержать дѣло и отыскать достойныхъ исполнителей его. Въ окрестности Никеи спасался одинъ монахъ, человѣкъ высокой жизни. Онъ никуда не выходилъ изъ кельи, желая умереть въ затворѣ, не сообщаясь съ міромъ. Этого-то пустынника Златоустъ и рѣшился избрать вождемъ въ борьбѣ съ язычествомъ. Онъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его выйти изъ кельи. «Покинь свои горы,—писалъ Златоустъ,—и оставь тамъ свою склонность, которая не можетъ послужить людямъ. Возьми посохъ и отправься въ Антіохію и отыщи священника Констанція. Войди съ нимъ въ соглашеніе о низверженіи идоловъ Финикіи». Монахъ колебался. Второе письмо Златоуста убѣдило отшельника, и онъ оставилъ келью, отправившись на подвигъ миссіонерскій. Не имѣя ни обола, ни власти, но охваченный жаромъ, Златоустъ дѣйствовалъ какъ властительный патріархъ. Единственною его силой было огненное слово; единственною его властью—обаяніе его личности, ореолъ его праведности. Онъ обѣщалъ миссіонерамъ поддержку, и она нашлась: кошельки многихъ богачей явились къ услугамъ Златоуста, и все золото онъ отдалъ на борьбу съ язычествомъ.

II.

Въ срединѣ іюля Златоустъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ Никеи, чтобы слѣдовать въ Кукузъ. Дорога опять дурно повліяла на Златоуста. Стояли жары, страдальца мучила безсонница, которая завершилась такой сильной лихорадкой, что онъ прибылъ въ Кесарію почти полумертвымъ. Но здѣсь онъ былъ встрѣченъ глубокимъ сочувствіемъ. Вотъ какъ подробно описываетъ самъ Златоустъ Олимпіадѣ свое пребываніе въ Кесаріи и дальнѣйшія свои заключенія, благодаря проискамъ своего врага Фаретрія, епископа Кесаріи каппадокійской. «Не огорчайся тѣмъ, что я тебѣ разскажу,—писалъ Златоустъ,—напротивъ, радуйся о Господѣ. Всѣ скорби и гоненія, которыя я долженъ былъ вытерпѣть отъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ менѣе всего могъ ожидать этого, мнѣ даютъ случай заслужить прощеніе грѣховъ; скажу еще болѣе: въ этомъ мои побѣдныя пальмы, мои вѣнцы, мои безчисленныя богатства, мое безсмертное сокровище. Я готовился вступить въ предѣлы Каппадокіи, но на дорогѣ многіе встрѣтили меня и говорили, что епископъ Фаретрій ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ, ищетъ по всѣмъ путямъ, чтобы имѣть удо-

вольствіе обнять меня и оказать всѣ знаки всевозможнаго почтенія и любви, и съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ мнѣ навстрѣчу множество монаховъ и монахинь. Зная хорошо, какія чувства питалъ ко мнѣ Фаретрій, я чрезвычайно былъ удивленъ этимъ; впрочемъ, никому не выразилъ своей недовѣрчивости къ словамъ говорившихъ. Наконецъ, я достигъ Кесаріи, но я былъ чрезвычайно утомленъ и изнуренъ до изнеможенія продолжительностью пути, нестерпимымъ жаромъ солнечныхъ лучей; невыносимый жаръ лихорадки, достигшій высшей степени своего развитія, такъ сильно сожигалъ меня, что я испытывалъ муки предсмертныхъ страданій. Я остановился на концѣ города, спѣшилъ найти какую-либо помощь, спрашивалъ лѣкаря, который бы могъ погасить эту печь, которая палила меня,—но не находилъ. Наконецъ, Богъ сжалился надо мною; вскорѣ меня обступили весь клиръ, народъ, иноки, инокини, врачи, всѣ спѣшили помочь мнѣ, всѣ старались оказать мнѣ какую-либо услугу. Жаръ лихорадки, пожигавшій меня и доводившій до чрезвычайнаго изнеможенія, наконецъ, при содѣйствіи врачей и отраднаго участія окружающихъ меня, мало-по-малу сталъ утихать и ослабѣвать. Но Фаретрій не являлся, а нетерпѣливо ожидалъ только моего выхода, и я никакъ не могъ понять этому причины. Когда я почувствовалъ, что болѣзнь моя стала проходить, я сталъ помышлять о дальнѣйшемъ путешествіи въ Кукузъ. Мнѣ хотѣлось сколько можно скорѣе прибыть туда, чтобы насладиться необходимымъ отдохновеніемъ послѣ тревогъ и безпокойствъ моего труднаго путешествія. Когда я занятъ былъ такими мыслями, вдругъ разнесся слухъ, что вооруженные исавряне расхищаютъ окрестности Кесаріи и уже одно важное мѣстечко истребили, предавъ все огню и мечу. Трибунъ, взявъ воиновъ, какіе у него были, вышелъ изъ Кесаріи, чтобы защитить ее отъ нападеній враговъ. Всѣ жители пришли въ чрезвычайный страхъ. Молодые люди присоединились къ вооруженнымъ воинамъ, а старики оставались охранять стѣны. Ночь прошла въ страхѣ и трепетѣ. Впрочемъ, я былъ покоенъ, во всемъ предаваясь на волю Божію; но думая только о нападеніи исаврянъ, я не ожидалъ удара съ противоположной стороны. Каково же было мое удивленіе, когда на разсвѣтѣ дня окружило мой домъ множество монаховъ, съ яростью кричавшихъ и угрожавшихъ, что сожгутъ его, обратятъ въ пепелъ и причинятъ всевозможное мнѣ зло, если я не выйду изъ города. Напрасно говорили имъ о жалкомъ состояніи моего разстроеннаго здоровья, объ опасности попасть въ руки враговъ: ничто не могло ихъ утишить. Мои преторіанцы устрашенные прибѣжали ко мнѣ и умоляли выйти изъ города, чтобы только избѣжать ярости сихъ дикихъ звѣрей, несмотря на то, что намъ предстоитъ опасность впасть въ руки исаврянъ. Когда слухъ о семъ дошелъ до губернатора, онъ поспѣшилъ къ

моей квартирѣ, желая мнѣ помочь. Но и его убѣжденія не тронули ихъ; не находя послѣ сего никакихъ средствъ къ устроенію спокойствія, онъ послалъ къ Фаретрію и убѣждалъ его, чтобы онъ далъ мнѣ хоть нѣсколько дней сроку какъ ради болѣзни моей, такъ и ради окружавшихъ опасностей. Но его просьба осталась безъ отвѣта; на другой день монахи приступили еще съ большимъ неистовствомъ, съ большею яростью. Съ этой минуты я уже не видѣлъ ни одного священника. Всѣ открыто говорили, что это дѣлается по мысли епископа Фаретрія, и самые смѣлые изъ пресвитеровъ скрылись, не смѣя болѣе посѣщать меня: никто послѣ не хотѣлъ подать мнѣ сего утѣшенія, несмотря на мои смиренныя просьбы. Итакъ, я рѣшился отправиться, и хотя я былъ убѣжденъ, что иду на явную смерть, однакоже въ самый полдень бросился на носилки и вышелъ изъ города. Весь народъ плакалъ, рыдалъ, проклиналъ виновника моихъ несчастій. Всѣ сокрушались и проливали слезы. Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ города нѣкоторые изъ клириковъ вышли тайно и шли со мною, выражая знаки самой искренней и нѣжной любви. Я слышалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ разговаривали между собою обо мнѣ: «куда вы ведете его на явную смерть?» Но одинъ клирикъ, больше всѣхъ любившій меня, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Иди, умоляю тебя; попадись ты исаврянамъ, только избавься отъ насъ: ибо куда бы ты ни попалъ, ты вездѣ будешь безопаснѣе, если только уйдешь отъ нашихъ рукъ». Между тѣмъ среди множества знавшихъ меня нашлась одна благородная особа, Селевкія, жена министра Руфина, которую я зналъ и которая уже много оказала мнѣ услугъ. Тронутая состраданіемъ при видѣ окружавшихъ меня бѣдствій и угрожавшихъ мнѣ опасностей, она пригласила меня на время удалиться въ одинъ изъ ея домовъ, находившійся въ ея селеніи, отстоявшемъ отъ Кесаріи на пять миль; дала мнѣ вѣрныхъ проводниковъ, и я туда удалился съ сопровождавшими меня воинами. Но несчастія мои этимъ не кончились, гоненія враговъ преслѣдовали меня и въ этомъ смиренномъ уединеніи. Лишь только Фаретрій узналъ о мѣстѣ моего пребыванія, сталъ дѣлать страшныя угрозы этой благочестивой женѣ, доставлявшей мнѣ успокоеніе. Но я ничего не зналъ: Селевкія не говорила мнѣ объ этомъ; напротивъ, приказала своимъ слугамъ предпринять всѣ средства къ моему успокоенію; даже приказала своему управителю собрать поселянъ изъ другихъ селеній на тотъ случай, если придутъ для возмущенія моего спокойствія, и отразить ихъ силою оружія. На третій день послѣ сего Селевкія, заботясь о моемъ благосостояніи, тогда какъ я ничего не зналъ, просила меня удалиться въ одну изъ ея деревень, въ которой былъ укрѣпленный замокъ, прибавляя, что это мѣсто будетъ болѣе прилично для моего помѣщенія и удобное для успокоенія; но такъ какъ я не имѣлъ надлежащаго понятія о

происходившемъ внѣ моего жилища, а между тѣмъ былъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ, то отказался отъ сдѣланнаго ею предложенія. Между тѣмъ мои гонители не удовольствовались своимъ бѣшенствомъ противъ меня. Фарстрій съ страшными угрозами сталъ требовать отъ Селевкіи, чтобы она выгнала меня вонъ изъ своего дома. Эта благоговѣйная жена, не имѣя силъ болѣе противиться ему, рѣшилась отпустить меня на произволъ судьбы. Но, не смѣя открыть мнѣ этой постыдной тайны, какъ послѣ мнѣ она сказала, рѣшилась выслать меня подъ предлогомъ набѣга варваровъ. Въ самую полночь, по ея наставленію, прибѣжалъ ко мнѣ пресвитеръ Евсевій, разбудилъ и кричалъ мнѣ громко: «Встань, умоляю тебя! Варвары приступили, они близко здѣсь!» Ты, конечно, можешь понять, въ какомъ былъ я тогда ужасѣ. Недоумѣвая, что предпринять, я спрашивалъ его мнѣнія, и онъ сказалъ мнѣ, что лучше совѣтуетъ скорѣе отправиться въ путь, чѣмъ возвратиться въ городъ. Но была полночь: непроницаемый мракъ покрывалъ всю землю; мы не имѣли никого, кто бы помогъ намъ или указалъ путь— всѣ насъ оставили. Мучимый страхомъ, изнуренный болѣзнью, совершенно обезсиленный, едва живой, я наконецъ всталъ и велѣлъ зажечь факелы. Но пресвитеръ ихъ сначала загасилъ, боясь, чтобы варвары, привлеченные свѣтомъ, не напали на насъ. Мы отправились въ путь безъ свѣтильниковъ по узкой, каменистой, шероховатой дорогѣ. Едва успѣли пройти полмили, какъ мой мулъ споткнулся и упалъ на колѣни. Носилки вмѣстѣ со мной свалились, и я получилъ такой сильный ударъ, что едва не умеръ. Кое-какъ я поднялся и шелъ, держась за пресвитера Евсевія; меня волокли, потому что невозможно было идти въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, по этимъ тяжкимъ горамъ. Я не могу тебѣ разсказать всѣхъ неудобствъ, всѣхъ лишеній, которыя я долженъ былъ вытерпѣть. Но благодареніе Богу за все случившееся. Я вспоминаю обо всемъ этомъ и, перебирая въ умѣ всѣ непріятности путешествія, радуюсь какъ человѣкъ, обладающій огромными богатствами, и тебя умоляю радоваться и прославлять Бога, удостоившаго меня столько претерпѣть».

Пройдя Виѳанію, Галатію, Каппадокію, Іоаннъ прибылъ въ Кукузъ въ сентябрѣ 404 года. Дорога была трудна. Іоаннъ не былъ лишенъ утѣшенія, встрѣчаемый во многихъ мѣстахъ епископами, народомъ, который выказывалъ ему уваженіе и любовь. Въ одномъ мѣстѣ его встрѣтили подвижники съ громкимъ плачемъ и восклицаніемъ: «Лучше бы солнце угасло, нежели уста Іоанна умолкли!»

Между тѣмъ папа Иннокентій, узнавъ всѣ подробности дѣла, написалъ письмо къ Аркадію. «Кровь брата моего Іоанна,—писалъ Иннокентій,—вопіетъ къ Богу на тебя, государь, какъ въ древности кровь Авеля вопіяла на Каина, и она будетъ отмщена, потому что ты во время мира воздвигъ гоненіе на Божью Церковь, изгналъ

ея истиннаго пастыря, изгнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Христа, и стадо Его вручилъ наемникамъ». Аркадій отнесся пренебрежительно къ этому письму, равно какъ и къ письму своего брата Гонорія, управлявшаго западной частью имперіи. Но гнѣвъ Божій наконецъ началъ сказываться, и враги Іоанна получили свое воздаяніе. Императрица умерла въ невыразимыхъ страданіяхъ, и вслѣдъ за ней смерть поразила многихъ ея соучастниковъ. Одинъ изъ епископовъ, особенно сильно нападавшій на Іоанна въ собраніи, убился, упавши съ лошади; другой заболѣлъ гнойной водянкой; третій заживо былъ съѣденъ червями; четвертый заболѣлъ злокачественной рожей и умеръ, страдая отъ ужаснаго зуда; одинъ изъ клеветниковъ былъ пораженъ опухолью языка, такъ что не могъ дышать; онъ оставилъ послѣ себя записку, въ которой сознался въ своемъ преступленіи. Ѳеофилъ помѣшался и умеръ скоропостижно отъ паралича. Такъ сбылось изреченіе: «Ненавидящіе праведнаго погибнутъ».

III.

Кукузъ былъ такой ничтожный городокъ, что скорѣе его можно было назвать деревнею, чѣмъ городомъ. Онъ былъ расположенъ въ глубокой долинѣ Тавра и отличался нездоровымъ климатомъ: послѣ знойно-удушливаго лѣта наступала суровая вѣтреная зима. Въ Кукузѣ Златоустъ былъ встрѣченъ сочувствіемъ и любовью. Богатый житель, нѣкто Діоскоръ, предложилъ ему для помѣщенія свой домъ, а затѣмъ епископъ предложилъ ему свою квартиру; губернаторъ также оказалъ вниманіе изгнаннику. Слѣдуя имъ, и многіе граждане, владѣвшіе сосѣдними помѣстьями, выказали свое сердечное расположеніе Златоусту, который поселился у Діоскора, потому что онъ прежде всѣхъ предложилъ свой кровъ. Наперерывъ всѣ помѣщики предлагали Златоусту различныя вещи, необходимыя для обзаведенія; его двери осаждали или сами владѣльцы, или ихъ управляющіе. Онъ съ кротостью отказался отъ всѣхъ предложеній.

Когда стало извѣстно, что Златоустъ поселился въ Кукузѣ, туда сейчасъ же начали стекаться его поклонники и друзья. Антіохія не забыла своего пастыря, и изъ этого города масса людей направилась въ Кукузъ. Тутъ были міряне и духовныя лица. Скоро пріѣхала изъ Антіохіи тетка Златоуста (по отцу), діаконисса Сабиніана. Ея присутствіе было особенно цѣнно для изгнанника, заброшеннаго далеко отъ константинопольскихъ друзей-женщинъ, къ попеченіямъ которыхъ привыкъ патріархъ, совсѣмъ не умѣвшій заботиться о себѣ со стороны домашняго благоустройства.

Наступившая холодная зима заперла Златоуста въ комнатѣ, въ которой пришлось поддерживать постоянный огонь. Но это не помогло, Іоаннъ простудился и заболѣлъ. У него поднялся сильный

кашель, сопровождаемый кровавой рвотой. Онъ лежалъ цѣлые дни въ постели, плотно закутанный. Аппетитъ пропалъ, и его начала мучить безсонница. А между тѣмъ въ Кукузъ продолжали съѣзжаться люди разныхъ положеній и состояній, уважавшіе Іоанна и желавшіе видѣть его. Тѣ, которые не могли пріѣхать, писали Златоусту, который получалъ массу писемъ со всѣхъ сторонъ. Полныя любви, эти письма однако были преисполнены грустныхъ вѣстей о состояніи Церкви, о жизни въ столицѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на письма, диктуя кому-нибудь изъ окружавшихъ его, а когда чувствовалъ себя лучше, писалъ и самъ. Особенно дѣятельно переписывался онъ съ діакониссой Олимпіадой, которая пала духомъ и предалась глубокой скорби. Златоустъ утѣшалъ ее и поддерживалъ ея бодрость своими наставленіями. «Повѣрь, дорогая и досточтимая жена,— писалъ онъ,—есть одно только зло—грѣхъ, и нѣтъ другого блага, кромѣ добродѣтели, все остальное, счастіе или несчастіе, какъ бы его ни называли, есть одинъ дымъ, призракъ и мечта. Другими словами, зло въ насъ самихъ, мы его производимъ, мы сами создаемъ его собственнымъ нашимъ паденіемъ: что внѣ насъ—не можетъ возобладать надъ нами, если мы останемся тверды въ уповaніи на мудрость и благость Всевышняго. Ты смущаешься отъ раздоровъ, которые насъ обуреваютъ, твои друзья страдаютъ отъ нихъ, и ты отъ нихъ страдаешь и плачешь. Правда, Церковь терзается, ея вожди изгнаны, волки вторглись въ овчарню, но что же? развѣ никогда не случалось подобнаго въ мірѣ? Развѣ Церковь Христова не возростала среди смутъ, и самъ Христосъ отъ колыбели до могилы не былъ окруженъ поруганіемъ? А если этотъ такъ, то зачѣмъ роптать? и что такое мы, со всѣми нашими жалкими страданіями, когда Сынъ Божій и Его апостолы принесли намъ истину лишь посреди мученій и преслѣдованій?» Совѣтуя Олимпіадѣ не предаваться отчаянію и вѣрить въ возрожденіе правды и добра, Златоустъ пишетъ: «Послѣ гибели, смерти и соблазновъ порядокъ возстановляется и водворяется тишина, и правда возобновляетъ свой путь. Вы хотите изслѣдовать повелѣнія Провидѣнія. Преклонитесь лучше передъ Его закономъ, ибо: «глубина намѣреній Божіихъ, кто можетъ постигнуть васъ!» сказалъ апостолъ». И затѣмъ Златоустъ разъясняетъ свою мысль дальше: «Если представить себѣ человѣка, никогда не видавшаго ни восхода, ни захожденія солнца, не соблазнился ли бы онъ при видѣ, какъ исчезаетъ дневное свѣтило съ небосклона и ночь охватываетъ землю? Онъ подумалъ бы, что Богъ его покидаетъ. А тотъ, кто видѣлъ только весну, не соблазнился ли бы онъ, увидѣвъ наступленіе зимы, этой смерти природы? Онъ подумалъ бы, что Богъ, отрекаясь отъ своего творенія, оставляетъ міръ, Имъ созданный. И тотъ, кто видитъ, какъ сѣютъ сѣмя въ землю и какъ это сѣмя изгниваетъ подъ землею и инеемъ, не со-

блазнится ли онъ, спрашивая: для чего погибло это сѣмя? Но позже онъ увидитъ его возрожденіе въ желтѣющихъ нивахъ; другой увидитъ солнце, восходящее вновь на небосклонѣ, и весну, снова смѣняющую зиму. Эти люди раскаются потомъ въ своемъ ослѣпленіи и преклонятся съ благоговѣніемъ передъ порядкомъ, установленнымъ Провидѣніемъ. Такъ и въ нравственномъ мірѣ и въ событіяхъ жизни: достаточно наблюдать ихъ, чтобы вскорѣ убѣдиться со скорбію, что подобное сомнѣніе есть просто богохульство».

Олимпіада возражала, что благодаря гоненію многіе соблазняются. Іоаннъ возражалъ ей: «А ты думаешь, что не было учениковъ, соблазнившихся при видѣ креста? Когда враги овладѣли Христомъ, то при видѣ Его униженія многіе соблазнились. Христосъ покинутъ учениками. «Если Ты Сынъ Божій,—кричали Ему у подножія креста,—то сойди и мы увѣруемъ въ Тебя!» Но верхомъ оскорбленія было предпочтеніе разбойника. «Кого хотите отпустить—Христа или Варавву?» «Варавву, а Христа распни!» Была ли когда-нибудь смерть болѣе позорная? Никогда всѣ соблазны, вмѣстѣ взятые, не могли сравниться съ такимъ соблазномъ. Вотъ какъ истина, ниспосланная съ небесъ, получила свое начало на землѣ. Она осуществила Божественное слово, ей самой произнесенное: горе соблазняющемуся. О, если бы мое письмо,—воскликнулъ Златоустъ,—могло принести тебѣ утѣшеніе и укрѣпить твое здоровье! Хочу встряхнуть этотъ печальный пепелъ, которымъ покрылась ты».

И слово учителя мало-по-малу смягчало горе и скорбь Олимпіады.

Несмотря на свой недугъ, Іоаннъ продолжалъ дѣло распространенія православія. Онъ посылалъ снова деньги въ Финикію, чтобы поддержать монаховъ-миссіонеровъ, которые начали нуждаться. Онъ вербовалъ новыхъ миссіонеровъ и въ число ихъ включилъ нѣкоего священника Руфина, который отличался безтрепетнымъ сердцемъ. Въ концѣ-концовъ настойчивыя усилія Іоанна достигли цѣли. Христіанство начало одерживать верхъ, воздвиглось нѣсколько церквей. Потребовалось, конечно, много времени для довершенія дѣла, но въ концѣ-концовъ вся страна стала христіанской. Это случилось уже послѣ Златоуста, но несомнѣнно обращеніе въ христіанство Финикіи неразрывно связано съ энергичными усиліями изгнанника-патріарха.

Кромѣ того, Златоустъ, находясь въ Кукузѣ, задумалъ широкое и смѣлое дѣло: обратить въ христіанство Персію, и вотъ, какъ только эта мысль возникла у него, онъ сейчасъ же обратился къ епископу Марутасу, одному изъ тѣхъ епископовъ, который заявилъ себя его врагомъ въ Дубѣ. Но почему же Златоустъ обратился именно къ нему? Тьерри даетъ этому слѣдующее объясненіе: «Персія не была совершенно закрыта попыткамъ христіанской пропо-

ди, и (не упоминая о временахъ апостольскихъ) нѣкоторый успѣхъ былъ пріобрѣтенъ при жизни Константина мужественнымъ починомъ одного отшельника, по имени Симеона низибскаго; но огнепоклонники скоро одержали снова верхъ, и гоненіе Сапора уничтожило на полвѣка эти начатки христіанской вѣры. Случайное обстоятельство воззвало ихъ снова къ жизни. Императору Өеодосію нужно было вести переговоры съ царемъ персидскимъ по какому-то дѣлу, и онъ выбралъ для этого священника изъ провинціи Софенской. Это былъ человѣкъ простой, но смѣтливый. Наблюдая религіозный бытъ персовъ, онъ замѣтилъ, что сѣмена христіанства не настолько заглохли, чтобы ихъ уже нельзя было воскресить. Онъ вошелъ въ довѣріе царя, основалъ церковь на рѣкѣ Нимфеѣ. Вокругъ этой церкви построились дома и образовался городокъ, названный Мартирополемъ. Этотъ городъ избралъ себѣ въ епископы священника, которому былъ обязанъ своимъ основаніемъ. Священникъ этотъ былъ Марутасъ». Но Марутасъ не отозвался на призывъ Златоуста, и желаніе патріарха осталось неосуществленнымъ.

Не забывалъ Златоустъ въ заточеніи и православныхъ готовъ, для которыхъ онъ въ Константинополѣ построилъ церковь, поставилъ нѣсколько священниковъ изъ готовъ и самъ нѣсколько разъ проповѣдывалъ въ ихъ церкви. Живя въ Кукузѣ, Златоустъ тревожился о состояніи церкви готовъ, жилъ ея интересами и помогалъ ея устроенію.

Нечего и говорить, что онъ не оставлялъ и свою константинопольскую паству, о которой болѣлъ любящимъ сердцемъ. Узнавъ изъ писемъ, что константинопольскіе пресвитеры, Саллюстій и Өеофилъ, нерадиво проповѣдуютъ въ храмѣ, онъ написалъ имъ пламенное увѣщательное письмо слѣдующаго содержанія: «Я съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ узналъ, что вы небрежете объ исполненіи своихъ обязанностей; съ самаго моего отъѣзда вы не ходите къ церковной службѣ и не проповѣдуете слова Божія; никакое извѣстіе въ моемъ изгнаніи не могло бы принести мнѣ столько скорби, какъ это. Не огорчайте вашего друга лѣностью, недостойною священства. Неисчислимыя награды назначены за дѣла благочестивой ревности; но также какое наказаніе должно ожидать васъ за нерадѣніе о вашихъ обязанностяхъ! Какъ же вы осмѣливаетесь предаваться преступному бездѣйствію, тогда какъ изъ прочихъ епископовъ и пресвитеровъ одни подвергаются гоненіямъ, другіе изгоняются вонъ, а нѣкоторые заточаются въ ссылкѣ? Утѣшьте же вашею ревностною дѣятельностью мою опечаленную душу. Поддержите этотъ бѣдный народъ скорбящій, это стадо Іисуса Христа преслѣдуемое, и старайтесь заслужить вашими трудами награду, которую Домовладыка обѣщалъ вѣрнымъ и прилежнымъ дѣятелямъ».

IV.

Ничтожный Кукузъ сдѣлался центромъ духовной жизни, сюда стекались люди со всѣхъ сторонъ, отсюда исходилъ свѣтъ. Изгнанный патріархъ не былъ живымъ трупомъ; онъ дѣйствовалъ и привлекалъ къ себѣ вниманіе всего православнаго міра: не только восточные, но и западные епископы и лучшіе люди интересовались Златоустомъ, писали ему и рѣзко порицали дѣйствія его враговъ. Эти послѣдніе еще болѣе озлобились, встревоженные такимъ положеніемъ дѣла. Они восклицали: «Вся Антіохія въ Кукузѣ! Этотъ мертвецъ становится опаснымъ!» Онъ особенно показался имъ опаснымъ въ ту минуту, когда умеръ Арсакій. Они испугались, что Аркадій, лишившись жены и ея вліянія, въ душѣ самъ уважавшій архіепископа, можетъ вспомнить о немъ и, поддаваясь увѣщаніямъ его друзей, захочетъ вернуть его въ столицу. Низкіе душою, они судили о Златоустѣ по себѣ и боялись его мщенія. Они пустили въ ходъ всѣ средства и сумѣли такъ повліять на слабовольнаго Аркадія, что онъ согласился перевести Златоуста изъ Кукуза въ Пиоіунтъ—полуразрушенный городокъ, лежавшій на берегу Чернаго моря, у подножія Кавказа, на дальнихъ границахъ имперіи. Отданъ былъ приказъ немедленно взять Златоуста и отправить его въ новое мѣсто ссылки, при чемъ отдано тайное повелѣніе обращаться съ Іоанномъ въ дорогѣ безъ всякаго состраданія, не давая ему отдыха. Были посланы нарочно офицеры, не расположенные къ Златоусту, и при этомъ имъ обѣщали повышеніе въ чинахъ, если они окажутся ревностными исполнителями приказа. Они съ точностью исполнили приказъ. Они умышленно увеличивали страданія узника. «Шелъ ли дождь, какъ изъ ведра, они выбирали именно это время для отправленія въ путь, и продолжали его до тѣхъ поръ, пока одежда на изгнанникѣ не промокла, и ручьи текли по его груди и спинѣ. Выѣзжали ли въ какую-нибудь сожженную равнину подъ безоблачнымъ небомъ, они вели узника съ обнаженной головой по солнцу въ самый разваль зноя. Голова Златоуста была лишена волосъ, и это мученіе было для него смертельнымъ. Если имъ случалось проѣзжать черезъ городъ, гдѣ изгнанникъ могъ бы отдохнуть и взять ванну, которая была ему необходима, потому что лихорадка сжигала его внутренности, то конвой отказывалъ ему въ остановкѣ; привалы дѣлались въ ничтожныхъ селеніяхъ или въ пустыняхъ, гдѣ нельзя было получить никакой помощи. Начальникъ приходилъ въ бѣшенство, когда встрѣчные жители жалѣли изгнанника и обращали къ нему нѣсколько утѣшительныхъ словъ».

Прошло три мѣсяца,—разсказываетъ Палладій,—какъ узникъ и конвой подвигались такимъ образомъ черезъ горы, долы, и добрались до Команъ. Лицо Іоанна, по словамъ того же Палладія, было

точно обожжено, голова склонена на грудь. Силы Златоуста совсѣмъ упали; онъ не могъ идти, но солдаты грубо влекли впередъ. Они дошли до церкви св. Василиска, въ которой почивали мощи этого мученика. Здѣсь конвоиры нѣсколько сжалились надъ Златоустомъ и позволили ему пробыть ночь въ домѣ священника. Ночью во снѣ Златоусту явился мученикъ Василискъ и сказалъ: «Не унывай, братъ Іоаннъ. Мужайся: завтра мы будемъ вмѣстѣ». Напрасно наутро патріархъ просилъ конвоировъ оставить его въ домѣ священника до полудня. Солдаты грубо повлекли его впередъ. Но онъ, пройдя нѣсколько верстъ, окончательно выбился изъ силъ. Съ нимъ сдѣлался жестокій припадокъ лихорадки, и онъ не могъ сдѣлать далѣе ни шагу. Пришлось вернуться назадъ. Златоуста взяли на руки и донесли до церкви. Здѣсь онъ попросилъ священника дать чистыя бѣлыя одежды. Облекшись въ нихъ, онъ принялъ св. причастіе изъ рукъ священника, помолился и, произнеся: «Слава Богу за все!» перекрестился, легъ на плиты храма, вытянулся во всю длину тѣла и отошелъ къ Богу, Которому служилъ, Котораго одного боялся и за Церковь Котораго пострадалъ. Это случилось 14 сентября 407 года; Іоанну было 60 лѣтъ *).

Вѣсть о смерти Златоуста быстро разнеслась по окрестностямъ. На погребеніе его собралось множество народа. Пришли отдать послѣдній долгъ патріарху многіе священники, діакониссы, отшельники и міряне. Страдальца патріарха похоронили съ торжествомъ въ церкви св. Василиска, рядомъ съ его мощами. Когда достигла Константинополя скорбная вѣсть, народъ встрѣтилъ ее плачемъ и рыданіями.

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ смерти Златоуста умеръ Аркадій, и на престолъ вступилъ Ѳеодосій.

Кончилось жизненное странствіе Златоуста. Его возлюбленная діаконисса Олимпіада была поражена смертью своего учителя, но въ то же время она какъ бы утѣшилась отъ мысли, что его мученичество кончилось, и онъ теперь нашелъ свое успокоеніе въ царствіи Христа. Неразрывная дружба Олимпіады съ Златоустомъ обязываетъ насъ докончить исторію этой благородной женщины. Она оставила столицу, переѣзжала изъ изгнанія въ изгнаніе, и затѣмъ поселилась въ Никомидіи. Здѣсь посѣщали ее ея друзья, которые были друзьями Златоуста, и оказывали ей глубокое уваженіе. Палладій говоритъ, что она продолжала ту же жизнь, нося простую одежду, изнуряя тѣло и благотворя бѣднымъ насколько могла, потому что ея матеріальныя средства стали очень малы. Домъ ея по-

*) „Ради праздника Воздвиженія Животворящаго Креста, Церковь празднуетъ день кончины Іоанна Златоуста вмѣсто 14 сент.—13 ноября, а перенесеніе мощей въ самый тотъ день: 27 января“. (Еп. Филаретъ Гумилевскій: „Житія Святыхъ, чтимыхъ православн. Церковью“.)

ходилъ на церковь, потому что въ немъ раздавались только молитвы. Она угасла въ глуши, забытая дворомъ. Передъ смертью она сказала епископу, чтобы ея прахъ положили въ гробъ и бросили въ море: «Богъ позаботится о томъ, чтобы я не осталась безъ погребенія»,— прибавила она. Ея воля была исполнена. Море долго носило ея гробъ по своимъ волнамъ и, наконецъ, прибило къ берегу въ мѣстѣ, называемомъ Брохти, близъ Константинополя, но на противоположной его сторонѣ. Жители мѣстечка сбѣжались навстрѣчу, извлекли гробъ изъ воды и положили его въ церковь св. Ѳомы. Въ 618 году патріархъ Сергій перенесъ нетлѣнное тѣло Олимпіады въ столицу и положилъ его въ женскомъ монастырѣ, ею основанномъ еще въ годы патріаршества Златоуста.

V.

Прошло тридцать лѣтъ. На престолѣ императорскомъ сидѣлъ сынъ Аркадія Ѳеодосій второй, тотъ самый, который ребенкомъ былъ положенъ матерью на колѣни патріарха въ алтарѣ. Патріархомъ константинопольскимъ былъ теперь Проклъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Златоуста. Свято храня память о владыкѣ, Проклъ постоянно говорилъ народу о немъ, о его жизни и дѣлахъ. И вотъ въ 437 году, въ день памяти Іоанна, Проклъ произнесъ похвальное слово Златоусту и между прочимъ сказалъ слѣдующее: «О, Іоаннъ! Жизнь твоя была многотрудна, но смерть славна, гробъ твой блаженъ, и воздаяніе обильно по благодати и милосердію Господа нашего Іисуса Христа. О благодать, препобѣждающая предѣлъ, мѣсто и время! Мѣсто препобѣдила любовь, предѣлъ уничтожила незабвенная память, и мѣстомъ не ограничивались чудеса святителя. Онъ лежитъ въ Понтѣ, а восхваляется во всемъ мірѣ!» Народъ прервалъ рѣчь патріарха криками: «Мы требуемъ, чтобы намъ возвратили Іоанна! Мы хотимъ тѣло нашего отца!»

Патріархъ передалъ объ этомъ желаніи императору. Ѳеодосій, благодаря заботамъ своей старшей сестры, воспитанной въ любви къ Златоусту, благоговѣлъ передъ его памятью. Онъ немедленно согласился на просьбы народа и, желая перенести мощи съ торжествомъ, онъ отправилъ въ Команы посольство, состоящее изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Посланные приступили къ открытію могилы. Ее открыли, но,—говоритъ сказаніе,—несмотря на всевозможныя усилія, не могли сдвинуть гробъ съ мѣста. Сообщили объ этомъ Ѳеодосію, который сейчасъ же призвалъ патріарха, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Патріархъ высказалъ то мнѣніе, что Ѳеодосію нужно просить святого, изгнаннаго съ безчестіемъ Аркадіемъ и Евдоксіей, вернуться въ Константинополь. Императоръ написалъ письмо Златоусту, какъ бы живому, и въ этомъ письмѣ

умолялъ Іоанна вернуться къ своей паствѣ, забыть всѣ оскорбленія, причиненныя ему родителями императора. Лишь только, продолжаетъ сказаніе, это письмо положили на перси св. изгнанника и совершили молитву, какъ гробница была безъ труда поднята. Священники подняли на плечи гробъ съ мощами святого и въ сопровожденіи сановниковъ и народа отправились въ путь. Вѣсть о перенесеніи мощей распространилась по всей имперіи.

Пресвитеры, пустынники и міряне всѣхъ возрастовъ и состояній стекались къ дорогѣ, по которой двигалась процессія, присоединялись къ ней и шли далѣе, неся въ рукахъ зажженные факелы и распѣвая псалмы и гимны. Въ Халкидонѣ ожидала императорская трирема, великолѣпно украшенная, и приняла останки Златоуста. Весь городъ вышелъ навстрѣчу: императоръ, сенатъ, военные и гражданскіе чины и масса народа. Море покрылось множествомъ судовъ и лодокъ, такъ что, по картинному выраженію, «море отъ устья Понта Евксинскаго до Пропонтиды казалось сушею». Затѣмъ мощи были съ императорскаго судна переложены въ царскую колесницу и доставлены въ церковь свв. апостоловъ. Народъ плакалъ отъ радости. Императоръ и его сестра преклонили колѣни. Өеодосій, снявъ съ себя всѣ знаки царскаго достоинства, подошелъ къ священной гробницѣ, покрылъ ее своей порфирой и обратился съ мольбою къ святому, ходатайствуя передъ нимъ за отца и мать, сдѣлавшихъ ему много зла. Когда императоръ отошелъ отъ гробницы, Проклъ поставилъ ее на патріаршее мѣсто, и народъ воскликнулъ: «Святѣйшій отецъ! Займи опять твой прежній престолъ!» Уста Златоуста открылись,—говоритъ сказаніе,—и произнесли вслухъ: «Миръ вамъ!» *).

Спустя нѣкоторое время православная Церковь причислила Іоанна Златоуста къ лику святыхъ и чествуетъ его память слѣдующими пѣснопѣніями: «Отъ небесъ пріялъ еси Божественную благодать, и твоими устами вся учиши поклонятися въ Троицѣ Единому Богу, Іоанне Златоусте, всеблаженне, преподобне, достойно хвалимъ тя; еси бо наставникъ, яко Божественная являя». (Кондакъ.)

«Устъ твоихъ якоже свѣтлость огня, возсіявши благодать, вселенную просвѣти; не сребролюбія мірови сокровища сниска, высоту намъ смиренномудрія показа; но твоими словесы наказуя, отче Іоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душамъ нашимъ». (Тропарь.)

VI.

Жизнь св. Іоанна Златоуста и его дѣятельность—передъ глазами читателей. Несмотря на все стараніе, конечно, я многое упустилъ

*) „Нынѣ мощи св. Іоанна Златоуста покоятся въ Римѣ, въ который перенесены при разореніи Константинополя латинами“. (Іер. Өеодосій: „Іоаннъ Златоустъ“.)

и не могъ не упустить, но и при этихъ условіяхъ картина вышла яркая и сильная,—не по изложенію, зависѣвшему отъ меня, а по самому богатству содержанія. Имѣя въ виду это содержаніе и желая представить образъ Златоуста какъ можно выпуклѣе, дѣятельность его яснѣе, я иллюстрировалъ мой разсказъ словами самого Златоуста, столь драгоцѣнными при обрисовкѣ его религіознаго идеала, и пользовался тѣми мѣстами изъ источниковъ, которыя такъ краснорѣчивы и сильны, что всякая передача ихъ только повредила бы цѣли. Каждый, прочитавшій внимательно очеркъ, проникнется благоговѣніемъ къ великому борцу за вѣру, не знавшему страха, когда дѣло касалось Церкви, не понимавшему лести для пріобрѣтенія личныхъ выгодъ, ибо онъ объ одномъ только думалъ, какъ бы выполнить долгъ свой передъ Христомъ. И онъ шелъ неуклонно своей тернистой дорогой, закончивъ ее «мученичествомъ безъ пролитія крови».

Проповѣдникъ милосердія, любви, св. Іоаннъ Златоустъ является передъ нами цѣльнымъ человѣкомъ, слово котораго исходитъ изъ сердца. Истинно апостольская Церковь всегда была его идеаломъ. Онъ проводилъ свой идеалъ въ жизнь и достигъ такой высоты, что въ немъ мы имѣемъ образецъ для пастырей. Онъ, по вѣрному опредѣленію Пюша, обладалъ тѣми качествами, которыя были дивно соединены въ Божественномъ Учителѣ, т.-е. ревностью дерзновенныхъ людей, восхищавшихъ небо, и святою кротостью смиренныхъ. Смиренный, когда дѣло шло о немъ самомъ, Златоустъ становился дерзновеннымъ до отрицанія всякаго страха, если онъ боролся за Христову истину. Этой борьбѣ онъ не измѣнилъ ни въ годы власти, ни въ изгнаніи, гдѣ, лишенный всякой власти, онъ сохранялъ ее въ самомъ себѣ. Сильный духомъ, онъ въ изгнаніи оставался борцомъ, поднималъ на свои рамена тяжелое бремя и мощью духа покорялъ другихъ, понуждалъ ихъ на служеніе Богу.

Его слово жгло, какъ огонь, и волновало сердца. И не потеряло своей силы это слово, перешедшее изъ устъ Златоуста на бумагу, сохраненное до нашего времени. Сколько онъ написалъ— съ точностью опредѣлить нельзя. Многое навсегда исчезло, но довольно и того, что уцѣлѣло и сдѣлалось достояніемъ всего христіанскаго міра. Какъ учитель нравственности, онъ остался учителемъ для всѣхъ и нынѣ, и только безумные могутъ отвергать это, тѣ безумные, которые ищутъ свѣта въ ложномъ знаніи, забывая, что истинный свѣтъ—свѣтъ Божественнаго ученія: «Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ». Этотъ свѣтъ и несъ всюду Златоустъ. Этимъ свѣтомъ онъ и просвѣщалъ всѣ земли и народы. Златоустъ жаждалъ одного, чтобы любовь Божія проникла во всѣ сердца, и онъ говорилъ: «Кто воспламеняется любовью къ Богу, тотъ уже не хочетъ болѣе смотрѣть на предметы, подлежащіе зрѣнію тѣлесному, но,

имѣя у себя другія очи, очи вѣры, постоянно устремляетъ умъ свой къ предметамъ небеснымъ, ихъ созерцаетъ и, ходя по землѣ, дѣлаетъ все такъ, какъ бы жилъ на небѣ, не встрѣчая ни въ чемъ человѣческомъ препятствія къ подвигамъ добродѣтели».

Кто хочетъ познакомиться подробно съ мыслями Златоуста, тому открыты его творенія. Но въ первый день Пасхи, послѣ заутрени, во всѣхъ храмахъ священникъ обращается къ вѣрующимъ со словомъ Златоуста. Великій патріархъ какъ бы самъ снова бесѣдуетъ съ паствой, поучать которую было для него такимъ наслажденіемъ, такой сердечной потребностью. Да, это говоритъ самъ Златоустъ, ибо это его яркій и пылкій языкъ, его жгущіе глаголы: «Аще кто благочестивъ и боголюбивъ, насладится сего добраго и свѣтлаго торжества! Аще кто рабъ благоразумный, да внидетъ радуяся въ радость Господа своего! Аще кто потрудился постяся, да воспріиметъ нынѣ динарій. Аще кто перваго часа дѣлалъ есть, да пріиметъ днесь праведный долгъ. Аще кто по третіемъ часѣ пріиде, благодаря да празднуетъ. Аще кто по шестомъ часѣ достиже, ничтоже да сумнится, ибо ничимъ же отщетевается. Аще кто лишися и девятаго часа, да приступитъ ничтоже сумняся, ничтоже бояся. Аще кто точію достиже и во единонадесятый часъ, да не устрашится замедленія: любочестивъ бо сый Владыка, пріемлетъ послѣдняго, якоже и перваго; упокаеваетъ во единонадесятый часъ пришедшаго якоже дѣлавшаго отъ перваго часа. И послѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ; и оному даетъ, и сему дарствуетъ; и дѣла пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ; и дѣяніе почитаетъ, и предложеніе хвалитъ. Тѣмже убо внидите вси въ радость Господа своего! и первіи и вторіи мзду пріимите, богатіи и убозіи другъ съ другомъ ликуйте; воздержницы и лѣнивіи день почтите; постившіеся и непостившіеся возвеселитеся днесь! Трапеза исполнена, насладитеся вси; телецъ упитанный, никто же да изыдетъ алчай: вси насладитеся пира вѣры, вси воспріимите богатства благости! Никто же да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство; никто же да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія; никто же да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть. Угаси ю, иже отъ нея держимый; плѣни ада, Сошедый во адъ; огорчи его, вкусивша плоти Его. И сіе предпріемый Исаіа возопи: адъ, глаголетъ, огорчися, срѣтъ Тя долѣ. Огорчися, ибо упразднися; огорчися, ибо поруганъ бысть; огорчися, ибо умертвися; огорчися, ибо низложися; огорчися, ибо связася. Пріятъ тѣло, и Богу приразися; пріятъ землю, и срѣте небо; пріятъ еже видяше, и впаде во еже не видяше. Гдѣ твое, смерте, жало? Гдѣ твоя, аде, побѣда? Воскресе Христосъ, и ты низвергся еси; Воскресе Христосъ, и падоша демони; Воскресе Христосъ, и радуются ангели; Воскресе Христосъ, и жизнь жительствуетъ; Воскресе Христосъ, и мертвый ни единъ во гробѣ: Хри-

стосъ бо воставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть. Тому слава и держава вовѣки вѣковъ! Аминь».

Аминь, повторимъ и мы вмѣстѣ со святымъ Іоанномъ Златоустомъ, который предлагаетъ и отъ себя христіанамъ духовную трапезу, чтобы всѣ ею насытились.

Источники и пособія при составленіи очерка:

1) Твореніе святаго отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа константинопольскаго, въ русскомъ переводѣ. Спб., 1895 г. Изд. Спб. дух. академіи.
2) Собраніе поученій, избранныхъ изъ твореній св. отца нашего Іоанна Златоуста Стефаномъ Дерябинымъ. 1896 г.
3) Житія святыхъ, чтимыхъ православною Церковію, сост. преосвящ. Филаретомъ (Гумилевскимъ), архіеп. черниговскимъ. 1892 г.
4) Жизнь и труды св. Іоанна Златоуста. Статья А. Лопухина (при первомъ томѣ собран. твореній Іоанна Златоуста).
5) Жизнь св. Іоанна Златоуста, арх. константинопольскаго, и его пастырская дѣятельность, соч. архим. Агапита. 1874 г.
6) Св. Іоаннъ Златоустъ. Сост. іеромонахъ Ѳеодосій. 1897 г.
7) Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца и пресвитера. (Труды Кіевской дух. академіи, 1890—92 г.).
8) Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія. Соч. Амедея Тьерри. Переводъ съ французскаго. 1884 г.
9) Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей Церкви. Очерки церковной исторіи Ф. Фаррара. Переводъ съ англійскаго А. Лопухина. 1891 г.
10) Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Разсказъ изъ временъ Іоанна Златоуста. Соч. Ф. Фаррара. Пер. Лопухина. 1897 г.
11) Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Эме Пюша. Пер. съ франц. А. Измайлова. 1897 г.
12) Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей. Спб. 1895 г.
13) Вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ. Составилъ священникъ Алексѣй Миролюбовъ. 1899 г.
14) Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Филарета (Гумилевскаго). Спб. 1882 г.
15) Житія святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Прот. Дебольскаго.
16) Tableau de l'éloquence chretienne au IV siécle, par M. Villemain. Paris, 1855. (Saint Jean Chrysostome, стр. 149—211).
